

Сергей Фёдоров-Мистик
Слово об Олесе

Сергей Фёдоров-Мистик

Слово
об
Олесе

Москва
Волшебный фонарь
2018

Предисловие к книге «Слово об Олесе»

После смерти матушки в 2012 году я пережил три инсульта за три года. Семьи у меня не было, я остался один. Матушка для меня была всем, её любовь согревала вселенную. И вот эта вселенная опустела, стала тёмной и холодной, лишённой смысла. И моя жизнь почти лишилась смысла, поддерживала только вера.

На втором инсульте я собрался уходить вслед за матушкой. Но человек предполагает, а Бог располагает. Не пришло время покидать этот «лучший из миров». Отлежав в больнице после приступов давления 236 на 148, я должен был возвращаться в скуку одиночества и тупую безысходность. Накануне второго инсульта Ангел, невидимо присутствующий рядом, предупредил, чтобы я готовился к скорби, которая скоро постигнет меня, она и постигла.

Через год был третий инсульт. Я не мог поднять раннее парализованную руку, чтобы поднести ложку ко рту. Казалось, в этом мире мне делать уже нечего. Приходили известия о смерти знакомых, друзей, родственников. Я почти завидовал им: «Отмучились!»

В это время я жил в усадьбе, в Крюкове, у многолетних друзей. Особенно мы были дружны со Старушкой, у которой было восемь своих кошек. А в усадьбе их было тринадцать. К несчастью, Старушка сломала руку и ногу, и нужно было разделять её одиночество.

Голова пухла от непрерывно работающего телевизора, я искушался кошками, писающими на свою хозяйку, поскольку Старушка не выпускала их на улицу, боясь, что их съедят собаки. То, что кошки писали на неё, Старушка объясняла особым выражением любви, знаком доверия, и не возбраняла им отмечать себя такой наградой, к ужасу домработницы, которой приходилось два раза в день менять бельё и юбки Старушки. Старуш-

ка укоряла меня в жестокосердии, что я не умиляюсь кошкам. Читать книги было невозможно от непрерывно повторяемых по телевизору политических новостей, а Старушка смотрела только политические новости, «Давай поженимся» и «Поле чудес» Якубовича, я почувствовал, что превращаюсь в дебила. Решил, что надо покупать планшет и уходить от политики в свой виртуальный мир.

Купил, и... вышел на стихи Олеси Николаевой, совершенно не зная, кто это.

Первое время я воспринимал её как певчую церковного хора. Потом ум начал останавливаться на удачных строчках «Девушки с клироса». Потом оказалось, что это матушка. Это казалось очень странным.

«Матушка и хорошие стихи — две вещи несовместные», — думал я, при всём уважении к матушкам, к их подвигу.

Мои оценки «Девушки с клироса» становились менее категоричны, похвалы не столь снисходительны. Удивляла проза «Девушки», её киношный, профессионально-режиссёрский взгляд.

«Кому же я уже два месяца пишу критику?» — думал я.

В это время крюковский поэт Владимир Гейне принёс книгу стихов Олеси Николаевой. Я открыл первую страницу, и меня ослепило золото и бриллиантовый блеск регалий и наград поэтессы мирового значения, императрицы поэтов нашего времени. Тихое оцепенение охватило меня, и я не смог написать очередной «похвальный» отзыв.

Когда, принёс извинения за учительский тон и незнание её как поэтессы, из-за «монашеского устройства» жизни, то Олеся Александровна ответила, что я был не так уж и неправ, воспринимая её как девушку с клироса, она действительно пела и читала в храмах, как и я, и очень странно, что мы не пересеклись раньше, потому

что подвизались в одних и тех же храмах, знали одних и тех же батюшек и монахов. У нас оказался один круг общих знакомых. Олеся даже слегка укорила меня, почему я не замечал её, да и она, окружённая друзьями и поклонниками, не слишком обращала внимания на незнакомых людей в храме.

У нас началась переписка. А вскоре я по уши влюбился в Олесю Александровну. Мы делились воспоминаниями о работе в храмах, забавными и трагическими историями из духовной жизни, мнениями о современной ситуации в Церкви. «Запойные» разговоры продолжались далеко за полночь. Я влюблялся всё больше и больше, и вскоре попросил о встрече. Мы встретились в Литературном институте на её лекции. Я был потрясён красотой Олеси. (На фотографиях она выглядела старше и строже.) В тот день зам. главного редактора «Нового мира» Павел Крючков являл студентам Олеси голоса великих поэтов и прозаиков, записи на фонографах. Удивительно было слушать голоса Есенина, Пастернака, Кольцова, Ахматовой. Некоторые голоса – это прослушка НКВД, из архива КГБ.

Мы обменялись своими книгами и, выпив кофе на кафедре, растались восхищённые друг другом. Олеся увозила мои розы, преподнесённые ей, и букетики студенток. Розы долго простояли в её доме, радуя её.

Очень быстро начались искушения. Мы пять раз ссорились. Иногда из-за нелепого недоразумения, в основном из-за моей бестактности, так что Олеся рвала все отношения. И её ледяная вежливость была страшнее бурь и гроз. Я чувствовал себя заслуженно побитой собакой. Опять для меня рушился весь мир. Я ревновал её к домашним и даже к собачке, которую она любила. Олеся видела во мне сироту и болящего инвалида и снисходительно относилась к такой ревности и обожанию. Для неё я был один из многих её поклонников.

Однажды она представила меня своему мужу о. Владимиру Вигилианскому, я провожал Олеся после лекции в Литинституте до университетского храма мученицы Татьяны, где о. Владимир является настоятелем.

О. Владимир благословил меня и сказал, что мы уже заочно знакомы. Нас покормили, и по приглашению о. Владимира и Олеси вместе с ними я отправился на открытие посмертной выставки их друга иконописца Александра Соколова.

На выставке на Крымской набережной присутствовало большое количество духовенства во главе с митрополитом Екатеринбургским Кириллом. Олеся беседовала с ним как со своим другом. Я предпочитал издалека наблюдать за беседующими.

Наша переписка продолжалась. Я был интересен Олесе и как писательнице. Она даже подумывала написать обо мне роман.

Позже она написала мне о своём сне. Будто я пришёл на свадьбу (чьё-то, своих друзей, неважно) и произнёс какой-то двусмысленный тост. Но по чистоте душевной сам не понял его сомнительности и, когда гости переглянулись и засмутились, я даже как-то расстроился. И ещё – меня во сне звали Александром, и это имело какой-то смысл. Потом художник сделал мою фигурку (из дерева), одел её во фрак и поставил, с какой-то тоже им сделанной фигуркой дамы в красном платье, Олесе на пианино.

Сон был очень яркий и слился с реальностью. Поэтому Олеся проснулась ни свет ни заря и принялась его разгадывать. Она не думала, что сон мне предвещает что-то дурное.

Я ответил, что этот сон к написанию романа. Фигурка в чёрном фраке – это я. Фигурка в красном платье – это сама Олеся. Двусмысленный тост, после которого гости засмутились, это моё состояние влюблённости

в неё. А то, что художник поставил обе фигурки на панино Олеси, говорит о том, что роман будет написан ею.

«Похоже, это и есть Промысел Божий. Я всё до конца не мог понять, в чём Промысл Божий о нас (начиная с встречи в Литинституте).

Ваш сон — это первая ласточка, первое явление в „магическом кристалле“ (Вы приняли его от Пушкина).

Скоро ли или нет, но он будет написан.

Склоняю главу перед великой писательницей и поэтессой».

Ответ Олеси:

«Ну, какой же Вы отгадчик! Это была свадьба каких-то Ваших друзей, из тех, о ком Вы мне писали, и я, благодаря Вашим историям, тоже там была в качестве гостыи. Насчёт литературного романа — это может быть непредсказуемо. Дело в том, что как только на страницах появляются живые герои, они начинают действовать сами, независимо от авторской воли. И приходят совсем не туда, куда их хочет привести автор».

Я начал писать отзывы на стихи и прозу Олеси, которые она публиковала на страницах социальной сети.

Потом стали появляться отклики читателей и поклонников Олеси на мои рецензии, с пожеланием чтобы они были собраны в одну книгу. Я начал приходить в состояние смятения, колебаний и сомнений.

Но решающим оказалось слово профессиональной пушкинистки Людмилы Стебеновой. Она восхитилась и почти потребовала издать книгу рецензий.

Сергей Фёдоров

Осенний псалом

Осенью говорят деревья, от куста передают кусту:
Оставь себе лишь себя, оставь себе простоту,
Готовься к бедности, к сирости, к холодам,
к Рождественскому посту.
Осыпаются листья, отрываются пуговицы,
ветер к ночи всё злее.
Всё у тебя отберут — роскошь, молодость, красоту,
А кураж и сама отдай, не жалея.

Нитки висят, лохмотья, прорехи в кроне, дыра
Прохудилась в роще, густоволосой ещё вчера,
И не надейся: готовься, уже пора —
К скудости, к безголосым птицам, на руках цыпки.
Только б концы с концами свести! Иней уже с утра.
Да, но и бедность тоже умеет играть на скрипке!

Так говорят деревья, так говорят кусты:
Есть и у нас псалмы, есть и у нас персты.
И стоят посреди зимы, как в пустынном зале.
Музыка чуть слышна, и рифмы совсем просты:
Вот, мы протягиваем вам руки — смотрите, они пусты,
Всё мы отдали вам и ничего не взяли!

«Иней уже с утра» — пушкинский уровень; *«...и бедность тоже умеет играть на скрипке»* — философский образ, еврейско-шагаловский или еврейско-чеховский. Дух в стихах есть, и «знание псалмов», а вот эти две строчки — поэзия. И может быть, вокруг них должно было бы строиться всё стихотворение. *«Иней уже с утра»* — как просто и как ёмко. «Мороз и солнце».

«Оставь себе лишь себя, оставь себе простоту» — «Наг я исшел из чрева матери, наг и уйду» (неточная цитата).

«Осыпаются листья, отрываются пуговицы, / ветер к ночи всё злее» — «теряются бантики» — хочется добавить: к листопаду.

«Всё у тебя отберут — роскошь, молодость, красоту...» — Иов! Иов!

«Нитки висят, лохмотья, профехи в кроне, дыра

Прохудилась в роце, густоволосой ещё вчера...» — какая надёжность старости, клоки волос на голове, как «роце, густоволосой ещё вчера». Не хватает описания беззубого рта, но автор очевидно не захотела впасть в натурализм, что делает честь её деликатности.

«И не надейся: готовься, уже пора —

К скудости, к безголовым птицам, на руках цыпки.

Только б концы с концами свести! Иней уже с утра».

Хороши «цыпки», сразу есть образ, старческие руки, холодная вода — а как просто, до гениальности!

«Иней уже с утра». Через год прожитой жизни понимаешь, что это не только описание природы, такое же ёмкое, как пушкинское «Мороз и солнце!», а это ещё и — начинает проступать седина.

«Да, но и бедность тоже умеет играть на скрипке!

Так говорят деревья, так говорят кусты:

Есть и у нас псалмы, есть и у нас персты».

«Пою Богу моему, дондеже есмь» — единственная надежда и упование, иначе можно повеситься на одном из деревьев в стихах.

«Музыка чуть слышна, и рифмы совсем просты:

Вот, мы протягиваем вам руки — смотрите, они пусты,

Всё мы отдали вам и ничего не взяли!»

«Ничего не имущие, мы всем обладаем»

и «ничто не должно обладать мною».

Душа становится свободной для Царства Божия.

Автор Олеся действительно псалмопевец! Но псалмопевец своего времени, не использующая славянизмы, церковнославянский язык, как старые костюмы XVI века.

Её поэзия — это псалмы, поэзия XXI века, и она поэзия живая, как были «живыми» и остались таковыми навсегда псалмы Давида. Не случайно Пушкин восхищался ими, как убеждён, восхищался бы и «псалмами» Олеси. (Я не Пушкин, но я восхищаюсь!).

Перед зеркалом

Перед трюмо или перед осколком стекла,
с сумочкой вечной, с задачей своей непростою,
как над цветком луговым — золотая пчела,
трудится женщина вся над своей красотой.

Тоненькой кисточкой пишет она по лицу
древние символы, знаки, историю рода.
Лёгкой пуховкой махнёт, собирая пыльцу:
воск так податлив, потомкам накоплено мёда!

Щипчики, пилочки, кремы, помады, букет
красок и запахов — радостно, тонко, беспечно...
Что ж ты скривился, философ?
Что скажешь, поэт?
Уж не о том ли, что это — не прочно, не вечно?

Может, ты веришь, что сам гениальностью строк,
фундаментальное знание оставив в наследство,
переживёшь этих хрупких усилий чертог,
прядей игру и отточенных линий кокетство?

Стоя пред вечностью с длинной свечой золотой,
пахнущей воском и мёдом и летом измятым,
всю её вспомнишь, со всюю её красотой —
дурочку-жизнь перед зеркальцем подслеповатым.

Антиков напоминает по велеречивости и значимости, и пушкинское подражание Гомеру. Всё-таки Вы с ним, Пушкиным, родственники. Философия мгновения и вечности, как в статуе девушки, разбившей амфору. Творение красоты превращено в тайнодействие с соответствующими символами. Величественно и живо. А последняя строчка уже из нашей жизни (это хорошо). Опять же напоминает Пушкина, его описание Бахчисарайского фонтана в письме – увидели ржавый кран, из которого вытекало несколько капель воды. Но у Пушкина эти капли превратились в «серебряную пыль», а Вы из макияжа сотворили тайнодействие. На то вы и поэты, миссия ваша такая – открывать нам глаза.

Склоняю главу в почтении.

Стихотворение хорошее, но чуть-чуть величественное, чувствуется, что молодой мастер (в 1980) прекрасно знает и владеет законами построения стиха, ямбами и хореем. Но пока ему не «наплевать» на эстетические законы. Ведь Цветаева вешалась, ей было наплевать на «эстетические законы», она была поэтом, как и Высоцкий.

Сценарий

Я люблю эту пристанционную жизнь,
предутренние эти морозы
в захолустье заштатном, в российской глуши вековой,
где, как птицы ночные, надсадно кричат паровозы
и в фуражке замёрзшей обходчик идёт путевой.
Я сценарий хочу написать о писателе. Вот сюда-то
я его и отправлю, покину в глубоком снегу,
чтобы он растерялся, оглядывался виновато
между сосен гудящих, у озера на берегу.

Пусть наймётся к лесничему, ходит по лесу дозором;
пусть псаломщиком станет, в расшитом поёт стихаре;

снимет угол у бабки — с крутым кипятком, с разговором, —
пусть ей воду таскает и колет дрова на дворе.

И пока я жду поезда на перегоне холодном,
всё ищу, как бы высказать, выразить словом простым
то, что всё-таки можно в России писателю жить,
можно жить и остаться свободным
под покровом небесным, под куполом под золотым!

21.09.1987

Душевно, уютно, романтично, как в благословенные вось-
мидесятые. Замечательно: стихарь, бабка с крутым кипятком.
За каким углом избы Вы прятались, когда вот так мы жили,
пономарили в Успенском соборе на Городке в Звенигороде
именно в эти годы? Душу народа выразили сударыня. Возды-
хание души.

Перезнакомились, переженились, другие стали монаха-
ми и уехали на Афон, (а всё равно с поэзией не смог порвать,
и по благословию старца издал любовную лирику). Удари-
ли в сердце Ваши стихи, даже слезу вышибли по «романич-
ным» дням. Но где же Вы были? Мы Вас не видели.

Этому времени у меня посвящён рассказ «Искусство»,
когда мы до хрипоты спорили с поэтом, который ради мона-
шества хотел растоптать поэзию, считая, что искусство от
беса.

К этому же времени относится и рисуночек, посвящён-
ный явлению в храме Успения прп. Саввы Сторожевского.

Спасибо, взволновали.

(Сторожа и дворники сделались писателями, а кто меч-
тал о монашестве стал многодетным отцом. Поэзия).

21.09. 2015

*Я Вас тоже не видела, хотя мы, очевидно, ходили где-то ря-
дом. Я пела на клиросе в селе Лыково всё лето 1983 года, недолгое*

*Явление преподобного Саввы Сторожевского в храме Успения на Городке.
Рисунок Сергея Фёдорова*

время была чтецом и певчей (по будням и на ранней) в храме Преображения Господня в Переделкине (лето–осень 1988), а вообще – часто ездила в Печоры Псковские и подолгу там жила – сначала у монахини Харитины, потом – у чудика Николая Ефимовича, бывшего начальника волжского пароходства, который поселился там и «лечился» у отца Адриана, потом – в собственном домике на горке.

Да, все эти мысли, разговоры, споры об искусстве мне хорошо знакомы. Я с этим вопросом обращалась к отцу Кириллу (Павлову) ещё в 1982 году. И он, напротив, благословил меня писать – и не только стихи. А с некоторыми монахами-поэтами я была и остаюсь в дружеских отношениях.

В Переделкине я работал, общался с о. Кириллом. Упоминаю об этом в «Записках церковного сторожа» и в заметочке к рисунку «Архм. Кирилл Павлов на исповеди». Есть также заметочка-рисунок «Выход патриарха Алексия II в метафизику». С праздником. Чудеса сегодня какие-то творятся.

Конечно, я несколько раз встречался с архм. Иоанном Крестьянкиным, получил от него три письма. Даже издал его «Беседу (со мной) о посмертных явлениях прт. Всеволода Шпиллера» в книге под общим названием «Встреча», там были опубликованы стихи Владимира Гомерштадта, кстати, он тоже с Городка в Звенигороде, там подвизался, и литературные зарисовки художника Анатолия Морева. Если окажется, что Вы жили в центре в соседнем переулке, я приду в экстаз.

Акафист прп. Савве Сторожевскому на всенощной 15 декабря 1985 года. Успенский собор на Городке, Звенигород. Службу возглавлял архм. Иероним. Среди сослужащих был алтарник-регент «Андрей Гутерман», ныне архм. «Андрей Гутерман»*, будущий священник о. Сергей Князев,

* После воплей и причитаний означенного персонажа, прочитавшего о самом себе в этом очерке, автору пришлось изменить его имя на «Андрей Гутерман».

мыслитель Евгений Анисимов, автор сих строк Сергей Фёдоров-Мистик, священники и монахи. Во время акафиста почувствовалось мощное присутствие преподобного Саввы. Благодать и ликование переполняли нас. А на службе 1 февраля 1986 года такого мощного личностного присутствия не переживалось.

Искусство

В 1985 году я подвизался в качестве певца в Успенском храме на Городке, в Звенигороде. Храм, в котором сохранились фрески Андрея Рублева. Регентом хора, псаломщиком и алтарником в одном лице был наш общий друг «Андрей Гутерман». «Андрей» был поэтом, окончил литературный институт. Искал Истину. В поисках Истины прошёл изучение восточных культов (подолгу стоял на голове). Потом их отверг, и со всею страстностью принял христианство. Отверг он также литературу и поэзию, как ненужные для спасения души. Он решил стать монахом.

Однажды после службы между нами возник ожесточённый спор об искусстве. Имеет ли оно право на существование и не отвлекает ли оно от поиска Бога. «Андрей» утверждал, что искусство служит гордыне. Салонная жизнь поэтов, музыкантов, художников — это гибель. Каждый из них маленький бог. И люди, восхищаясь поэтами, занимаются идолопоклонством.

По мнению «Андрея» спасутся только православные, а остальное человечество — это сено для вечного огня. Искусство спасти человечество не может. В огонь пойдут также все католики, протестанты как еретики. Мы спорили спасётся ли католическая молочница, которую кардиналы научили верить по-католически. «Андрей» утверждал, что, конечно, нет, ссылаясь на епископа Игнатия Брянчанинова.

Долго длился наш спор. По ходу дискуссии «Андрей» рассказал о странном событии. Ему приходилось жить в разных местах. Один из домов, где «Андрей» оставлял свои вещи, сгорел дотла. Сгорели и все вещи «Андрея». Не сгорел только чемодан, в котором были рукописи и стихи. Хозяйка, думая, что там документы, успела вынести его из горящего дома. Действительно, «рукописи не горят».

— Наверное, Богу неуютно было, чтобы все мои стихи сгорели, — заключил «Андрей».

Через несколько дней после этого спора я попал на лекцию Сергея Сергеевича Аверинцева «Византия и Русь». Лекция проходила в Доме художника. Находясь под впечатлением от спора, и пребывая в состоянии возмущения духа, после лекции я спросил Сергея Сергеевича:

— Как христиане должны воспринимать искусство? Ведь некоторые считают, что это нечто демоническое, служит гордыне.

Аверинцев ответил:

— То, что несёт в себе нравственное, духовное, чем может быть плохо?

— Но считают, что искусство само по себе становится для человека идолом. Человек служит искусству, занят искусством, он уже не молится Богу. И нужно ли такое искусство? Конечно, речь не идёт об искусстве иконописи, церковной музыке.

— Всё что угодно для человека может стать идолом, не только искусство. Можно и иконы писать из самой мерзкой гордыни.

— Но человек, с упоением отдаваясь искусству, забывает Бога. Он сам себе бог.

— Искусство не должно быть для человека с большой буквы. Это плохо, когда искусство с большой буквы.

— Ну а всё-таки искусство от Бога или от беса?

Окружающие нас люди были слегка шокированы.

— Всякое творчество от Бога. Какое может быть творчество от бесов?

— А атомная бомба?

— Это не творчество, это комбинация.

На этом наша беседа закончилась.

Мы продолжали работать в Успенском соборе на Городке. Но летом 1986 года «Андрей» покинул храм. Побывав в самых различных монастырях, он прибыл на Афон, где и был пострижен в монахи. Послушание он проходил у какого-то очень прозорливого старца. Слово старца «Андрей» воспринимал как волю Божию. Старец благословил его приехать в Москву и издать свои юношеские стихи отдельной книгой.

Книга была напечатана в 1994 году. Наверное, этим наш спор, нужно ли искусство, и завершился.

Май 2000

Немощь

В детстве я боялась смерти в виде будничного эпизода: наледи на краю колодца, иль иголки швейной с нитью, вдетой в будущее: спит царевна, спит и не проснётся.

День сменялся сумерками грязновато-палевыми, испарялся охрой из стакана.

Ну а вы — как жили вы? безопасно ль спали вы? Под какой охраной?

Сны смотрели льстивые, грозные и прелестные, где расплывчато, туманно и всесильно. Звёзды, облака над вами — кучевые, перистые, и земля вокруг — крепка и семижилына.

Мне ж — тончайшей тканью, ожерельем бисерным жизнь страшна была: вот-вот порвётся

от зацепки малой, вдоха, шага, мизерным
ноготком царапается, коготком скребётся.

Мир грозил ей киноварью душной, стеариновой
свечкой, непогашенной спичкою усталой,
рыбьей костью в горле, коркой апельсиновую
под ногами, камнем с кровли обветшалой.

Молнии обшаривали небеса, пошаливали
их шары, грозились выдать имя.
О напрасной смерти слёзы Авелевы
вопиют. Земля полита ими.

...Но познавших немощь собственную, ту ещё и
беззащитность, ужас, страх и трепет,
как младенца, обволакивает облако ликующее,
нежность ранних птиц, блаженства лепет!..

Былины отражаются в Ваших стихах. При том, что Вы не ставите целью стилизацию под них, потому так хорошо и жизненно былинно, и получается, как дыхание. Впечатление, что эта былинность у Вас с детства. Как будто их Вам читали вместо сказок.

Запомнилась «стеариновая свеча». Как просто, почти как у Пушкина, и какая тайна. Кажется, о картинах Шагала сказали, что у него быт перерастает в бытие. У Маковского констатация быта, всё мельтешит. До «бытия стеариновой свечи» не добирается. А уж тем более до Библейского бытия.

Какая-то Вы странная матушка, однако, как-то непривычно. Пишете стихи, и хорошие стихи. А это совсем поразительно. Казалось, что это, матушка и хорошие стихи, две вещи несовместные. Вы Поэтесса, и ею и останетесь навсегда. Хотя я ничего против матушек не имею, как правило, это люди подвига. Но у Вас другой подвиг. Почтительно склоняю главу.

Литературное хулиганство

Мой добрый старинный друг — замечательный поэт Виктор Гофман — начал писать рассказы в духе Хармса и публиковать их на своей страничке в фейсбуке, чем очень меня развеселил. Вот и я следом за ним решила попробовать себя в жанре литературной мистификации и, пристроившись ему в затылок, написала два сюжета — о Гоголе и Бахе. Первый из них я опубликовала в комментарии на его странице, а второй, из-за его объёма, печатаю здесь.

Бах и Глюк

Мало кто теперь помнит, что именно этот сюжет подал Александру Сергеевичу Пушкину идею написания «Моцарта и Сальери».

Однажды Бах задумался и вздремнул.
Смотрит — а перед ним Глюк!
Сумрачен, как мамлюк,
Увеличенный в зеркалах!
Бах в крик, показал кулак и по Глюку — бах!
Думал, Глюку — каюк...
Но Глюк — не дурак:
Он — в люк,
Да из люка на Баха — «хрюк!»
Хочет взять на испуг,
Разодет, как дюк,
Этакий волапюк...
Бах — от него — шарах!
Судорога и страх.
Ах!
Зубы у него — в стук,
Мёртвые пробудились в гробах.
А это у Глюка — трюк:

Карандаш в зубах,
Мощен, как виадук, юрок, как бурунук,
Играет новую пиесу для четырёх рук,
Ноги вынул из брюк,
И — сиянье вокруг!..
А Бах — на бобах! Крах.
Ну, и говорит Бах:
«Ах, раз ты так, байстрюк!
Будешь тут портить звук?»
И Бах Глюку в пах — стук,
Хук!
Глюк — кряк! Обмяк,
Усами дрожит, как жук,
Бах Глюка в тюк,
Тюк с Глюком в сундук,
А сундук — на крюк.
Но Глюк с крюка — улыбочка на губах — бряк! —
Выпрастался из рубах
И за взмахом взмах
Взмыл, обратившись в прах.
... Тут пробудился Бах,
Полный тоски и мук,
Глазом одним — на север, другим — на восток и юг!
Боже, какой недуг! —
Путается в словах —
Лох ли то был, лях
Или призрак и слух?
Но —
Сломаны стул, сундук,
Штангель, мундштук, каблук,
Дыры зияют в швах!
Бах в четырёх стенах
Видит, что дело — швах!..
... А на пюпитре — пиеса для четырёх рук,
Крошечная записка:

«Еже писах — писах».
— Сукин ты сын, Глюк!
— Сам ты такой, Бах!

Вы ли это? Вы бабахнули по сложившемуся о Вас образу, вышли за его рамки. Дщерь Пушкина, достойная своего гениального прародителя. Наверное бы он очень смеялся. У Вас есть ясность, которой нет у Хармса, устойчивость и светлость мирозерцания. Удивляюсь, что пишу Вам это, ибо совсем не намерен Вам льстить. А вот пишу. Вообще я балдею от Пушкина. С почтением.

Ужас! Ужас! Ужас!

Только что мне позвонил из Америки брат моего близкого и давнего друга поэта Виктора Гофмана и сообщил, что Витю убили! Грабители ворвались к нему в квартиру и его убили! Его, здорового, двухметрового, с бицепсами, поднимавшего одной рукой двадцатикилограммовую гирю. Его, поэта, чувствовавшего так тонко вещество поэзии, музыку стихотворения, с каким-то религиозным пылом отдававшего этой любви всего себя, убили за какие-то там штучки-дрючки, баксы, башли, бабки, боны...

Меньше двух недель назад Витя был у нас в гостях, и, как всегда с ним, мы веселились и радовались, обсуждали проблемы российской жизни, ёрничали и сокровеничали, созвучные на протяжении всей жизни, потому что это был родной человек, которого я знала от юности моя, со школьных моих лет. Брат, друг, собеседник, совопросник... Вот он сидит за столом и держит нашу маленькую кошечку Музу: всегда любил до слёз умиления всякую животину. И ни у кого нет ни малейшего предчувствия, что это — последняя встреча, что это — последний раз!

Плачу и рыдаю!

30 октября 2015

Виктору Гофману

Месяц назад написала стихотворение, которое Витя просил посвятить ему. Когда-то и он посвятил мне своё стихотворение «Ангелочек», но не хотел его публиковать сейчас, поскольку оно было давнее.

А моё стихотворение было напечатано у него на странице ФБ.

За две недели до убийства поэта Виктора Гофмана я послала ему это стихотворение. 30 октября будет годовщина его гибели.

Эхом на «Смерть поэта» Лермонтова. Но Лермонтов написал это после дуэли Пушкина, а Олеся за две недели до гибели Виктора Гофмана. Цепенеешь в молчании и благоговении!

* * *

Когда со стихами на сцену
ты выйдешь, Орфея собрат,
тотчас тебя смылят, как пену,
иронией охолодят.

Тот хмыкает, этот плюётся...
Понятно, ведь публика ждёт
рифмованного анекдотца,
прикола и фокуса выверта. Вот.

А ты им — трагический пафос,
который всерьёз и навзрыд
оторвам и ляврам, как Патмос,
катарсисом свыше грозит.

А ты им — псалмы часослова:
хрип ворона, крик петуха.
Нет-нет, не потерпит такого
растерзанных душ требуха.

Зато в этом ямбе трудиться,
как в тигеле, — верный расчёт:
всё собрано, всё пригодится,
и всё в переплавку пойдёт!

Совпадение. Серов написал «Девочку с персиками», девочка померла. Кто-то ещё помер у Серова. Вы написали стихи Виктору и... Гении, опасно с вами связываться.

Нет-нет! Моё стихотворение никак с гибелью Виктора не связано! Да там нет и тени какого-то грозного предчувствия! Напротив, когда мы виделись с ним в последний раз — чуть ли не за неделю до его смерти, — он был так воодушевлён и счастлив! Составлял новую книгу стихов, вносил в неё последнюю правку, мы много шутили, веселились, смеялись, и он ушёл — радостный, полный воодушевления! Всё это случилось с ним неожиданно, непредсказуемо... Ничего мне моя интуиция не подсказала.

В «Девочке с персиками» нет никакого предсказания на смерть. Серов её не убивал. Создал шедевр, и девочка померла. Но осталась с нами навсегда. Успокойтесь, Вы не убивали Виктора, только написали стихотворение. И Виктор остался с нами навсегда. До Вас я по своей непросвещённости понятия не имел о его существовании, как и о Верочке Мамонтовой мало кто знал до её портрета. Конечно, всё в руках Божиих, времена и сроки, и судьбы людей. Иначе Вам писать ни о ком будет нельзя. А всё-таки!.. Вы так трепетно среагировали, что я уже сам не рад, тому, что написал Вам об этом совпадении. Он был Вашим другом.

(«Как и Серов другом Верочки», — второй голос говорит).

Я не вкладывал такого зловещего смысла в свои слова и не думал, что слово так отзовется. Вы меня пугаете, мне тоже ничего нельзя будет говорить.

27 ноября 2015

Вечная память!

Я была в Греции, когда пришло сообщение об убийстве наместника Свято-Троицкого Данилова монастыря города Переяславля игумена Даниила. Убийца ещё ночью проник в его келью и нанёс священномонаху несколько ножевых ударов, после чего скрылся оттуда, заперев при этом за собой дверь.

Утром братия, обеспокоенная отсутствием игумена на Божественной литургии, нашла его келью запертой и взломала, лишь получив благословение архиерея. Войдя, монахи обнаружили тело игумена на полу в луже крови...

Предполагаемый убийца был послушником обители и, по всей видимости, мотивом преступления послужил конфликт, произошедший между ним и наместником накануне убийства. Корыстный умысел исключён: обитель была очень бедной, практически нищей, красть здесь было нечего... Орудие преступления не найдено.

Известие меня ужасно встревожило, и не только потому, что всё чаще стали убивать священнослужителей, притом те, кого они считали «своими», но ещё и потому, что это показалось имеющим непосредственное отношение ко мне же самой: до странности напоминало начало моего романа «Меценат», опубликованного более двух лет назад.

Там тоже ночью в собственной келье несколькими ударами кинжала был убит молодой архимандрит Авель, наместник монастыря (очень похожий лицом на новопреставленного игумена Даниила и тоже «во плоти ангел, небесный человек»), и убийцей

оказался один из братьев, скрывшийся с места преступления и хорошо спрятавший орудие убийства. Дверь кельи при этом была заперта изнутри, так что монахи, также пришедшие будить наместника на литургию, которую, как они предполагали, он просто проспал, не сразу получили возможность узнать о совершившемся злодействе.

Единственное отличие я увидела здесь в том, что «мой» монастырь был процветающим, и у наместника из сейфа были похищены немалые деньги. Но и это не столь значительно и совсем не принципиально: ведь эти деньги в моём романе, когда преступление оказалось раскрытым, были украдены в большей степени для «отвода глаз», и вовсе не они послужили подлинным мотивом убийства. Какие зловещие совпадения! Страшные предупреждения. Опасное визионерство. Царствие Небесное рабу Божьему невинно убиенному игумену Даниилу!

16 июля 2016

Поэты – пророки. Опасно с ними иметь дело. Пушкин в «Евгении Онегине» преобразовал свою смерть на дуэли, убив поэта Ленского. Лермонтов убил Грушницкого и от выстрела такого же Грушницкого погиб. Олеся Александровна оказалась пророчицей, ведая или не ведая о том, что её слово может воплотиться. (Что-то и поэт Гофман вспомнился. Серов написал «живой» портрет Верочки Мамонтовой, и она померла).

Может быть, Олеся Александровна как пророчица-поэт может раскрыть нам тайный смысл Откровения Иоанна Богослова, как пророк слышит пророка.

Дать бы почитать «Мецената» убийце в камере. (Может быть, для него это было бы смягчающим обстоятельством, он не убивал, а слышал женский голос свыше и подчинился сюжету). Уж братьев точно надо почитать этот роман.

Я специально брал роман на дачу, чтобы в одиночестве дочитать его, и не дочитал – смерть дядюшки прервала чтение.

Роман так и остался на даче. С трепетом теперь буду дочитывать.

Смотрите, его ещё могут начать сжигать верующие, как приносящий смерть батюшкам.

Олеся, а ведь я в мае писал относительно Вас, что произойдёт в 2076 году.

В трепете склоняюсь перед пророком, псалмопевицей и поэтом!

Сергий, ну Вы уже это совсем меня засмеяли!

Не до смеха. Действие Вашего слова производит сильное впечатление.

Я как-то в запальчивости, в сильной ссоре воскликнул: «Ноги моей не будет на этой даче!» — и слово прозвучало в вечности, я сам испугался. Время на какое-то мгновение остановилось. Через два месяца дача сгорела дотла.

Хорошо ещё, что там не оказалось Вашей ноги!

Ссора происходила именно на даче. Действительно, хорошо, что меня там не было.

Отношение к Вам трепетное и благоговейное. Я молюсь о всём Вашем семействе.

Есть американский фильм «Персонаж» в нём знаменитая писательница удаляется в затвор, чтобы убить очередного персонажа своего нового романа. Но с этим литературным героем полностью совпал реальный человек, до цвета носков, налоговый инспектор. Он начинает слышать женский голос, определяющий его судьбу. Инспектора признают шизофреником врачи, а также редактор издательства, к которому он обратился. Но, когда инспектор произносит фразу, которую слышал, редактор хватается за голову, он узнаёт текст романа писательницы, на который писал рецензию. Сообщает инспектору, что писательница десять лет как удалилась от мира, и никто не знает, где она живёт.

Начинается детективный сюжет, инспектор переживает несколько случаев встречи со смертью. Его спасает молодая владелица пекарни, которую инспектор должен посадить за неуплату налогов, но он, педант и сухарь, влюбляется в неё. А у писательницы в затворе никак не получается убить своего персонажа. Инспектор по квитанциям десятилетней давности находит писательницу и просит не убивать его. Писательница потрясена, как её вымысел воплотился в реального человека. Но в романе она всё же вынуждена убить своего героя. И только внезапно возникнувшая любовь молодой женщины к своему врагу инспектору спасает его от окончательной гибели. Он попадает в больницу после автомобильной катастрофы, когда на него наехал автобус, и т.д.

Улыбка Натальи на её отпевании

3 января 2005 года умерла мама моего друга Наталья С. Отпевание совершали в храме Космы и Дамиана на Маросейке 6 января, в самый Сочельник. Пришло много музыкантов, певцов Театра оперетты, где Н.С. была концертмейстером. Она лет двадцать проработала вместе с Татьяной Шмыгой. Пришёл также и архимандрит «Андрей Гутерман». Он просил настоятеля о. Феодора предоставить ему право совершать отпевание, поскольку он тоже много лет знал Н.С.

О. Феодор смиренно и кротко согласился. («Я уже привык к этому», — позже сказал он). О. Андрей вдохновенно проводил отпевание по полному чину. Присутствовала и сама отпеваемая. Её душа пребывала во свете и умиротворении. Но когда о. Андрей с пафосом возвёл руки, подобно библейскому пророку, в молитвенном экстазе вызывающему бурю с небес, она улыбнулась этому несколько театральному, хотя и с искренней верой, пафосу. Поскольку эти воздетые руки означали не мольбу, а являли, должны были являть окружающим силу и власть, данную от Бога священнику.

Но без силы Божией эти воздетые руки ничего не значили, и это очень хорошо видела, знала Наталья, хотя священник и входил в исступление пророка, а окружающие «трепетали». Это и вызвало улыбку Н.С.

О. Андрей всё делал искренне и с верой. Потом он произнёс очень хорошее слово памяти, утешая родных и друзей.

Похоронили Н.С. на Востряковском кладбище, а в театре были устроены поминки, на которых Н.С. очень тепло вспоминали.

Наряду с эпизодами, когда Олеся пишет о людях и они погибают, пишет об убийстве игумена монастыря и через год игумена монастыря убивают, как описано в книге Олеся, я дал текст и рисунок «Улыбка Натальи на её отпевании». Откликнулась полная тёзка умершей Натальи Столяровой, подивилась такому совпадению. Рисунок ей понравился. А скоро её убило упавшим деревом во время грозы. О чём мне на фб сообщила её подруга, хотя мы не были ни с ней, ни с Натальей знакомы.

Стихотворение из рассказа «Полёт шмеля»

Некогда я написала рассказ, в котором главная героиня неожиданно умерла. Прототипом её была Шурка — весёлая и добрая бабулька из Печор. Поэтому когда эта — настоящая, живая — Шурка скончалась, у меня, помимо печали, появилось чувство вины, словно я своим рассказом поспособствовала её смерти. «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его» (Ис. 6:3).

* * *

Помяните эту Божию рабу,
с богородичной иконкою в руке,
с покаянною молитвою на лбу
и прощальной синевою на виске...
Шурка, Шурка, я не знаю, как сказать:
не впервой тебя мне в гроб холодный класть,
не впервой — платок на узел завязать,
к ледяному лбу под лентою припасть...

Я, заслушавшись речей твоих и фраз,
из которых разливался колорит,
то ли притчу сочинила, то ль рассказ,
где твой образ героинею глядит.
Там ты бегала по снегу, там к лицу
подносила в изумленье две руки,
но сюжет пошёл, особенно к концу,
воле, замыслу и жизни вопреки...

С удивлением — за краешком стола,
сильно за полночь, когда расплывчат взгляд,
я увидела, что Шурка — умерла:
просто села и откинулась назад.
Это — логика рассказа. Это — строй
слов, которые... И — не с кого спросить.

Так сидела я пред Шуркой неживой
и была её не в силах воскресить.

Трепетала — нет ли магии какой,
нет ли связи у портрета и лица:
меж написанною Шуркой и такой —
Птицей Божией, созданием Творца?
...Знаю, знаю — грозных ангелов Своих
без подсказок высылает Судия,
и шестой главы Исаяи третий стих
потрясает основанья бытия.

Ведь когда Он самовластно гонит вдаль
ураган иль гасит свечечку в глуши,
разве Он у сочинителей: «Пора ль?»
станет спрашивать, кроша карандаши?
И с огарком догорающим в горсти,
что могу я — пред дорогой гробовой?
Лишь усопшей — троекратное «прости»
завязать в единый узел вещевой.

Я думаю, люди, которые по Вашему слову попали в мир иной: игумен Даниил, Шурка, смутные сомнения о Викторе Гофмане, пьяницы и молодые люди, — все попали в рай. И возносят о Вас благодарственные молитвы.

У меня к Вам просьба: если я вдруг окажусь прообразом в Вашем произведении, удостоюсь такой чести, в стихах ли, или упомянете в прозе, не могли бы Вы предупредить, чтобы я мог подготовиться месяца за два. Надо квартиру родственникам завещать, архивы сжечь, примириться с не любящими меня, попрощаться с любящими.

Но я желаю Вам успехов в написании и готов послужить искусству. Но чтобы на могильном камне были Ваши строки. Склоняю главу перед вершительницей судеб. Поклон бабушке.

Фу, какое магическое мышление Вы демонстрируете! Я же говорю не о реальности, а о собственных ощущениях...

А Вы бы не могли написать стихи, чтобы мне удачно обменять квартиру?

На виллу под Афинами?

Я был бы не прочь в Переделкине.

Вы, наверное, и явились таким Ангелом Глашатаем. В прошлых отзывах я несколько раз предполагал, что Вы не человек, как Андрей Рублев не человек, а Ангел. Вот и в книге Товит под видом спутника явился Ангел Рафаил. Но у Ангелов не бывает детей, это немножко ставит в тупик. Но какое-нибудь богословское объяснение этому можно найти. Вот и мои друзья, очень серьёзные, общались с молоденькой блаженной девушкой Танечкой, которой месяц являлся её Ангел, которого тоже звали Танечка. Трудно заподозрить, что запредельный физик Саша Беляков поддался бы таким фантазиям. А вот признался, наблюдая эту Танечку. Она была подруга его жены.

Переписка Грозного с Курбским

Пишет Курбский Грозному: «Почто бесчестью землю русскую предал? Волшбой и лестью утоляя пыл своенравный, в люциферовых играх, в бесстыжих масках, в скоморошких бубнах, в козлиных плясках опоганил трон православный!»

Пишет Грозный Курбскому: «Сгинь, лукавый! Сам отверг ты Отечество с его славой, сам отвергнул крестное целованье, пренебрегши душой и Господним страхом, предавал ливонцам и всяким ляхам

храмы Божьи на поруганье!»
Пишет Курбский Грозному: «Сгинь, нечистый!
Сам толкнул ты меня на путь тернистый,
честь боярства пуская прахом,
кровью княжеской упиваясь досыта,
почто сгубил Филиппа-митрополита,
Корнилия зарубил одним махом?»
Пишет Грозный Курбскому: «Сгинь, изменник,
басурманский прихвостень, ада пленник
от семян Иуды осатанелых...»
Пишет Курбский Грозному: «Сгинь, денница,
Вельзевул, Антихрист, — почто родиться
ты явился в наших пределах?»
И такая брань сквозь столетья мчится,
откликается в русской душе, двоится,
наважденья её смятенны:
полоумный деспот засел в ней зримо,
перебежчик, опричник, шпион из Рима,
да младенцы плачут, что убиенны...
Разливаются реки, не сдерживаемые берегами,
и гудит земля, и горит земля под ногами.
Полнолунье. Солнечное затмение...
Но встаёт из крика, стона и всхлипа
чудотворный образ мученика Филиппа,
и Корнилий грядет из тленья!

1987

Как будто побывал на церковной службе, посвящённой святым. Служба Благовещенью тоже строится на диалоге Марии и Ангела. Церковный ладан у Вас в крови, откуда наверное и былинность. Но Вы не эпигон, у Вас нет елейно-умилительной мимикрии, Вы человек верующий и Личность.

На меня произвело впечатление сообщение, что Вы профессор Литературного института, лучше бы этого не знать.

А я только могу сказать, что был дворником в Союзе писателей на участке Андрея Платонова, но заниматься литературой совсем не собирался. А стал печататься. Узнал, что и Кублановский был дворником, но на соседнем участке я его не видел, рядом был диссидент Михаил Осадчев, многодетный отец, его приняли по моей рекомендации. Первый раз Вы меня сразили тем, что Ваш муж – отец Владимир Вигилянский, второй раз сразили сейчас. Лучше было бы быть в романтическом неведении. Что Вам глаголю? Я Вас воспринимал как романтическую девушку с клироса, но пишущую хорошие стихи, что казалось необычным, а Вы оказались мэтром литературы, но в этом нет Вашей вины.

Уважаемый Сергей! К моменту написания этого стихотворения, у меня было уже две книги стихов, трое детей, а до священства мужа оставалось восемь лет (он тогда работал младшим научным сотрудником Института искусствознания).

В каком-то смысле я и была «романтическая девушка с клироса», потому что как раз в это время пела и читала Часы на ранней в переделкинской церкви Преображения Господня, преподавала монахам-иконописцам Псково-Печорского монастыря основы древнегреческого, чтобы они могли читать на нём Евангелие и служить литургию. А лишь года через два стала преподавать в Литературном институте. Так что Вы правы в своих первоначальных интуициях.

Вы меня вынудите писать стихи о «романтической девушке с клироса». Конечно, Вы большой, светлый поэт, явление, дороги людям. И как Пушкин «свой» каждому читателю, так, думаю, и Вы «своя» читателям, нет стены, Вы не памятник, а всё-таки «романтическая девушка с клироса», и, пока Вы ею остаётесь (даже в глубине души), Ваша поэзия будет ударять в сердце. Пока это не искусственно. Вспоминаю Дульсинею Тобосскую. Может быть, Вы и войдёте в историю как «Романтическая девушка с клироса». Фотографии Ваши хороши. Душа видна. Благодарю Вас, что Вы не оскорбились, а продолжили общение. Пребываю в ожидании новых стихов.

Прот. Владимир Вигилянский: *Читаю отзывы на открытие памятника царю Иоанну Грозному в Орле. А ведь почти 30 лет назад Олеся Николаева обо всем этом уже написала.*

«Пишет Курбский Грозному: «Почто бесчестью землю русскую предал? Волибой и лестью утоляя пыл своеярвный...»

Одно дело могильный памятник, другое памятник человеку, которому можно было бы и подражать. В некотором роде — это знамя в камне. Что и хочет господин Проханов, чтобы Грозный стал знаменем. О таких людях «церковный сторож» Евгений сказал, что их лозунг: «Ну, кому за Христа морду набить?»

Будем тогда подражать Чижик-пыхику, если памятники ставят «для подражания».

Это напоминание о тёплой компании. А можно ли ставить памятник Зелёному змию или марширующим чёртикам, наверное, вопрос — где? В музее или в больнице, нормально.

У нас чуть дотла не сгорела усадьба, когда хозяин повесил в гостиной маску дьявола. Она привлекала тёмные силы, поскольку висела как икона. Памятник Грозному тоже открывается как икона. Может повториться Великая смута.

Иуда дал целование Христу со словами: «Радуйся».

И на нём была благодать Апостольства, которая выше царского помазания. И в Апостола, и в Помазанника смог войти Сатана. Хотя оба причащались тела Христа. Апостол из рук Сына Божьего, Которого и предал на смерть, а Помазанник из рук Святителя, которого он потом и убил.

Многим святым Сатана являлся в виде Христа, мог явиться народу в виде и Помазанника.

«По плодам их узнаете их».

От себя

От себя устаёшь, как от братоубийственной розни
или отложенной казни.

Возникают сомненья в честности собственной жизни,
в ценности собственной чести,
в доброте без корысти,
в любви без фальши...

Можно было б продолжить дальше.
Начинается время самоедства и самобоязни.

От себя устаёшь, как от хроники чьей-то болезни
или ревнивой дружбы,
как от жалобщика с его разговором о жизни
наподобье тяжбы.

От ответов: «Живу я плохо»,
от дверей, закрывающихся с размаха.

От себя устаёшь, как от повального
и повсеместного краха
и неуместного смеха.

Устаёшь удивляться, устаёшь радоваться и страдать,
относиться к себе серьёзно,
верить в себе присутствию духа,
от себя самой чудес ожидать.

От себя бежишь, как от каверзы, подвоха, навета,
как от труса, потопа, нашествия иноплеменных и прочих бед!
...И тогда вдруг становится тихо-тихо, и ничего, кроме света,
кроме света и радости, оказывается, в мире нет!

1987

Оказалось, что Вы главный враг самой себе со своими
устремлениями, и когда Вы это осознали, Вы приобщились

к тихому свету, который внутри Вас. Церковная исповедь в стихах. Самоедство высокого уровня, почти с Лермонтовым сравнялись. Но остаётся тайной, как Вы обрели этот свет, Ваша встреча с Богом, с благодатью Божией. А это было бы самым ценным. А за описание скуки и безысходности Камю уже получил Нобелевскую премию. Вы тоже достойны Нобелевки, мастерски это делаете, но Вы-то получили от Бога гораздо бóльшую премию – приобщение к свету.

Но уж очень прикровенно об этом говорите, как будто народ недостойн это знать. А народ «хочет порадоваться при свете Вашем», а Вы ему, народу, на своём примере только комплексы оставляете, которые народ и без Вас знает.

Светом поделитесь, рецептами, опытом. А то Вы зажали драгоценную жемчужину и не даёте хоть одним глазком посмотреть на неё.

Моему товарищу математику по пьянке явился святой, это произвело переворот всей его жизни. До этого был атеистом, стал подвижником. Я описываю встречу с архм. Таврионом Батозским, первое переживание света, и приблизительно представляю, какой мог быть Ваш опыт, но Вы в этом молодёжном стихотворении (я тоже переживал «мировую скорбь») только намекнули на это. Но веришь этому, но только раздразили.

Оказалось, что «девушке с клироса» ничто человеческое не чуждо. Но для молодых лет это серьёзное стихотворение. Вызывает почтение. Спасибо, что удостаиваете своими творениями. Поклон.

Мой друг Миша Белянин до своего обращения никак не мог понять, для чего существует атеистическая литература. «Если у меня дома не растёт пальма, то зачем писать книги и доказывать, что она не растёт из паркета? Ясно и так, что не растёт». Придя к Богу, он понял, что вера это дар, дар от Бога. Сам по себе

человек, своими усилиями не может прийти к вере, вот почему требовать веры от неверующего человека нельзя.

Записки церковного сторожа

Из цикла «Маленький человек»

Дядя Паша, старый перец, ушлый хрыч, как подавился, словно что-то с ним стряслось, лишь вышел на дорогу. Зашатался, замахал руками вдруг, остановился: что-то есть там, кто-то есть, ей-Богу!

Словно поперхнулся вдруг, глаза на лоб, и нервно задрожал, как пойманный хорёк, забился.
— Кто ты? — он спросил у тьмы и суеверно, поначалу левой, а потом и правую рукой перекрестился.

— Ты не Смерть моя? — спросил он вслух, но дымка не желала называть себя — всё гуще складки, всё плотнее тень. От этой невидимки сердце ёкает, душа уходит в пятки.

А ведь видывал ты виды! Не дружил со страхом. Выходил — грудь колесом, вся в орденах, как на параде: всё косил под ветерана-инвалида и, монахом вырядившись, нараспев тянул: «Подайте Христа ради!»

И с таким водился сбродом, голытьбою: что ни циник, то пропойца, что ни враль, то ворог. Что ж теперь ты, как романтик, разговариваешь с тьмою? И, как мистик, весь трепещешь, заглянув за полог?..

Впору б ниц тебе упасть: ведь, где ходил, хромая, там уже земля иная, сторона другая.

Всё лежал бы, как зародыш, ничего не понимая:
лишь блаженство летней ночи, мама дорогая!

Удивляет, что Вы естественный поэт, без натуги. Просто разговариваете стихами, как дышите. Но всё по законам поэзии, не видно стремления непременно понравиться читателю, поразить образом.

Правда, не понял последние строчки, как не всегда понятны кадры из фильмов Тарковского. Непонятна точка отсчёта. Это пожелание героя? Непонятно, но впечатляет.

А советский, думаю, что советский *«Дядя Паша, старый перец, ушлый хрыч»* существует уже без Вас, естественно и органично, словно Вы его и не придумали. Но какое-то «прозаично-мистическое» стихотворение, без мистической бутофории, и некая недоговоренность, фрагмент большего. Как фрагмент фрески Рублёва или Феофана Грека свидетельствует о масштабе явлений духовного мира.

Вряд ли это стихотворение молодёжного периода, здесь как бы не раскрыта «Девушка с клироса», восторженно смотрящая на Божий мир. Впечатление, что в этом стихотворении больший смысл, чем мы постигаем. Может быть, и сам Поэт не всё постигает, что изображает словом.

Приятно было опять встретиться с Вами. Надеюсь на неиссякаемость источника и новые встречи. Склоняюсь в поклоне. Как могла «Девушка с клироса» написать *«Дядя Паша, старый перец, ушлый хрыч»*? Петь на клиросе и писать такое? А хорошо!

Людмила Делова. Поющие на клиросе ещё и не такое могут.

Сергей Фёдоров. Я сам пел на клиросе и знаю, что такое клиросный бес.

Три дня

Говорят, когда человек умирает и уже не чувствует боли, душа его ещё целых три дня по земле бродит устало, бродит она по знакомым дорогам земной юдоли, там, где любила она, там, где она страдала...

И уже скинув с себя одежды немощи человеческой и житейские попеченья складывая у порога, как впервые, всматривается она в лица, вслушивается она в речи, словно хочет что-то о жизни понять
из эпилога...

В первый день помедлит душа моя над Москвою, пока она зеркала завешивает, пугается отражений, — с её речами окольными, с дорогой её кривою, с площадями побед, с лестницами унижений...

С её полётом, истерикой, чванством и панибратством, с солнцем её закатным меж изломанных веток, с детством моим и юностью, с моей бедой и богатством, — и благословит душа моя её напоследок!

А во второй день душа моя вспомнит свои скитанья, там, где, как говорят, и дым приятный и сладкий, где древний призрак Отечества сходу даёт задание — принести ему то, не ведаю что, и разгадать загадки.

Там под высокими соснами, над спелой россыпью клюквы, живут, земным благоденствием не тешась, не обольщаясь, и боятся лишь Прокурора, с заглавной буквы, — и благословит душа моя это всё, прощаясь!

Ну, а в третий день душа моя пустится, собираясь духом, туда, где, кроме неё одной, нет виноватых, —

к инокам и монахам, старикам и старухам,
и станет она меж нищих, блаженных и бесноватых!

В одинокую, на высокой горе, забредёт келью,
подпоёт «Господи помилуй» и «аллилуйя»
и, благословив последним благословеньем, уйдёт с метелью,
унося ожог последнего поцелуя...

О, неужели никто, к кому стучалась она, сдерживая рыданье,
и три дня говорила: «Я с вами! Я не убита!» —
ничего на земле не отыщет ей в оправданье,
ничего небу не скажет в её защиту?

«Уйдёт с метелью, унося ожог последнего поцелуя» — самая обжигающая строчка, высшая поэзия. Как пушкинский стих об Иуде, которого сжигает поцелуй Сатаны. Причём ясно, что нет никакого заимствования.

«С солнцем её закатным меж изломанных веток» — удивительно образное описание. Вот поэт так поэт. Впечатление, что Вы ещё попали и в сферу воздействия песен о Романа Матюшина*, чьё творчество мне кажется сентиментальным и «деланным», это штампы псевдосмирения, долго слушать это невозможно.

«К инокам и монахам, старикам и старухам» — это привет Матюшину, но Вы избежали его нытья. Но стихотворение получилось спокойное, верующего человека. Только есть ли у Вас переживание потусторонности остаётся тайной.

Так поражает опыт барона Иксуля в его «Очевидное, но невероятное для многих происшествие». Вы в этом стихотворении пока ещё «Девушка с клироса», есть очарование молодости, хотя Вы пишете стихи о загробных переживаниях. Но

* Я имею в виду ранние песни молодого Романа.

как-то не страшно, даже уютно. Утешаете. Наверное, народ и утешается. Спасибо за утешение. Но те строчки гениальны. Приятно быть в Вашем обществе. Радуете. Ещё!

О. Всеволод Шпиллер накануне своего отпевания

Первое явление, видение о. Всеволода для меня произошло на следующий день после его смерти вечером в ожидании панихиды по о. Всеволоду в Николо-Кузнецком храме. Ждали долго. Наступило почти восемь часов вечера, а автобус с телом о. Всеволода не приезжал. Мы не знали о том, что похоронный автобус вообще не приехал к дому о. Всеволода, и тело его с большими трудностями везли в храм на такси-универсале. Вместе с Виктором Сысоевым и Александром Ильяшенко (будущим батюшкой) мы стояли во дворе перед входом в храм и обсуждали последние события, связанные с кончиной о. Всеволода. (Я даже высказал предположение о том, что может так случиться, что и мтр. Антоний Блюм мог бы приехать на отпевание, в знак примирения. Но это предположение вызвало сильное сомнение в его реальности).

Время шло. Автобус не приезжал, народ ждал в храме. В это время, как эхом на духовное событие, открылось внутреннее зрение, когда против своей воли читаешь мысли другого человека, особенно старца, видящего тебя насквозь и читающего твои мысли.

Внутреннему зрению представилось, как в высоте, на уровне второго этажа колокольни, в духовном пространстве ангельские силы несли душу о. Всеволода. Они пребывали в золотом, непрерывно источающемся свете. О. Всеволод был как бы с воздетыми руками, и восхищение его золотым, духовным светом, было таковым, что ничего кроме: «О!» он не мог произнести.

Ещё на земле, во время своего служения о. Всеволод сподобился благодати Святаго Духа, но это явление золотого

света превосходило его земной опыт и его ожидание, несмотря на много слов, проповедей, сказанных им об этом свете.

Глядя в высоту зимнего ночного неба и угол кровли храма, я произнёс:

— Впечатление такое, что о. Всеволод сейчас здесь пребывает.

Мои собеседники подняли глаза в том направлении, куда я смотрел, но ничего не увидели. О. Всеволод очень хорошо видел нас, нашу группу, и людей в храме, ждущих панихиду. Он очень ясно воспринял взгляд, направленный на него, и то, что его видят (то есть видел-то его я один), и саму мысль, слово о том, что он уже здесь пребывает, и в нём шевельнулась негативная эмоция в мой адрес. Это видение его было и неожиданно, и нехорошо (для меня, может быть, и вредно). И, разумеется, такая «прозорливость» не была результатом святости.

Вот почему о. Всеволоду не очень понравилось то, что я вижу его. Это продолжалось мгновение, потому что ангельские силы несли его к главному алтарю храма. Я не дождался, когда тело о. Всеволода привезут в храм, и только на следующее утро пришёл на отпевание. Однако, находясь под впечатлением видения, через несколько дней сделал рисунок этого явления и передал его духовнику. Духовник принял рисунок, но попросил назвать имена тех, кто был изображен в группе, стоящей у входа в храм.

Подполковник ФСБ, хозяин деревенского дома, где я жил, спрашивал меня по поводу потустороннего мира:

— Вот, столько людей умирает, а до этого ещё миллиарды умерли, как же им всем там хватит места?

(«Москвичей испортил жилищный вопрос»).

Записки церковного сторожа

Разве ты не знал бедности,
застенчивость не прятал в обшарпанном рукаве?
Папироской обиды разве впотьмах не дымил?
А перед зеркалом —
разве не проводил рукой по стриженной голове:
глаза беспокойные, подбородок безвольный, —
сам себе не мил?

Разве ты не сворачивался калачиком, чувствуя, как велик
мрак за окном, как туманна даль,
как всадник с конём высок?
И вот-вот ураган разметёт по миру обрывки книг,
перепутает имена, опрокинет звёзды,
собьёт идущего — с ног?

Разве тебе не слышались голоса неясны, выпи, скимна, —
вестников бед?
Сердце не обвивала ль горечь наподобье змеи, вьюна?
Вьюга ль не угрожала, что мать стара, и отец дряхлеет,
а брата и вовсе нет,
и некому защитить младенца, отрока, подростка —
мальчика на все времена?

И теперь, когда ты — матёрый, как волк,
и пуган, и тёрт, и бит;
как морская галька, обкатан, пригнан волной со дна,
в мёртвой воде замочен, на солнце выжжен и сыт
сам собою по горло — какая твоя цена?

Ты дедушку пережил по возрасту,
врага по росту догнал,
ты Музе купил за ассарий пять малых птиц,
горячим воском закапал землю, в лицо узнал

среди пленниц душу свою —
под жирным гримом блудниц.

И вот, искушённый, ты знаешь всех поименно —
и мир, и боль,
но томит и томит вина, подкапываясь, как тать, —
перед тем — из бедной семьи, застенчивым,
выстриженным под ноль:
то пряника хочется ему дать, то просто к груди прижать.

Вам бы писать сценарии к фильмам Тарковского, те же персонажи — мальчик, «выстриженный под ноль», зеркало, и прч. Первые строчки показались самыми образными, самыми «тарковскими».

*«Разве ты не знал бедности,
застенчивость не прятал в обшарпанном рукаве?
Пафосской обиды разве впотьмах не дымил?
А перед зеркалом —
разве не проводил рукой по стриженной голове:
глаза беспокойные, подбородок безвольный, —
сам себе не мил?»*

Странно, что Вас нет в его фильмах. А может быть, Вы там есть? А Тарковский брал за основу «мальчика, стриженного под ноль» (гениальная фраза). Отрока Варфоломея Нестерова. Сергия Радонежского в отрочестве. А это уже идеалы «Девушки с клироса».

Мне не хватает какого-то намёка, как «нестеровский мальчик» становится матерым волком, не хватает переходного звена. Можно догадываться, что, очевидно, «в лицо узнал среди пленниц душу свою — под жирным гримом блудниц». Это плата за становление матерым волком. И «но томит и томит вина, подкапываясь, как тать, — перед тем — из бедной семьи, застенчивым, выстриженным под ноль» — это тоска по отрочеству, по остроте восприятия и незамутнённости чувств.

О! Пока писал отзыв, понял, о чём стихи. Плакал о Вас кинематограф, радуются почитатели поэзии.

Я, например, занимаюсь не своим делом, в которое бы вкладывал все силы души, страсть: писательство, мемуары, очерки. Но воля свыше заниматься именно этим, и приходит помощь. Пишу, что диктуют, понимая, что сам бы я этого не написал и тщеславиться здесь нечем. Хотя я человек очень тщеславный. Потому, наверное, и поставлен на «не своё дело». Не случайно, шутя, я и спрашивал Вас, кто Вам диктует строчки стихов: «Девушка с клироса» так не смогла бы написать.

Не смею себя сравнивать с Чеховым, но ему тоже казалось, что пьесы писал как бы и не он. Тоже было «раздвоение личности». Вы, наверное, меня поймёте. Если бы Вы не были матушкой, то я бы сказал: «Целую Вашу ручку, написавшую столько хороших стихов».

Поклон поэтессе и несостоявшемуся киносценаристу.

Сложный глагол «быть»

Кошки горящий взгляд,
Птицы тревожный крик.
Ветер ночной сад
Пробует на язык.

Рьяно ему в ответ
Брешет приبلудный пёс.
В зелени лунный свет
Порист, как купорос.

Всё это — «жизнь проста»,
Как говорится здесь:
Тяжкая суета,
Страх, шебуршенье, взвесь.

Писк средь травы густой,
Возле кустов — возня.
Именно что — простой —
Стать учили меня.

Попросту — выживать,
Теснить с разных краёв,
Выдавливать, выживать
Всяких там воробьёв.

Лучше уж петь, плыть,
Разрывать у берега сеть,
Сложный глагол «быть»
В тесной груди вертеть.

Что-то песенное в этом есть, но не достаточно ядрёно. Хотя есть «купорос». Музыкальный ритм для молодёжно-палаточного исполнения. Но нет той шекспировской ноты, кульминации, на которые Вы мастер. Вы даёте общие определения, формулировки. Нет раны о которой Вы поёте или вопите, как Гамлет или Высоцкий, или я.

«О, со мной то же самое было, гениально матушка Олеся выразила!»

Соль на раны не сыпете, интеллигентно пресновато и «подробностей нет». Первые два четверостишия впечатляют, обещают, а потом как-то нет кульминации, экстаза, к которым Вы нас уже приучили в своих стихах.

Даже непонятно, к какому периоду Вашей жизни эти стихи относятся. От Вас народ требует шедевры, Вы как бы себе и не принадлежите.

Вы же Олеся Николаева.

С благоговением и почтением.

Песнопения

I

Господи! Я напоминаю чуму,
ураган аравийский, тьму
Египетскую, фараонову лесть,
а ведь так говорила — петь Господу Моему
буду, пока я есть!

Я с ладоней Твоих глотала Твой виноград,
мне казалось — сплошь зарифмован Твой вертоград
и Твоя запятая всего горячей, остра...
И едва ли не Сам Ты — в летящем шёлке до пят
прямо здесь стоишь — у самого моего костра!

На меня поднимался самый мятежный полк,
и служил у меня на посылках матёрый волк,

вечеряло небо со мной за одним столом...
До сих пор шелестит этот вкрадчивый лёгкий шёлк,
уходящий в лепет: лепет, переходящий в псалом.

Безымянный — чернел под моею ногой провал,
бессловесный, одетый в железо, полк бунтовал,
осаждённый город падал, смертельно пьян, —
пока Ты не взял меня в руки, словно кимвал,
не ударил, словно в тимпан!

II

Дождь со снегом заняты собственным ремеслом,
присваивая окрестность, задним числом
помятая красавица, а те, выходя из игры,
превращаются в тучных замёрзших тёток, — уже с веслом
никогда не встать им у водомёта — там, на верху горы...

Всё в упадке, крушение... Знобит ледяное пальто...
Если, правда, я есть только то, что имею, то я здесь — никто
и огульное «нет».
И сквозит в моё решето
синеватый морозный свет.

Сквозь меня мерцает молоденькая зима
и Господские праздники — Рождество, дома,
превращённые в ясли. Оттуда несётся весть:
ты имеешь всё то, что ты есть сама,
ты имеешь то, что ты есть!

Можно подумать, что это Ваш перевод Псалмов Давида,
по крайней мере первая часть. Так же непонятно и так же потрясает. Странно — вспоминается почему-то «Песнь песней»
и «Откровение Иоанна Богослова», оно тоже непонятно для

«земных» умов, но является Откровением от Бога, и «автору» Апостолу Иоанну понятно. Я понял так, что Вы питаетесь богослужебными текстами и Пушкиным, и создаёте свои шедевры.

А «тучные замёрзшие тётки, — уже с веслом» — это просто «шедевр с Малой Грузинской», но это Ваш шедевр.

Очень сильно — «Я с ладоней Твоих глотала Твой виноград...»

Вообще дух пронизывает всё стихотворение, прямо Боговдохновенные стихи. Вы подбираетесь к созданию своих Псалмов? «Дух дышит, где хочет» и «Девушка с клироса» станет Пророчицей?

Испанские письма

XV

...Честно сказать — твой излюбленный Папа Римский надоел мне изрядно... Его папская туфля попирает пол-Украины, над Эстляндией заносит подошву, над Московией мыском помавает.

Среди римских легатов — распри и нестроенья: многие его называют «масоном польским», пеняют на его «паркинсона» и «эффект маски», прочат на Святой Престол здорового итальянца...

Так что напрасно ты столь за него радеешь: «Ex Cathedra» — вещь довольно сомнительная, и святой Пётр вряд ли когда забудет слова своего Бога: «Отойди от меня, сатана, ибо ты думаешь не о том, что Божье».

Впрочем, мне даже жаль твоего несчастного Папу: либеральная Франция его рисовала с клыками, а меж них трепыхался маленький либеральный французик, и сочилась кровь из его тщедушного тельца.

Так и тебя он схватил поперёк запястья,
в канцеляриях своих записал агентом влиянья...
Ну, какой ты агент — с такую прозрачной кожей,
с перепутанным клубком нервов, с глазами серого неба!

Здeсь у меня в Испании всё видится ярче, чётче.
Воздух насыщен цитрусом, олеандром,
рододендроном — слава Божья
о себе свидетельствует отовсюду.

И когда подумаешь здесь: разлука —
она тут же рисует себя необъятным небом.
А когда швырнёшь эту жизнь — просто так, на ветер,
она её вынесет точно по воле Божьей!

XVI

Такие испанцы есть, которые, как кошмарный сон,
ненавидят свою Испанию. Спозаранок
они ругают испанского Бога за то, что Он
создал Испанию, самих испанцев и их испанок.

Им ненавистно испанское королевство, испанский бунт.
Испанская вера их просто бесит, трясёт на пороге храма.
Даже Трансильвания им более по душе. Даже Трапезунд.
А уж Новый Свет для них — что Эдем для изгнанного Адама.

Хмель Васко да Гама, что ли, у них в крови? Иль затёрт до дыр
помянник неутолённых обид... Лишь отчий берег покинут,
среди любых туземцев честить начинают
испанские войны, испанский мир,
королей, кардиналов, смердов. Даже рельеф и климат.

А меж тем — если крикнуть: «Viva, Испания!», дорогой,
и подпрыгнуть, и шляпу подкинуть — она обернётся

в небесах распростёртою чудною птицей живой:
чайкой на море спустится, ласточкою — у колодца!

«*Чёрный цыганский глаз горит в темноте испанской*» — это «Чёрный квадрат» Олеси Николаевой, не уступающий «Чёрному квадрату» Малевича.

«Ослепительно чёрное солнце» Шолохова. Компания гениев. «*Кровавый глаз быка*» впечатляет. Но после таких драматичных образов «подкладывать мясо с жирком» как-то поженски, не так гениально, по-домашнему. (Позже убедился в том, что был не прав. «Пушкин всегда прав», а Олеся почти всегда права!).

«Гейне в экстазе» принёс книгу Ваших стихов. Я потерял дар речи от золотого блеска Ваших литературных орденов и премий. Пропала «Девушка с клироса», явилась Императрица. А мне жаль. «Ужасный день» моей жизни. Я всё злился, что бодрый старичок Владимир Гейне приходит от Ваших стихов в бóльший экстаз, чем я, а теперь душа моя стала нечувствительной. Пусть приходит в экстаз, так и должно быть. Я постараюсь отрешённо читать Ваши стихи, если это возможно, уж очень хороши.

Вспомнил молодые годы, когда меня не приняли в монастырь. Второй раз этого сделать нельзя. Слава Богу.

В Зеленограде есть площадь Колумба, не там ли вы собирались уютной компанией под большим абажуром? Это было актуально для девяностых, когда «новые испанские», будучи бандитами, иногда кровавыми руками делали состояния, но не хотели, чтобы их дети были такими же бандитами, как и они, и посылали их получать образование в «Россию». Та же тема в «Крёстном отце». У нас такой мафиози живёт за забором. Поэт-пророк, в его художественных образах бывает сфокусирована вся реальность нашей жизни, жизни народов: «итальянцев», «французов», «мавров». Но больше всего понравился Ваш обед под абажуром. Так вкусно написано,

так уютно. (Вспомнился обед Моцарта и Сальери, приготовленный Пушкиным). Политика уйдёт, а обед останется. Вы с Пушкиным готовите на века.

Описание застолья это показатель уровня поэта. Хотя бы первая глава «Евгения Онегина». Там нет политики, но есть ток кометы шампанского и жар котлет. Восстание декабристов прошло, а жар котлет остался. Приготовьте ещё что-нибудь. Вас чем больше ешь, тем ещё больше хочется. А сероглазая Девушка с клироса — хороший кулинар!

С восхищением.

Сновиденье

Приснился удивительный сон: будто иду я по городу и со мной моя внучка Надя. Надежда. Светлые длинные прямые волосы, огромные голубые глаза... А потом оказывается, что это не Надя, а другая девочка, очень похожая на неё, и зовут её Вера. И вот я проснулась и думаю: что бы это значило? Получается, я считала, что иду с надеждой, а на самом деле — с верой! Но на самом деле, сны, кроме, конечно, сновидений, которые разгадывал Иосиф Прекрасный, — лукавы суть. И было время, когда тёмные силы меня этими снами морочили: мне снились сны, которые сбывались. Вот увижу я во сне, что к нам приезжает издалека знакомый человек, и на следующий день он появляется на пороге. Или приходит мне в сновиденье таинственная посылка, и точно — достая наутро из почтового ящика письмо. Или снится мне, что у меня украли нужную вещь, и я, проснувшись, уже начеку, а всё равно, как ни берегись, а что-нибудь у тебя бесследно пропадёт!

И я даже стала считать, что есть у меня некие медиумические провидческие способности! Как бы я душой истончилась настолько, что стала чувствовать незримые волны, которые приносят мне весть о грядущем. Просытаясь, я сразу рассказывала сон моему мужу, а потом, когда его содержание подтвер-

ждалось настоящим, я говорила ему: «Ну вот, видишь, я же говорила!»

Но потом это стало меня томить и смущать. Потому что никакой пользы от этих «предвестий» не было и не было в них никакого смысла! Напротив, стало казаться, что кто-то из незримого мира издевается надо мной, являя мне в сновиденьях картины каких-то великих событий, войн, пиров: испанские гранды приходили ко мне, идадьго, рыцари устраивали дуэли, пасторы звали меня куда-то, разыгрывались драмы, устраивались погони, и я оказывалась втянутой в какие-то битвы.

А наяву это разрешалось тем, что я попадала на какое-нибудь вполне будничное мероприятие, где шли бесполовые споры и беспредметные разговоры. Или некое действие разворачивалось во сне вокруг чёрного чемоданчика, и всё было так значительно и таинственно! А наяву просто один из гостей забывал у нас чемоданчик и надо было теперь с ним где-то встречаться и возвращать...

Как-то раз я упомянула об этом духовнику, но так — походя и между прочим, как о какой-то мелочи, со смешком. Но он вдруг насторожился, стал меня об этом расспрашивать подробнее и потом сказал, что сны — это одна из уловок тёмного мира:

— Лукавый не знает будущего — ему известно лишь прошлое и настоящее: кто-то уже отправил вам письмо, какой-то человек уже садится в поезд, чтобы приехать наутро к вам, снежная буря движется на всех парах, чтобы закрыть над вами ясное небо... Вас приучат верить таким «пророчествам», а потом и внушат нечто. Надо исповедать такое доверие к снам!

Так я и сделала. И после этого сны прекратились! Лет десять мне вообще ничего не снилось. А потом, когда мне снова стали в сновидениях мерещиться какие-то картины, стихи, даже новый рассказ, проснувшись, я начисто забывала, что это было, вообще — о чём, словно некто сразу стирал написанное с чёрной доски... А вот сейчас голубоглазых светловолосых девочек Надежду с Верой оставил. Обе такие чистые, такие пригожие. Пусть уж не исчезают!..

Меж сном и явью

I

Между сном и явью слышишь странный
то ли шелест шестикрылый, шум отчизны позабытой,
то ли лепет льстивой, тёмной, предзакатной, самозванной
речи или Речи Посполитой.

Разве я двурушник дерзкий, вроде Курбского? Иль жердь я
обоюдоострая?.. Иль двоеверный
смерд? — в мешочках замшевых предсердя
оберег от лиходея носит, складенёк от скверны.

Через левое плечо плюёт и крестится в придачу
на луны туманный профиль, денежку из серебра ей кажет:
на приплод, богатство, счастье, говорит, и на удачу!..
А подумает и «на бессмертье» скажет.

У меня в мешочках этих тоже много есть такого,
что поёт то Херувимскую, то Прощание славянки,
то катает, как булыжник гневный, тяжкое глухое слово,
то без слов толкает в гору ледяные санки...

Вот и ты мне говоришь: засни, забудься. Сладок
сон царевны, спящей под защитой
ангелов, а бесы между складок
штор хоронятся да в сундучок закрытый...

Но меж сном и явью воздух шаток
и двусмыслен всякий гость со свитой...
И тревожен сумрачный осадок
жизни непрожитой.

II

С кем сравню себя? То с зябликом, то с кошкой
неприкаянной. Что ни припомню — куце.
Не проглоченным когда-то хлебом, крошкой
непрожитого — о, как не поперхнуться?

Путника неузнанным отправить в ночь! В скитальце
не признать глаза Его и губы!
Голоса Его не различить и пальцы,
преломляющие хлеб, не разглядеть — к чему бы?..

Я хожу-твержу одно лишь слово «сбыться»:
обрастая бытием, ночь проспана, день прожит...
Ибо там, меж сном и явью, где границы
чёткой нет, несбывшееся — гложет!

...И уже не может воплотиться,
но и умереть ещё не может.

1998

Вы были звездочётом и толкователем снов?! Это просто «убиться веником» Я тоже толковал сны, сам не понимая, почему я так говорю, а сбывалось. Объяснил женщине в возрасте, что её сон, как она поднимает зелёную ботву на грядках, а под ней растут пироги, которые женщина была мастерицей печь — это к младенцам. Дочь женщины до этого покинул муж. И страшно переживала, год находилась в оцепенении, мать боялась оставлять её одну. Молодых людей как женихов она не воспринимала. Была пустота и бесперспективность. И поэтому мои слова о младенцах показались пустым сотрясением воздуха.

Но как-то скоро явился человек, напел ей очень красивым голосом, и стал её мужем, (хотя, казалось, совершенно

не подходил N). Потом, один за одним, родилось трое мальчишек. А я с важностью и большим тщеславием начал толковать другие сны. Удивительно, но сбывалось. Всё это происходило в крюковской усадьбе. А потом долбанул инсульт. Нельзя заниматься «волхованием».

Очень сильное впечатление в Ваших стихах произвели *«бесы, меж складок штор хоронятся»*. Прямо с природы Вы пишете. Всему веришь, и почти всё знакомо. Поклон и благодарность за Ваши стихи. С ними сладко засыпаешь, читаю на ночь.

А Вы, я понял, ночная птица, их ночью наверное и творите. Пишите.

Как-то на проповеди второй священник Николо-Кузнецкого храма рассказывал о себе. Во время учёбы в семинарии каникулы он проводил на Украине у родственников.

Однажды он обратил внимание на то, что хозяйка дома очень удручена и расстроена. После расспросов она поведала ему свою печаль. Накануне к ней пришла соседка, похоронившая своего мужа, и сказала: «Мы с моим дедом договаривались, что кто первый из нас двоих умрёт, тот обязательно явится после смерти и скажет, как там на том свете. Если я умру первой, то я явлюсь ему и скажу, как там. А если он первым умрёт, то он мне явится. Вот мой дед и умер первым. Я ждала, как мы договаривались. А сегодня ночью он явился мне и сказал, что там ничего нет». Получив такое известие, женщины очень расстроились. С большим трудом семинаристу удалось убедить их, что являлся не дед, а тот, кого в народе называют хвостатым и рогатым.

Записки церковного сторожа

Радоница

Письма

Старых писем бы не читала и телеграмм,
не будила б забытое песнопенье:
отправители их давно уже где-то там,
во блаженном успенье.

Всякий там безмятежен, юн и богат
неземными снами,
что ж ответить может им адресат,
глядя внутрь себя большими глазами?

...Страшными глазами глянешь, словно слепой,
внутри себя, а там, как живые:
письмописцы, вестники, ангелы, — только пой
с ними песни их роковые!

Вещими глазами глянешь, словно слепец,
внутри себя — всё въяве вернётся:
ты один лишь знаешь, какой всему конец:
этого — убьют, а та — разобьётся.

Этот — не проснётся, а та — сгорит...
Реки запылают.
А у этой — рак, а думали — плеврит...
Но они-то в письмах этого не знают!

Не ходи на гору, в море, в палисад!
Сад зачах, а замок покосился,
поинял от времени старый адресат,
до неузнаваемости обносился.

Лучше эти письма больше не читать,
что писал там — пафос, прочитал здесь — лепет.
Лучше уж к усопшим в тайных снах летать,
обгоняя ужас, унимая трепет.

И когда затихнет ледяной норд-ост —
он сбивает пыл, да и не докричаться —
лучше уж при свете логосов и звёзд
повстречаться...

Там — в преображенном облике посад,
и Господний возраст — тридцатитрёхлетний —
заново примерит старый адресат,
как наряд последний...

О стихах. Почему-то перечисляются одни скорби. Хоть бы одно письмецо о рождении ребёнка. На Вас это не похоже. Эстетическое уныние высокого уровня, руки опускаются, жить не хочется. Как будто у Вас кто-то умер. После таких стихов (высокого уровня) остаётся только бежать в пустыню и думать о смерти. «Дар случайный, дар напрасный» Пушкина гораздо веселее.

Хоть бы лучик надежды дали. Последние строчки не преодолевают боли всего текста. Хотя Вы не обязаны всё время радоваться и «видеть и на кладбище плюсы» — цитата. Уж очень хорошо Вы передали тоску и боль. Тоскуешь вместе с Вами. Это эффект Ваших стихов, Вашу жизнь переживаешь как свою. У Некрасова этого нет. Вы и читатель — сиамские близнецы. Чуть поосторожней, а то Вы слишком талантливы.

Испанские письма (продолжение)

XVII

Право же, все молодые испанки собой прекрасны,
а стареют мгновенно:

смотришь — и бац! — старуха.

Тогда они надевают скорбные чёрные платья
и играют на мандолине печальные песни.

Молодые испанки спрашивают у старых:

«Вы, старухи, всё знаете, расскажите,
как не сгореть дотла в страсти безумной,
как добиться от кабальеро любви — вечной?»

Отвечают старухи, играя на мандолине:

«Вы можете отдать кабальеро розу — белую, алую, золотую.

Вы можете отдать кабальеро свой лучший перстень.

Даже нежную руку в ажурной тонкой перчатке.

Даже поцелуй под покровом ночи.

И на заре, когда птица пробует голос...

Даже сердце — и то: для кабальеро не жаль и жизни.

Но упаси вас Бог, молодые испанки, —
отдавать ему свою песню.

Потому что — когда вы станете стары

и наденете длинное платье скорби,

ваши розы — белая, алая, золотая —

лишь сухие чёрные руки протянут к небу.

Но зато — у вас останется ваша песня!..

И тогда вы сядете с мандолиной

и, как Бог положит на сердце, запоёте

о своей Испании милой, тайне её и славе...

И кабальеро вовеки пребудет с вами!»

...Так поют у нас в Испании старые уродливые испанки.
Молодые отходят от них недоверчиво, головой качают:
«Если бы они вправду знали вечной любви секреты,
разве бы они сделались безобразны?
И потом — разве мы видели подле них кабальеро,
который бы, преклоняя колено,
протягивал им розовый персик?»
И молодые испанки хохочут, представляя такое,
и сверкают их острые белоснежные зубки.

Я начинаю верить в реинкарнацию. Пушкин жив, но стал Олесей. Даром что у обоих глаза серые. Вы передали дух Испании не через театральный реквизит: вееры, шпаги, плащи и гитары, у Вас всё пронизано духом. А строчку: *«И на заре, когда птица пробует голос...»* — у Вас мог бы похитить Шекспир для своей Джульетты. Стихи переходят из времени в вечность, в них нет XVIII или XXI века, они вне времени, как вне времени тексты Святого Писания, хотя, казалось бы, Вы пишете о старых и молодых испанках. Но притча тоже о юродивых и мудрых женщинах.

Вы превзошли самоё себя. Повторюсь — в поэзии Испания это не страна, это религия. И Вы пророчица её. Вы овладели тайной слова, меня начинает охватывать мистический трепет, перед человеком, с которым говорит Бог. Я в поэтическом экстазе от Ваши стихов Олесея, и уже не воспринимаю Вас как «Девушку с клироса». В иконе тоже нет времени.

О, Сергей! Вы меня вгоняете в немоту!

А Вы меня сделаете певцом. Целую Вашу ручку, как святыню.

Испанские письма (продолжение)

Дорогой! В Испании бесчисленно множество религиозных войн
бесов с ангелами. До самых небес запружен
воздух бьющимися крылами, огненной посечённой травой,
несгораемым зноем, и путник пред ним безоружен.

Он глядит в своё сердце, а сердце — как цвет полевой:
то раскрыто, то скомкано, то исковеркано наспех,
то в овраг закатилось по чёрной дорожке кривой,
то под ветром полощется — курам кудахчущим на смех.
Грызунам — на потеху: любому хорьку на пеньке,
или членистоногим — на липкий язык вроде студня,
или холоднокровным — на их «бре-ке-ке», «бре-ке-ке»,
здесь, под самым окном моим, вечером, после полудня.

Жить в Испании так, дорогой, — жутковато.
Страшней — умирать.
Истончаясь, скользя, ускользя, как под воду — мыло,
здесь, подпрыгнув, цепляются к ангелам за рукоять
и, на цыпочки встав, за архангельский меч Михаила.

Иль, схвативши чернила, в сердцах, пред дорогой нагой
пишут письма Тому, Кто подьёмлет и море, и сушу,
и в поспешном постскриптуме ставят P.S.: «Дорогой!
Здесь, в Испании, можно погибнуть за милую душу!»

«В Испании бесчисленно множество религиозных войн / бесов с ангелами. До самых небес запружен / воздух бьющимися крылами, огненной посечённой травой, / несгораемым зноем, и путник пред ним безоружен» — шедевр, как фреска старых итальянских мастеров. О сердце раскрытом, то скомканном, исковерканном и т.д. — как-то неожиданно, оригинально:

*«Грызунам — на потеху: любому хорьку на пеньке,
или членистоногим — на липкий язык вроде студня...»*

По киношному уж очень крупный план, очень выпукло. Очевидно, это аллегория нечисти, поедающей сердца людей, тёмные, исковерканные. Но получилось по-деревенски натуралистично. Хорёк на поводке — ярко, но по-настоящему хорёк, в финале он сообщает диссонирующее измерение за счёт своей натуралистичности, как лягушки в балете «Лебединое озеро». Не та финальная нота. Мне так кажется. Как «и мыло ускользящее под воду» — умирание. Не гармонирует с «Флорентийской фреской».

Есть такая фраза: «Русский человек, то бишь испанский, жить не умеет. Он умеет умирать», которому умирать не больно — из «Евгения Онегина», эпитафия.

Может быть, современный испанский, то бишь русский человек измельчал?

Так привыкаешь по ходу писем к обращению «Дорогой», что по своей инертности не сразу понял, что последнее обращение адресовано Богу.

«Здесь, в Испании, можно погибнуть за милую душу!» — истинно так. Наверное, стихи были написаны в девяностые или сразу после них.

Если бы Данте заканчивал «Божественную комедию» хорьком, меня бы это смутило. У меня уже к Вам запросы, как к Данте.

Дерзайте. (Вы же дочь Пушкина, с серыми глазами).

Конечно, целиком «Испанские письма» понравились — явление. Простите, если как-то задел Вас, тем же менторским тоном. Я совсем не считаю себя профессионалом. Хорошо, что Вы есть, можно ждать новых поэтических открытий.

«Прощай, прощай и помни обо мне» — Шекспир.

(Перечитывая через год, удивляюсь своей «наглости» и апломбу, в поучениях гения, каким является Олеся Николаева).

Так жили поэты

— Вы верите в литературу? —
спрашивает молодой стихотворец.
А сам, как видно, сильно поиздержался, бедняга,
поистрепался, устал.
— О, — отвечаю, — я никогда её не поставлю на пьедестал.
Идола из неё не сделаю, ладана не воскурю,
не зажгу восковой свечи,
буйну голову за неё не сложу в чистом поле,
душу не заложу в ночи...
Ибо я насмотрелась на ваалов её и астарт,
как пожирает она живьём,
смотрит осоловело с окаменевшим на плече соловьём.
С потрохами заглывает всё, что дают, с требухой,
и из всех сточных потоков всегда выходит сухой.
А подступится к ней новобранец,
одной рукой пистолет сжимая, другой — теребя ус:
«А ну отвечай, старуха,
что там за правила у тебя и секреты,
какие-такие тройка-семёрка-туз?»
Так она надвинет на лоб чепец, задрожит,
сделает вздох глубокий,
притворяясь, что — угадал:
мол, именно так и то...
И он потом всю жизнь собирает текущие строки
в дырявое решето.

2005

Прочитав Ваши воспоминания, удивляешься, как Вы не свихнулись в таком обществе. Жаль Андриюшу-«венгра», но смешно, как он умер. Смешно изложено, без смешливости. Гениальная блёстка из жизни. Я уже не помню о чём Ваша замечательная, а смерть Андриюши — поужинал, посмотрел телевизор

и умер (а до этого прыгал с седьмого этажа) — уже не забуду. Так мог написать человек, не боящийся смерти. Не забуду о студентах — почитателей Есенина, потом «квасящих», как и он.

Что-то ничего не задело в отрывке из «Испанских писем» о птицах, там у Вас белый павлин в иллюстрации. Но, кажется, Вы его и не включили в последний цикл.

А нет ли у Вас что-нибудь томного, борисово-мусатовского, в духе «Зелёного ожерелья», но не приторно-декадансного, табачного, в круглой дамской шляпе? Или это Вам, при Вашем трезвении, совершенно чуждо? Господь не позволяет мечтать Своему пророку, предаваться миражам? *(Боже мой, какая наглость! Словно официанту заказываю стихи).*

Целую край Вашей одежды и пытаюсь Вас понять. Не получается. Благодать не даёт, Вас защищает.

Против злопамятности

Я скажу тебе — посиди со мной,
погляди в глаза, окажи мне милость:
опьянённая жизнь за моей спиной
порвалась, как ртуть, раскатилась.

Муж мой чуть не ушёл в монахи. А духовник
перешёл к католикам втайне. А мать ослепла.
А сестра сорвалась с балкона. А мой двойник
притворился мной и построил город из пепла.

2004

Какое-то издевательское очарование Ваших стихов и умиротворение. Повторюсь — с Вами умирать не страшно. *(Пока так кажется).* Возникает какой-то спортивный азарт

занять и свою строчку в перечислении бед в Ваших стихах, шагнуть в вечность. А из-за Вас случайно не прыгали с седьмого этажа?

Особенная доверительность пленяет:

*«Опьянённая жизнь за моей спиной
порвалась, как ртуть, раскатилась».*

Строчки вроде бы не эффектные, тихие. А какое поэтическое мастерство, тихая глубина.

Хорошо, что Вы, как Есенин, в молодости не покончили с собой. За Вами ушла бы толпа народу, поклонников.

Побудьте ещё с нами. Без Вас мы осиротеем. Думаю, что выражаю мнение народа.

А правда, что Ваш муж *«чуть не ушёл в монахи»*, или это для образа? Как мне это близко. И что пережили Вы!

Стихотворение «неказистое» на первый взгляд, но очень сильное. Опять же «песенка Офелии». Впечатление, что Вы постоянно резонируете то на Пушкина, то на Шекспира.

Кажется, начинаю понимать — Вы обращаетесь к читателю, как обращались бы к своему реальному Возлюбленному, и эта доверительность пленяет. Читатель чувствует себя Вашим Возлюбленным, а Вы становитесь для него его Возлюбленной.

Хорошо, что Вы не умерли в молодости. Когда-то я тоже чуть не ушёл в монахи из-за дамы. В точку попадаете, Олеся, в самый нерв. Может быть, Вы действительно Пророчица и сии глаголы не совсем от Вас? Народ волнуете. «Кончаю, страшно перечесать».

Ещё! Поклон от того самого читателя. «Ах!»

Нет, Сергей, я, слава Богу, никогда не то что не пыталась, а даже и мысли не допускала о самоубийстве! Мало того, я не могла побороть какое-то неприязненное чувство, если не отвращение, когда это пытался кто-то сделать из моих знакомых, но, по милости Божьей, всё у них обошлось больницей и дурдомом: всё это было действительно у них по дурости и гордости.

Прошу прощения. Это гиперболические поэтические образы. У меня тоже и мысли не возникало такой о Вас. Но знаете, сам текст так диктует. Мне очень нравятся стихи какого-то восточного поэта, он пишет, что в нём такой огонь любви, что он боится вздохнуть, чтобы не загорелся небосклон.

Балканист Александр Иванович Рогов, будучи особой, приближённой к патриарху Пимену, вспоминал его слова о запрете отпевать самоубийц.

— Как можно не отпевать самоубийцу?! Наоборот, его надо один раз отпеть, потом ещё раз, и в третий раз отпеть!

Все мы самоубийцы.

Записки церковного сторожа

Март

I

Март. Подземные колокола. Палящие жерла пушек, возвещающих траур. Дух заупокойных обеден. Словно на негативе — сам Император-освободитель: жертва горделивой черни. Он бел и бледен...

О, март, март! Ты лежишь на чёрных подстилках, небо твоё — в переменчивых двусмысленных звёздах. И при них — душа моя, что девочка на посылках мечется и вдыхает цареубийственный воздух.

II

Выпускающий птиц всё держит их у себя до срока.
Только и прока в поющих раскачивающихся соснах,
да ещё эта скачущая по ледяному насту сорока
в одеждах великопостных.

Знаешь ли, так и я, так и я в такую седмицу,
шатаясь по снегам чёрным, — с каждого бока
на любую сверкнувшую вдруг вдалеке вещицу
округляю око.

III

О, март, март! Ты намеренно понижаешь высокое,
низкое делаешь ещё ниже...
Крепости ледяные растворяются в мировом океане.
Следы исчезают в месиве, дороги корчатся в жиже.
Дырка в твоём кармане.
И когда начинается великое таянье, половодье,
сдвигаются с мест вековые пласты памяти,
обнажается немощь духа:
разночинство принимается выть на луну,
мается простонародье,
а у прочих — мигрень, инфлюэнца,
сплин, обморок, золотуха...

IV

О, март, март! Некому тебя подморозить.
Уже не время
сдерживать небесные хляби, брать высоту с бою:
крепкое твоё воронье, сорочье семя
зацепилось: сердце подкармливает его собою.
«Ты была ведь прекрасна просто, бела, богата,
а досталась черни чернейших чувств,
ропоту дурной крови...

Вот такая смута великая без царя-то!» —
так говорит март,
а земля хлопает, путает окончанья в слове...

О стихах. Не пойми что, а хорошо. Что хорошего в «дырке в кармане»? Но выразительно и жизненно. Как у Чехова. Гениальный мазок отражающий растрёпанное состояние души.

Цареубийство было сто тридцать лет назад, девочка на посылках могла быть Ваша прапрабабушка, вернее, её душа. Не видели Вы Императора на смертном одре *«белым и бледным»*, и с большим трудом осознаёшь эту связку, что Вас, тоже *«белую»*, но не бледную, а богатую, и это мешает, губит чернь чувств, тогда как Императора губит просто чернь.

Между этими двумя событиями Вы даёте очень красивые зарисовки природы с дивными сороками в *«одеждах великопостных»*, *«ледяными крепостями растворяющимися в мировом океане»*, которые должны нести символический смысл, но это так живо и образно, что «символический смысл» уходит на второй план.

А есть весеннее смятение чувств молодой девушки. Вы в этих стихах молодая девушка, никак не искушённая поэтесса. Это и находит отклик. А «император белый и бледный» только повод, что-то отвлечённое, что видела Ваша прабабушка.

А сороки во фраках сиюминутное, то чем Вы живёте сейчас, и то чем начинает жить читатель вместе с Вами. Очень драматично, что «сорочье семя кормится Вашим сердцем». Но это происходит с Вами, а не с Вашей прабабушкой. Потому так и сильно. Есть некоторая перемешанность в стихе миражей прошлого, и «хлопающей реальностью» марта «сейчасного», это сообщает некую растрёпанность самому стиху, при соблюдении рифм и всей механики построения стиха.

Но это только моё ощущение. Но дыхание марта веет из Ваших стихов. Только людям нервным, наверное, опасно их читать, могут заразиться Вашим смятением.

Несомненно, стихи талантливые. Ни у кого нет такой поэтической дырки в кармане. Без иронии, ведь Вы её сознательно вставили, подчиняясь законам поэзии. Поклон великой поэтессе. Ваши чада тоже поэтессы? Может быть, возможно прочитать и их творения?

Забвеньё

В локтевом суставе тикнув, в чашечке коленной
молодой пчелой жужжит, стрекозой стрекочет,
Иерусалим Небесный облетает сокровенной
мыслью, губы в Мёртвом море мочит...

С головой четвероликой жизнь! Усеяла очами!
Взоры около летают, оводы, шмели и слепни,
но для прошлого — ослепли эти очи, и ночами
слышно только, как забвенья запахи окрепли.

— Дорогая, — говорит мне, уводя из дома в слякоть
и средь гор таская бесполезных, —
для того оно, забвеньё, чтоб — не помнить,
чтоб — не плакать
о предателях прекрасных, о лжецах чудесных!
Для того оно такое — бархатное — покрывало,
с чёрным ворсом, с острой блёсткой,
в звёздах полуношных,
чтобы ты — не убивалась, чтобы ты — не горевала
о лукавцах гениальных, гордецах роскошных!

...Я и так уже — не помню. Я и так уже — не вижу.
Я и так уже — не роюсь в этой свалке
мёртвых жужелиц, улыбок, тайных писем из Парижа...
Только запахи со мной играют в салки!
— с Ruslana Kovalynskaya

В первой строчке о локтевом суставе и коленной чашечке такая анатомическая точность, медицинский реализм, что потом не понимаешь, как это связывать с Небесным Иерусалимом. Мне не хватает знаний, чтобы понять от православного поэта, что такое четвероликая жизнь.

Но Небесный Иерусалим сообщает вектор, отличный от индуизма, там может быть всё, что угодно. Херувимы не подходят, в Откровении ничего не вспоминается.

Потрясающая звукопись следующих строчек: слепни — ослепли, очами — ночами. Фантастические образы живописи Дали с Гойей, и даже подсознания. Показались самыми сильными строчками во всём стихотворении.

Очень понравились «бесполезные горы». Вы прямо-таки народный трибун, по крайней мере части народа. Звёзды и чёрный ворс не вяжутся. Ворс намного сильнее, звёздочки в нём потерялись. Финальные жужелицы, улыбки, письма из Парижа — опять Дали. На это надо настроиться. У Вас такая утончённая изысканная звукопись, что последние слова — игра в салки вызывает больше ассоциацию с едой.

Это только моё восприятие. Есть перемешанность гениального с не совсем гениальным. Но гениальное по-настоящему гениально. Хотя, конечно, не мне решать, имеет ли это стихотворение право на жизнь. Но Ваша рука чувствуется.

Поклон. Прошу прощения, если чем-то рассердил.

Слабо пульсирует, мерцает мысль, что четырёхликая жизнь связана с временами года, или временем дня. Но нет предварительного намёка, штриха, как это понимать. Индийская загадка. Неужели четыре возраста человека?

На мой отзыв, наверное, можно писать ироничные стихи. Вопрошаю, как на игре «Что? Где? Когда?». И не надо музу напрягать.

Ну, Сергей! Это же как раз очень даже понятно — видение пророка Иезекииля (тетраморф): Лев, Телец, Орел, Человек: четыре ипостаси Жизни... Никакой Индии, ею я совсем не увлекаюсь.

Всё-таки эти животные отдельные, четыре головы сами по себе, а у Вас в стихах одна голова. Я поэтому и отметал символы Евангелистов. Масштаб, значимость животных символов несоизмеримы с реальными насекомыми пчёлами, стрекозами.

Что-то я на Вас сегодня нападаю, как слепень. Но с большой любовью.

Некий мальчик на исповеди у о. Всеволода Шпиллера сказал, что в школе к нему постоянно пристаёт другой мальчик, лезет драться. Как быть? Ведь надо смиряться. О. Всеволод ответил:

— Когда он начнёт приставать к тебе, ты тихо, но твёрдо скажи ему: «Отойди».

Если он будет продолжать, то ты ещё раз скажи: «Отойди».

А если он не перестанет, тогда ты размахнись и с большой любовью дай ему оплеуху.

Записки церковного сторожа

Слово и безмолвие

«Паче всех человек окаянен есмь» и вся заполонена сорняками слов, пустоцветом житейской речи и если полынью, то непременно «горькой».

«Невольник чести» и «вечности заложник» в плену у времени гремит кандалами причинно-следственных связей, ищет и не находит своего Подлежащего, роется в шелухе сказуемых и рядится в обноски ямбов, дактилей и хореев — явно с чужого плеча. И если не ощупывает брезгливо на себе этот second-hand, то с вызовом щеголяет в нём, заявляя, что поэзия теперь ТАКАЯ и ТАКОВА.

В мире, где Глагол потерял власть, а Слово утратило плоть, где жизнь разошлась с судьбой, а реальность покинула смысл, поэту остаётся только ИГРА. То есть, как бы всерьёз, но всё — не «всамделешнее» и понарошку. Нечто, вроде школьного упражнения:

выучите правило, выделенное жирным шрифтом. Поставьте слова в нужном падеже. Раскройте скобки. См. примечания, напечатанные курсивом: исключение составляет то-то и то-то.

Выучившись, в конце концов, это можно возненавидеть.

Ибо — если дом, то скорее всего — на слом.

И если окно, то темно. И если вино, то давно. И если дорога, то Бога. И если тебя, то губя. А если меня, то огня.

Парный конферанс! Буриме. «Соловей российский — славный птах»: беспредел и тупик — в сущности, одно и то же. Наверное, существует особый вид адских мучений — сугубо для стихотворцев: всё уродливое и мертворождённое требует к ответу своего автора.

Чур меня, чур!

Лучше совсем замолчать. Лучше безмолвно пройти мимо вытопанных словесных пастбищ, по которым гоняют свой нехитрый мяч футболисты из местных. Миновать без единого слова расхожие уличные повороты, молча пересечь базарную площадь, мешающую языки и наречья... О, эти общие места, как бы невинно подталкивающие к диалогу! Зачины, неизменно диктующие свою концовку. Риторические фигуры, не выпускающие из своих железных объятий! Наконец, машинальные обороты речи, словесные штампы, образующие привычный ландшафт и лгущие сердцу, что ему это — впору!..

Самое страшное искушение — поверить, что за ними больше ничего нет, что они-то и есть последняя, окончательная реальность. Плен времени располагает к тому, чтобы поэт постепенно забыл, чей он заложник.

Лучше совсем замолчать, чем забыть, заболтавшись. Лучше впустить в себя такое большое безмолвие, что оно может вместить Слово. Отмолчаться на глубинах души, над которыми, как огромные волны, проходят валы чужой — и прямой, и косвенной, и несобственной речи и откуда житейская рябь кажется серебристою чешуею. Отлежаться на самом дне, пока наверху — бури, баталии, перебранки. Вырастить в себе такое большое безмолвие, что самому умалиться, его лелея. Самому потесниться, его вмещая. Самому истончиться, его утучняя. Самому попригаснуть, чтобы свет его виден был отовсюду.

Вот, я принимаю у себя прекрасного гостя: дам ему место, сама же лягу на половику у порога — гость же пусть занимает всё ложе.

Сегодня он заснёт как Безмолвие — завтра проснётся как Слово.

Приготовлю ему наилучшей снеди — пусть кормится вволю. Я же могу пробавляться чёрствой коркою с чечевицей.

Сегодня он заснёт как Безмолвие — завтра проснётся как Слово.

Запасу для него вина — всё разолью по кувшинам. Пусть мой гость чувствует себя превосходно, располагается весьма вольготно.

Нынче он заснёт как Безмолвие — завтра проснётся как Слово.

Главное, чтоб ничего ему не мешало.

Одену его в лучшие одеянья — в чистый пурпур, в виссон с шёлком. Сама же пребуду в наипростейшем платье. Пусть он красуется и чувствует себя здесь дома.

Сегодня он заснёт как Безмолвие — завтра проснётся как Слово.

Главное, чтоб ничего ему не мешало.

Никакая склока и никакая поза. И никакое поветрие, и никакая сухость. Ни обида, выясняющая отношенья. Ни тщеславья тонкое интриганство. Ни искусное шарлатанство лести. Ни унылое высокомерье гордыни. Ни зеркальный комплекс Нарцисса. Ни идолопоклонское чарованье. Ни житейская суета. Ни зависть с татьбою. Ни дремучее косноязычье. Ни сервильная лёгкость речи. Ни невежество. Ни всезнайство. Ни Сальери. Ни даже сам Моцарт. Ни проповеднический учительский искус. Ни реформаторский мессианский пафос. Никакой вождь. Никакой демос.

Главное, чтоб ничего ему не мешало.

Сегодня он заснёт как Безмолвие — завтра проснётся как Слово.

И освободит пленника времени. И отпустит невольника на свободу.

Олеся Николаева

Вы написали чин исповеди для стихотворцев и писателей. Пообещав адские муки, что им придётся вечно читать свои произведения, и дать ответ за каждое слово. Я встревожился, совесть обличает меня, приводя в состояние страха и трепета.

Вы очень красноречиво, всеми красками воспеваете Безмолвие, тайну входа в Безмолвие и возвращение Его.

Всплывают в памяти гимны Симеона Нового Богослова, проповеди митрополита Антония Блюма, тексты прт. Александра Шмемана о возвращении добра в душе, только Вы это сказали поэтическим словом, как Пушкин переложил на стихи «Великопостную молитву» Ефрема Сирина.

За научением идёт Ваша личная молитва ко Причащению, вполне может стать вровень с молитвой Симеона Метафраста, но не только для окаянных поэтов и писателей.

А далее блестящий каскад о различении духов и помыслов в духовной брани. Фрейдю остаётся только плакать в Аду (если он там) со своим психоанализом.

В общем Вы создали новый молитвенно-поэтический чин ко Причащению. И красноречиво, взахлёб молчите.

В этом чувствуется порыв молодости, а что делать старым хрычам и сушёным петрушкам? Я только вспоминаю те молодые годы, когда я лез на небеса. Не было ли Вас на соседней лестнице? Но я попал в то облако страстей, которые Вы перечисляете: «унылое высокомерие гордыни» и прч. — и пал под их тяжестью.

Мне теперь нужен «Плач» Адама. Может напишите в стихах как Пушкин? Буду премного благодарен.

Дай Бог Вам здоровье, Псалмопевица Вы наша.

Но произведение хорошее, заставляет остановиться и задуматься.

Правда, вылезает каверзная змея сомнения: отчего же Вы не в монашеской келье?

Хотя можно быть в миру и хранить в себе эту тишину, а можно уйти в пустыню и унести с собой все страсти и мирской шум. Это уже мой вариант, поэтому я и отзываюсь на сей «молитвенный чин» с брюзжанием. Не слушайте меня, Олеся, пишите свои ангельские стихи. Помяните и нас грешных, когда приидете в Царство Божие. Аминь.

Дорогой Фёдор! С удовольствием читаю Ваши комментарии, но даже не в части «похвал», которых не заслуживаю, а вот тут: «Не было ли вас на соседней лестнице?» То есть получаю радость от самой Вашей стилистики, от рисунка риторической фигуры, от словца: «Сушёные петрушки»...

Очень тронут, Вы меня вдохновляете. Но у меня нет тайного монашеского имени, я пока Сергей. Может быть Вы прозреваете моё монашеское будущее с именем Фёдор? Приводите меня в оцепенение.

Сергий! Ну, конечно! Простите! Всё перепутала – день и ночь, имя с фамилией, правую руку с левой...

Из очерка «Схимонахини Серафима и Мария». Старицы Спасо-Влахернского монастыря

На первом перенесении останков присутствовала и моя матушка Людмила Ивановна Фёдорова. Весь месяц она переживала со мной все этапы в хлопотах по спасению останков. Поддерживала меня, говорила, что надо всё оставить и заниматься только этим делом. Она приняла схм. Серафиму в своё сердце как святую. На фотографии схм. Серафима удивительно похожа на мою прабабку, и её бабушку Степаниду Фёдоровну жившую в деревне Владимирской области.

Матушка моя ясновидящая, в молодости она ошеломляла людей своим ясновидением, люди иногда пугались тому, как она могла их видеть, не присутствуя рядом. Однако она скоро поняла, что цена за это ясновидение – душа. Она перекрыла все каналы, и старалась никогда не использовать эти силы. Частично и мне передались какие-то способности, хотя я очень сильно пострадал от этого.

Матушка была в восхищении от грандиозности события, хотя человек она более церковно-сочувствующий, чем

церковный, очень редко посещала церковные службы, чаще лекции о. Александра Меня.

(Она запечатлена почти на половине фотографий, сделанных во время первого перенесения).

На следующий день после перенесения останков, утром 3 октября матушка сказала:

– Мать Серафима дала мне знак. Она приняла это перенесение.

Но ничего более моя матушка рассказывать не захотела. В эти же дни о. Владимир Воробьев дал мне поручение написать очерк о схм. Серафиме и Марии, и о самом перенесении останков.

В это время о. Анатолий высказал сильное сомнение в святости схм. Серафимы, поскольку она ему не явилась и не поблагодарила за доброе дело. Спрашивал меня, было ли кому-нибудь явление схм. Серафимы? Я помнил, что матушка моя упомянула о явлении света во сне, но поскольку она не хотела об этом говорить, то и сказать о. Анатолию ничего конкретного не мог.

В Деденево я записал Марию Петровну на магнитофон. Была сделана запись и Зои Васильевны и Екатерины Васильевны Киселёвых.

Нужно было свидетельство моей матушки о видении света. Но она категорически отказывалась что-либо рассказывать, хотя почему-то очень хотела опять посетить могилу матушек в Перемилово.

Понимая, что матушка ни за что не будет говорить перед микрофоном, я решил записать её тайно. И сделал это, когда она пришла с работы на обеденный перерыв. Первые фразы это сплошное препирательство, матушка серьёзно рассердилась моей навязчивости. Я объяснял, что это надо для очерка, что сейчас священник очень соблазнился, поставил под сомнение святость схм. Серафимы.

— Нет, он не прав, — сказала матушка. — Когда ты поедешь в Перемилово?

— На днях.

— Я поеду с тобой и расскажу ему о явлении Серафимы.

Всё-таки мне удалось разговорить матушку и тайно записать этот рассказ на магнитофон.

Во сне она увидела себя в новой могиле м. Серафимы и м. Марии. Она сама лежит между двумя гробами. Мрак, тишина вечности. Но ей не страшно, она знает, что рядом м. Серафима и м. Мария.

«Лежим. Внезапно на гробе м. Серафимы вспыхивает свет, сначала это была тонкая полоса света (по плоскости гроба). Потом этот свет стал подниматься, усиливаться, становясь всё сильнее и сильнее. В жизни я не видела такого света. Как золотые купола горят на солнце, таким был и этот золотой свет. Но только он был ещё жарче, ещё сильнее. Этот свет был живым, этим светом была сама матушка Серафима».

Я спросил:

— Ты видела лицо Серафимы в этом свете или какое-то другое видение?

— Никакого лика не было. Никаких образов не было. Был только свет. Он клубился, вибрировал, поднимался и наполнял собою всё. И этим светом была матушка Серафима.

— Ну, а ты что в это время делала? — спросил я.

— Я сама стала таким светом. Матушка Серафима как бы во-
брала меня в себя, и мы вместе с ней поднимались, клубились.
Я вращалась в этом свете. — (Я поневоле вспомнил Симеона
Нового Богослова, его описание света, когда он пишет, что
ум, соединившийся с божественным светом, сам становится
светом, вращается и движется во свете, как в некоей глубине
вод). — Свет был ослепительный, — продолжала матушка, —
и чернота могилы только подчёркивала его яркость.

— Как чернота могилы?

— Свет был другой природы. Он не рассеивал мрак.
И свет, и мрак существовали одновременно.

Вот это больше всего меня поразило в разговоре о свете.
Я абсолютно точно знал, что матушка не читала творения
исихастов, описание того, что свет и тьма сосуществуют од-
новременно. Не помнила она и первые строки Евангелия от
Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

— А что дальше было?

— Свет поднимался, мы поднимались вместе, свет достиг
уровня земли (поверхности) и остановился, а я оказалась
вне могилы. Она как бы вытолкнула меня из могилы. Вижу
перед собой Перемиловский храм, деревья, кресты на моги-
ле матушек, а потом всё исчезло.

После этого видения мама очень хотела иметь фотогра-
фию храма и могил матушек.

Будучи на Пасху в монастыре Иоанна Богослова, я хотел
причащаться три дня подряд, как разрешали древние кано-
ны. Монах, проводящий исповедь, смутился, послал за бла-
гословением к настоятелю монастыря архимандриту Авелю,
служившему праздничную литургию. О. Авель посоветовал
воздержаться. Однако после евхаристического канона он
призвал меня к себе и сказал:

— Вы хотели причащаться. Если человек хочет соеди-
ниться с Богом, то я не могу встать между Богом и челове-
ком. Причащайтесь.

Метель

Меж землёй и небом моя постель,
и на воздух ступает нога.
Потому страна моя любит метель,
что она и сама — пурга.
Изо льда и воды и ветра. Того гляди —
укачает всех на весу,
прижимая жалость свою к груди,
как ребёнка, найденного в лесу.

Потому все линии смещены,
а огни расплывчаты. Близорук
каждый куст, и призраками луны
всякий недруг взят на испуг.
Меж землёй и небом колыхнется колыбель,
выставляет месяц рога.
Потому страна моя любит метель,
что она и сама — пурга.

Из порывов и перехлёстов — сон,
на лету — любовь, на суку — ночлег,
а когда душа из тела выходит вон,
черноту убеляет снег.
Ничего очевидного — только звук:
то ли эпос, то ли Псалтирь,
и дитя больное берёт из рук,
словно грудь материнскую, — ширь.

Крутит-вертит сияющую канитель,
сшивающую берега.
Потому страна моя любит метель,
что она и сама — пурга.
Из забвенья, трепета, слёз, могил
плетущая письмена.

А не так — то Кто её подхватил
на качающиеся рамена?

Всё стихотворение, как метель. Жалость, ребёнок, колыбель — как это пронзительно и щемяще. Душа автора пребывает в этой метели, это её стихия. Метель-то какая-то ласковая, согретая дыханием автора. Изысканная вязь слова, переплетение образов и рифм, очень непростых при кажущейся простоте. А попробовать так написать — не получится. Нисколько нет истерзанности, «рваности» и надрыва при всей жалости к стране, плаче за страну. Душа у автора любящая, и это окрашивает всё стихотворение соответствующими тонами. Всё-таки в повествовании никто не замерзает. Почти колыбельная.

Дети Марины — четырёхлетний Филлип и шестилетняя Шура — на даче играют в маму, ждущую третьего ребёнка. Шура на террасе раскладывает подушки, одеяла, детскую кроватку. Приходит соседская девочка Катя, тоже шести лет. Увидев, с какой серьёзностью Шура занята раскладыванием подушек, она спрашивает:

— А где Филя?

— Филя на втором этаже рожает, а я здесь всё готовлю, — ответила Шура.

— А-а, — с пониманием сказала Катя, кивая головой.

Записки церковного сторожа

Католическое Рождество

Я молюсь всё отчаянней, всё усердней, но декабрь — свидетель,
высокомернейший лук Стрельца прижимающий возле сердца:
он запомнит, как двери мои посрывались с петель,
и петляла дорога моя, как чёрный дым погорельца.

Ах, что делает нынче овца и смиренный кролик?
То же буду делать и я — безответно, немо.
Духовник мой сделался вдруг католиком.
Как католик в декабре он видит уже звезду Вифлеема.

То есть он уже миновал сочельник и как латинянин
заглянул в ясли, склеенные из фольги и ваты.
А мои волхвы всё мешкают возле Ирода. Ирод ранен
их пророчеством в сердце. Близится час расплаты...

1997

«...Высокомернейший лук Стрельца прижимающий возле сердца...»

Сии строчки непостижимы для моего немощного и непросвещённого ума. Наверное, другие умные люди прекрасно знают, о чём это. Я доверяюсь тому, что «умные люди знают», и пропускаю, как туманное облако, осознавая свою необразованность. Потом начинаю вспоминать, что есть вроде бы созвездие Стрельца, но надо смотреть атлас звёздного неба. Кажется, Стрелец — это ещё и знак зодиака. Но я человек, посещающий храм, и что мне языческие знаки?

И что мне античные боги? Они же не боги, а бесы.

Прочитал, просветился. Оказывается, Стрелец, человек-лошадь с луком, занимает временное пространство в декабре.

Но тогда получается, что *«декабрь — свидетель, высокомернейший лук Стрельца прижимающий возле сердца: он запомнит,*

как двери мои посрывались с петель, и петляла дорога моя, как чёрный дым погорельца» — это некая умная временная сущность.

Как трон Спаса Вседержителя — это не «мебель», на которой Он восседает, а Высший Ангел Божий, по учению святых отцов.

Здесь же получается, что декабрь лук прижимает к своему сердцу. Некие высшие иероглифы, недоступные непосвящённым. Ум изумевает. Вспоминается бесплодная смоковница. Оказывается, что хотя это дерево, но у него есть своё «я», своя воля, свой Ангел.

А есть ещё и ангел, сворачивающий небо, как свиток, и клянущийся, что времени больше не будет (и декабря со стрельцом и луком у сердца).

Всё-таки, кажется, я не прав, лук у сердца. А я навел мистическое богословие!

Очень трогают строчки:

«Ах, что делает нынче овца и смиренный кролик?

То же буду делать и я — безответно, нemo».

Проникаешься таким смирением и кротостью автора.

Конечно, *«...двери мои посрывались с петель, / и петляла дорога моя, как чёрный дым погорельца»* — это универсальное мастерство поэта.

«То есть он уже миновал сочельник и как латинянин заглянул в ясли, склеенные из фольги и ваты.

А мои волхвы всё мешкают возле Ирода. Ирод ранен их пророчеством в сердце. Близится час расплаты...»

Библейская концентрация и ёмкость текста. Икона словесная.

Олеся, я добавил две строчки, отредактировал, о том что, кажется, я не прав, и навел мистическое богословие.

О, это я люблю! Сейчас почитаю «мистическое богословие».

Но на самом деле всё проще. У католиков радость, Рождество! Святочные гуляния! Праздник! Подарки! Угощения! А у нас — самые тяжёлые и строгие дни Рождественского Поста. Ирод уже

узнал о рождении Младенца, послал своих иродиан истребить весь младенческий мужской род, Пресвятая Богородица, беременная, с Иосифом Обручником всё ещё в дороге — а ведь и в Иудее в это время холодно, мыкаются в поисках приюта, ночлега, все им отказывают... Это тяжёлые переживания для нас, духовно приобщённых к их жизни... Тут и человеческая драма: духовник — уже там, а ты ещё здесь... Распалась связь времён...

*«...Как двери мои посрывались с петель,
и петляла дорога моя, как чёрный дым погорельца»* —
воспринимается как Ваше смятение в связи с переходом
духовника в католичество.

Очень много взял на себя «Стрелец с луком у сердца», фактически он занял место Богоматери в стихах. Лук, Стрелец стали главными, это переживания Вашего сердца. Через них идёт стихотворный поток.

*Это знак абсурда — этот декабрь Стрельца, у которого
в руке — лук: мало ли куда пальнёт!*

Но в Библии у иудеев, кажется, не было ни Стрельцов, ни других знаков Зодиака. Волхвы, звездочёты упоминаются как нечто чуждое иудейской религии. Как вавилонская или египетская премудрость, не соответствующая вере в Единого Бога.

Евангелисты пишут о звезде на Востоке, но не о созвездии Стрельца. А у Вас Стрелец получился главным, он ранил Ваше сердце, и через это сердца читателей, скорбью.

У иудеев не было. Но тут совсем иной хронотон.

«Будьте мудры, как Змии, и просты, как голуби». Ещё блаженный Августин говорил о познании Евангелия — оно было выше его ума, и у него не было детского восприятия, чтобы постичь его.

«Сказкой о золотом петушке» восхищаются и дети, и ви-
тии премудрые.

Дети не поймут, что «тут совсем иной хронотоп».

*А я что-то тут не поняла, о чём Вы... И при чём тут «Зо-
лотой петушок»...*

Ребёнок на своём детском уровне понимает Евангелие,
как и «Сказку о золотом петушке», которую некоторые ре-
жиссёры толкуют, интерпретируют как богословие, описа-
ние духовной брани и прочее. Это универсальность текста.
У Вас некоторая сложность в стихах, недоступная детскому
сознанию, переводу образов на детский уровень.

Ребёнок перескажет евангельские притчи, перескажет
Петушка. Но не сможет на своём детском уровне связать Ро-
ждество Младенца Христа и Стрельца.

Конечно, это же не стихи для детей!

*Думала о смущении, которое вызвал мой декабрьский Стре-
лец в этом стихотворении у моего постоянного интрепретато-
ра и комментатора Сергея Фёдорова-Мистика. Оно было напи-
сано более десяти лет тому назад, и я попыталась войти в ло-
гику его написания, понять, откуда у меня самой этот Стрелец
взялся в стихотворении о католическом Рождестве.*

*И как-то сразу передо мной встала вся эта загадочная карти-
на, в которую можно вглядываться бесконечно. Стрелец, конечно,
здесь от волхвов – от астрологов, которые узнали и поняли
о рождении Младенца по Звезде. Но вот дальше начинаются тай-
ны: зачем они пришли в Иерусалим, в логово врага Царя Иудей-
ского, Который вот-вот родится? Почему они о Нём говорят
с Иродом (тот принимает их тайком, поскольку иудеи не явля-
ются с язычниками-идолопоклонниками).*

*Вопрос не праздный, ведь «звезда, которую они видели на вос-
токе, шла перед ними» и «остановилась над тем местом, где был
Младенец» (Мф. 2:9). То есть, они «со звездой путешествуют»,*

и тогда зачем им спрашивать о Младенце в Иерусалиме и выслушивать от Ирода всякие наставления и получать поручения?

Но именно это здесь оказывается роковым моментом, потому что Ирод, узнав о Младенце, ищет как бы убить его и посылает «избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведal от волхвов» (Мф. 2:16).

То есть, придя в Иерусалим и выдав время рождения Царя Иудейского, они тем самым выдали Его тайну врагам («Не врагам Твоим тайну повем»...). Именно из-за неистовства Ирода Иосиф с Матерью Божьей и Младенцем вынуждены теперь, по слову Ангела, скрываться, бежать в Египет и возвращаться лишь после смерти Ирода...

Всё это непостижимо с точки зрения земной логики. Почему Промысл Божий не отклонил волхвов в сторону от Иерусалима, не подал им никакого знака не заходить туда, хотя явно благоволил к ним и послал им потом, во сне, после рождения Младенца и приношения Ему даров, откровение «не возвращаться к Ироду» (Мф. 2:12), а вернуться в страну свою иным путём? Ведь не приди волхвы со своею вестью в Иерусалим, не раструби об этом так, что это достигло ушей четверовластника, семья Богомладенца и Он Сам избежали бы многих опасностей и скорбей, не были уничтожены (принесены в жертву за Него) многие ново-рождённые мальчики: всё происходило бы втуне, незаметно, бескровно... «И волки сыты, и овцы целы».

Вот, думаю над тем, что и Сыну Своему Возлюбленному Бог Отец не уготовал беспечальной и благополучной земной участи, лёгкого детства и надёжного крова... И ещё размышляю над фразой, что это значит: ведь фактически это Ирод, злодей, посылает волхвов в Вифлеем (ср. Мф. 2:8), и получается, что они туда направляются, хоть и под звездой, но по его повелению... Какая-то энигма Промысла Божьего...

Оказывается, Вы можете писать проповеди, как владыка Антоний (Блум). Без елейности, очень чётко отвечая

на мучившие человека вопросы, переживая с ним, без какого-либо морализаторства, своей жизнью, в своей жизни, в себе раскрывая и свидетельствуя о жизни в Боге.

Юлианский календарь, который использует Православная Церковь, создавался магами и волхвами Александрии и был введён императором Юлием Цезарем, ведущим свою родословную от прародительницы Венеры, причисленной к божеству языческому. А апостол Павел и магов, и жрецов называет служителями бесов. Что же, в православной церкви календарь от бесов?

Да ну, Сергей, что-то Вы не о том...

Это шутка. А вот не очень шутка. Мой друг церковный сторож Евгений высказал такую мысль: «Если бы на Руси не было введено патриаршество при царе Борисе Годунове (почти насильно, патриарх Иеремия II фактически оказался под домашним арестом), то Русская Православная Церковь оставаясь под управлением Константинопольского патриарха, не управлялась бы светской властью, как это было при Петре I, при Екатерине II и особенно при коммунистической власти, когда всех епископов назначал уполномоченный по делам религий».

Сергей Фёдоров-Мистик, ну, всё-таки он не «назначал», а «утверждал»... Или «не утверждал»...

Напоминаю мои стихи о Рождестве Христовом.

Рождество

И пустыня уже приготовила Ему вертеп.
И небо уже зажгло для Него звезду,
и пастухи уже развели огонь, разложили хлеб,
и волхвы потекли в путь, и праведники вострепетали в аду...

Словно бы им привиделся сияющий вертоград.
И они Царю его сказали: «Благослови!»,
пав пред ним... Блаженнейший виноград
Он давал вкушать умирающим от любви...

И на всём лежал отсвет этой звезды и покров мглы,
и ангелов стало так много на острие
наитаинственной иглы,
пришившей небо к земле.

И лестница протянулась от самых седьмых небес
от первых и от последних дней
до этой сухой земли с ветрами наперевес,
до этих бесплодных слёз, до этих мёртвых камней.

И каждый стал думать, что ему принести
Младенцу, Мужу скорбей:
пещера сказала: животных в тёплой шерсти,
пустыня сказала: люльку моих зыбей.

Золото, ладан, смирну — волхвы сказали,
а твердь сказала: звезду,
а нищий очаг — огня.
А пастухи — своё ликованье,
а Ирод сказал: «смерть»,
а сердце моё: «Меня,
принеси меня!»

«И на всём лежал ответ этой звезды и покров мглы, / и ангелов стало так много на острие / наитайнственной иглы, / пришившей небо к земле».

Это что-то сверхъестественное в поэзии по образу, как сверхъестественно само Рождество. До такого образа додуматься, прийти к нему поэтическими потугами нельзя. Это откровение от Бога. Такое невозможно придумать. Эта игла станет величайшим образом, вершиной из всех стихов, написанных о Рождестве. Стихи Пастернака бледнеют с его детскими игрушками, перед откровением данным Олеся от Бога.

Как перед иконой пропадает любая «реалистическая», «земная» живопись. Как возникали сомнения: а человек ли был прп. Андрей Рублев? — так возникают сомнения: а человек ли Олеся, не Ангел ли?

Беседа архм. Иоанна Крестьянкина о посмертных явлениях прт. Всеволода Шпиллера.

Май 1988 года

В письме к о. Иоанну я привёл эпизод явления о. Всеволода, даже явления о. Всеволоду Пресвятой Богородицы. Чего созерцать, конечно, было невозможно, но можно было видеть о. Всеволода пребывающем в таком трепете и восхищении, какие человек пережить на земле не может. Это было в 1985 году 6 февраля во время акафиста перед иконой Божьей Матери «Утоли моя печали» накануне праздничной всенощной, часов в пять вечера. Весь молящийся народ во время акафиста находился во Введенском пределе перед иконой Божьей Матери, и поэтому в главном Никольском пределе находилось три-четыре человека из служителей. Я тоже оказался в главном пределе.

Во время акафиста со стороны жертвенника в алтаре как бы перестала существовать стена, открылась бездна, в храм вошла Пречистая в сопровождении каких-то свя-

тых. Видеть это было нельзя, но почувствовать явление Пресвятой Богородицы было можно через о. Всеволода, он как духовный настоятель храма, стоя справа от престола,

*Прозрачный силуэт. Праздничная всенощная
«Утоли моя печали». 2000 г.*

в трепете и радости встречал Богоматерь. Потом люди долгое время отмечали, что в Кузнецях стало как-то необыкновенно легко и благодатно.

Очевидно, на Кузнецях было благословение Божьей Матери. В письме к о. Иоанну я говорил, что описывать это явление невозможно, трудно, я хорошо понимаю, что это может быть прелестью, обманом, но я описываю то, что переживал. Однако о. Иоанн (при личной встрече) ответил на это:

— Вот было явление Божьей Матери разбойнику, который каждый раз, уходя на злое дело, воссылал Божьей Матери архангельское приветствие «Богородице Дево, радуйся». И мы празднуем икону Божьей Матери «Нечаянная радость». Было явление Божьей Матери нерадивому пономарю — икона Божьей Матери «Скоропослушница».

(В это время я работал в церкви Георгия Победоносца алтарником, чтецом, певцом, был нерадивым пономарем).

Вообще о. Иоанн ужаснулся тому, что в письме я написал ему, что вот уже четыре года делаю рисунки этих явлений, и все они находятся у духовника, но духовник ничего не говорит по этому поводу.

— Четыре года делать рисунки! — ахнул он.

Сказал, что больше их делать не надо, но не сказал, что рисунки надо сжечь. Объяснил, что духовник их принимал молча, чтобы не нарушить моего состояния, не травмировать меня.

Праздник Рождества

«Да если Господь захочет — ни нога твоя не преткнётся, ни аспид из моря не вылезет, ни василиск — из леса», — так уверял меня бывший начальник волжского пароходства, по беснованию скрывшийся в монастырь и победивший беса...

И был он похож на Угодника Николая — так аккуратно белые кудри его лежали, наподобье вспаханной пашни, так тщательно были отмыты волжские пятна, начальственные подтёки, пароходные шашни...

Так поднимал он добрую чарку и пил во славу праздника Рождества Христова, наставляя благою вестью эту овцу заблудшую, эту поруганную державу, эту меня, рухнувшую в одночасье, как дом — всей жестью.

И пока он показывал старые фото: себя — в лычках, в погонах, щёлкал по ним для остротки, не щадя натруженных пальцев, всё отчётливей становилась на небосклонах Вифлеемская покровительница — Звезда скитальцев!..

...Я пыталась держаться за стены храма, за столп идеи и за эту землю, как за добрую сбрюю. Только нет, оказалось, никакой иной панацеи, кроме спины, на которой пастырь тащит овцу худую!

«Николай Угодник» с русыми кудрями, начальник пароходства, подвергся жесточайшему нападению бесов и даже подпал под их власть. Но вот осознал, что *«если Господь захочет — ни нога твоя не преткнётся, ни аспид из моря не вылезет, ни василиск — из леса»*. Такая же история случилась с Мотовиловым, «служкой Серафима Саровского». Возможно, подвигом смирения победил он беса с помощью Божией.

Всё это он говорит *«овце, рухнувшей в одночасье, как дом — всей жестью»*, автору стихов.

То есть, очевидно, автор пережила какую-то жизненную катастрофу, сравнимую с крушением державы. Но вот восходит Вифлеемская звезда *«покровительница — Звезда скитальцев!..»*.

После жизненной катастрофы автор тоже оказалась на положении «скитальца». Но если автор пыталась утвердиться в вере, придавая большое значение внешней обрядовой стороне: *«Я пыталась держаться за стены храма, за столп идеи»* типа «Православие, Самодержавие, Народность» и «Москва третий Рим», за почвенничество в литературе — *«за эту землю, как за добрую сбрюю»*, то потом приходит осознание, что тщательное следование Церковным уставам, почти до фарисейской пунктуальности, тщательное следование идеям, ни вправо ни влево от генеральной Православной линии, поклонение земле и крестьянской жизни, хождение в на-

Трепыхание крыльев

род, «народ знает Истину» (но часто представители народа лежат под забором с разбитыми носами, окропленные самогонкой), ещё не приводят к истинной встрече со Христом, которая должна произойти в сердце человека. Сердце может стать яслями для родившегося Богочеловека. Но чтобы попасть в своё же сердце нужен проводник, Пастырь, берущий на Свои рамена погибающую овцу.

А жизненное потрясение автора, скорее всего, — потеря духовника, переход его в католичество, о чём она сама поведала в книгах.

(Год назад на эти же стихи Олеси 4 декабря 2015 года отзыв был таким):

Хорош портрет Николая Угодника, бывшего начальника пароходства. Не хватает компании, Вы же не одна с ним были. Тоскливое Рождество получилось. И какие-то тоскливые строчки об овце худой. И Вы одинокая, и спина Пастыря.

Его Самого как бы и нет. Вы как Ёжик в тумане с этой спиной. Кстати, интересно, что раньше символом Христа была рыба. Так что Ёжик в тумане на спине рыбы перекликается с Вами. Но получается, что начальник вне этой спины, она только для Вас, а он уже стал Угодником Божиим, но пьёт в одиночестве, Вы не составили ему компанию. Можно было бы показать, как он боролся с бесами. Тоску нагоняют и фотографии в каморке холостяка или вдовца. Не с кем ему выпить. Тоска и уныние, и ищешь спину, которая вытянет. Все мы «ёжики в тумане». Оказывается, Вы тоже тоскуете, умеете тосковать, у Вас неплохо получается, как всегда. Мастер. Поклон. Но хотелось бы что-нибудь повеселее.

Про ёжика я что-то не поняла... Что за ёжик такой?

Мультфильм «Ёжик в тумане» Юрия Норштейна, признанный лучшим за все времена. Там есть эпизод, когда заблудившийся в тумане ёжик, который ищет дорогу к своему другу медведю, сваливается в реку, у него уже нет сил, он «опускает лапки», в это время к нему тихо подплывает рыба и несёт его на себе к другому берегу.

А тут он при чём?

Спина Христа, спасающая спина рыбы, символ Христа в стихах Вы причисляет себя к скитальцам, и ёжик скиталец.

Если мне приходилось разгадывать Ваши стихи, подобно Иосифу, разгадывающему сны фараона, то теперь Вам приходится разгадывать отзывы на них. «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться», — я улыбаюсь.

Про ёжика явно не туда.

Вы не видели этот фильм? Его даже мультфильмом назвать язык не поворачивается.

Но, наверное, год назад это был слишком шутливый, дурашливый тон относительно такой серьёзной темы в Ваших стихах. Надеюсь, в сегодняшнем отзыве нет такой дурашливости? А мультфильм — сверхъестественная поэзия. Потому я и мог сопоставлять обе поэзии. Это не детсадовский зверёк. Как Маленький принц не персонаж «Весёлых картинок».

Но это же прошлогодний отзыв. Я сейчас перечитываю их, особенно на «Испанские письма», то многое хотел бы изменить. «Пушкин всегда прав», а Вы почти всегда правы. Так мне кажется.

Рождество

Сегодня в память Джотто ди Бондоне,
раздвинув византийскую условность,
я углублюсь в пространство светотени
и с агнцами возлягу возле ног
Иосифа Обручника.
Мария, на локоть опершись, глядит на Сына,
и ангелы над кровлей так похожи
лицом на дочерей моих...
А я допущена на это любоваться
в обители, где вдруг земля и небо
сошлись так запросто, чтобы почтить Младенца,
и где в Святом Семействе каждый может
почувствовать себя своим настолько,
насколько любит...
Синим-синим цветом —
ультрамарином, кобальтом, лазурью
и суриком насытить роговицу
и, зрение профанное утратив,
увидеть мир в преображенном свете.
И повторять, язык и слух лаская
нездешним именем:
О, Джотто ди Бондоне!

Нетленные стихи, как нетленна фреска Джотто. На Данте тянете. Наверное, Вы были бы друзьями с Джотто и Данте. И Данте вместо Беатриче воспевал бы Вас. А теперь я это делаю вместо Данте, только таланта такого нет. Но я Вас воспеваю только как поэтессу. Пожалуй, и мы с ним подружились бы, нашли бы общий язык, тему.

*«И ангелы над кровлей так похожи
Лицом на дочерей моих... А я
Допущена на это любоваться».*

Неожиданный ракурс, но истинный. Ангелы, похожие на дочерей, сообщают сердечное переживание всему стихотворению. Ангелы уже не музейные экспонаты, не книжные «герои», даже богословского повествования, а реальные живые личности, девы. Вспоминаются слова свт. Дмитрия Ростовского: «Отними у Ангела крылья — будет дева. Дай деве крылья — будет Ангел».

*«И где в Святом Семействе каждый может
Почувствовать себя своим настолько,
Насколько любит...»*

Это уже святоотеческая фраза, изречение, формулировка. Правильнее было бы — святоматеринская. Добротолюбие в стихах. Два художника воспринимались как Ангелы во плоти — это Джотто и Андрей Рублёв. Олеся может составить им компанию (или её дочери?).

Ангел маленькой Лизы

В другой раз на даче в Лужках я говорил Марине, что вижу Ангела маленькой Лизы (моей любимицы), всё это происходило на кухне.

— Ну, не смущай маленького Ангела, — ответила Марина.

— Какой маленький Ангел! Он раза в три выше нас с тобой. Помнишь фреску Андрея Рублёва «Ангел ведёт в пустыню младенца Иоанна Предтечу»? Вот такой же масштаб.

Ангел маленькой Лизы

Сергей Фёдоров с Лизой

Прошло время, младенцы выросли, и присутствие их Ангелов стало незаметным, а может быть, я очень огрубел, и ушла любовь.

Конечно на картинах западных мастеров «Купидоны» с розовыми попками и с крыльями из гусиных перьев ничего общего не имеют с ангельской реальностью. Даже если бы это были красивые девушки с лебедиными крыльями или одухотворённые ангелы Рембрандта, изображать ангелов через мясо нельзя, это другая реальность, которая может быть обозначена на языке иконописи.

Мемуаристка

Старуха-деспотка, всезнайка, самодурка, полна разгадками. Как вещая каурка, всё вынесет, всё чует, всё раскусит: душа при ней парит, а сердце трусит.

Она дороже мне всех молодых сестёр
и братьев доблестных. Покуда на костёр
толкает юношей, шлёт теноров эпохи
и с барского стола швыряет крохи.

Старуха дерзкая! Тебе б носить жабо,
чай гонять и ни гу-гу, что знаешь...
А ты героев, словно бибабо,
то кланяться, то каяться гоняешь.
И грёбень сказочный на чёрный снег роняешь...

Старуха дивная! Перед тобою мгла
и обоюдоострый ушлый месяц.
Ты всех обставила — ты всех пережила:
врагов, любовников, наперсников, прелестниц.
И к небу тянутся каскады шатких лестниц.

Теперь рассказывай. Кто ел из этих рук.
Кто пил из тувельки. Кто гнал тебя по трактам.
Кто шею гнул, кто поломал каблук.
Ты помнишь всё, не доверяя фактам,
и жест важнее, чем сюжетный трюк.

А факты — что? Их можно тасовать,
бить, словно козырем, нагнать такого дыма,
что под призором их затосковать
по жизни подлинной, которая — помимо,
неописуема почти, неуловима...

Твои истории — то сон дурной, то сруб
палённый: кто — хозяин? где — скиталец?
И тут же появляется: у губ
фигура умолчанья держит палец,
глаза большие делает: луп-луп.

Нет, ты раскрой лицо, разоблачи
мотив податливый, колыни, найди, где сердце.
На поясе твоём бренчат ключи
от скважин мировых, от скрытой дверцы.
Кто там за нею? Ну-ка, постучи...

Чтоб вещи сдвинулись, поплыли, отворя
всё, что там пряталось за ними, меркло, блекло:
любовь таинственной, чем звёзды, чем моря,
а ревность пламенной, рубинового пекла,
ан — рядится то в мышь, то в снегиря.

А смерть прекраснее, чем первый день зимы.
И сад в снегу с открытыми глазами.
Старуха вещая, на дне твоей сумы
давно написано, что происходит с нами,
совсем не так, как это видим мы.

Три тайны вручены тебе, смотри:
одна — любви, другая — смерти... Страсти
при них тускнеют, словно фонари.
А третья тайна — это тайна власти.
Всё было так, как скажешь. Говори.

Навскидку, пока чищу снег: Пушкин! Убиться веником!
Пушкин! Поэма! Трепещу, что такое возможно!

«Ты всех обставила – ты всех пережила:

врагов, любовников, наперсников, прелестниц.

И к небу тянутся каскады шатких лестниц» —

дантевский сюр, очень образно. Соединились образы Данте с картинами Босха, но автор всё равно остаётся Олесья Николаева-Пушкина. (Когда-то «Девушка с клироса», а ныне патриархиня русской поэзии).

«Кто пил из туфельки. Кто гнал тебя по трактам. / Кто шёл гул, кто поломал каблук» — «кино» о девушке-дворянке в советской России. Дворянке, вряд ли книжная девушка позволила бы пить шампанское из своей туфельки, да у неё и не было бы туфелек. Перед нами старая графиня. А в этих двух строчках, как море в капле воды, отразились судьбы женщин-дворянок.

«...А ревность пламенной, рубинового пекла» — совсем что-то новое по образу, и многозначности.

«Рубиновое пекло» может быть и угли «цыганского, романтического» костра, и угли ада, и рубиновые звёзды, угли советского Ада.

«А смерть прекраснее, чем первый день зимы» — «И люди будут искать смерти, но смерть убежит от них» — Апокалипсис.

*«Старуха вещая, на дне твоей сумы
давно написано, что происходит с нами,
совсем не так, как это видим мы»* —

это уже какая-то Мировая Старуха, поднимающаяся до прообраза Смерти. Опять-таки персонаж босховских картин.

Людам в тридцатые годы, пережившим репрессии, мясорубку человеческую, образ Старухи, как апофеоз смерти, очень понятен.

«Тайна власти» — в советские годы не прекращалась борьба за власть. Но в тридцатые «рубиновые», под цвет крови, она достигла своего апогея. Молодая графинюшка пережила эти годы.

Тайна любви — жертвенность.

Тайна смерти — тайна судеб людей, тайна Божественного Промысла.

Сие моё субъективное восприятие сих стихов. В своей жизни я встречал таких Старух. Общаясь с ними соприкасаешься к истории страны, и к историям сердечных переживаний, и к истории подвижничества. Хотя Старуха у Олеси Николаевой-Пушкиной и деспотка, и дерзкая, и дивная, и вещая. Не указана дата написания стихов.

Я просил Олесю Александровну, предложил написать стихи о крюковской старушке. На следующий день появилась публикация этих стихов. Были ли они написаны раньше или появились за один вечер, неизвестно. Но хотелось бы узнать историю возникновения сих стихов. Драматичных, трагичных, историчных. В общем пошла русская классика, а Олеся Александровна — пророк, представитель её.

Не умерла русская культура. Аминь.

Превращения

Призываешь добрый сон — он кошмаром оборачивается,
глянешь в спину супостату — а он оборачивается,
объясняешь всё на пальцах — пять и пять не сходится:
ходят слухи, воплощаясь, в мыслях духи водятся.
Выгоняешь злую страсть — складкою высовывается,
расколдовываешь мир — а он заколдовывается.

Люди нагляделись в ночь с зеркалами грязными,
а оттуда — оборотни с криками бессвязными,
двойники и шулеры, демоны и выхухоли,
атеиста-дедушку из могилы выкопали.
Выгоняешь нечисть прочь, а она высовывается.
Расколдовываешь мир, а он заколдовывается.

Люди бьются за еду, стайками слипаются,
засыпают на ходу и не просыпаются.
Хоть труби ты им в трубу — мечутся и маются,
Повторяют бу-бу-бу, а не пробуждаются.
Только цепи разорвёшь — новая выковывается,
расколдовываешь мир — а он заколдовывается.

По науке объясни, почему так складываются
плоть с душой и лик с лицом, яблоня и падалица,

а в зазорах и щелях — ужас набивается,
мёртвый дедушка с толпой под шумок сливается.
Выправь схему и ранжир — ан не утрамбовывается.
Расколдовываешь мир, а он заколдовывается!

*«Люди нагляделись в ночь с зеркалами грязными,
а оттуда — оборотни с криками бессвязными,
двойники и шулеры, демоны и выхухоли,
атеиста-дедушку из могилы выкопали».*

На зависть Владимиру Семёновичу Высоцкому.

Оказывается, Олеся Александровна может не только воспевать туманные сады, мечтания души и грёзы, но со знанием дела отобразить хохот и свист нечисти, показав её во всей «красе», анализируя, без симпатии, как у Булгакова, её природу, силы и закономерности поведения, подобно свт. Игнатию Брянчанинову, но оставаясь поэтом Олесей Николаевой. Чуть попроще, поглубже и солёнее и была бы народная песня под гитару для подворотен, походов, застолий и театральной сцены. Хорошо, что эти стихи-песня не от ведьмы на метле, а от красивого Божьего человека, не погружающегося в стихию зла и растворяющегося в ней сознанием как Врубель, а «объективно» изображающего зло как автор Апокалипсиса.

Вот это талант! Всё может Олеся! Только писать плохие стихи не может! Не умеет.

Возникает мысль, *«атеиста-дедушку из могилы выкопали»* — это про «дедушку Ленина», хотя буквально, физически его не закапывали. Он как Вий, опять его зовут, «выкапывают».

Говорят, он по ночам оживает и бродит по Москве — ищет собянинских велосипедистов и проверяет плитку.

Пляска гномов

Духовное чадо о. Иоанна, профессор, доктор математических наук Никита Вячеславович Зволинский (+1995) по благословению о. Иоанна тайно принял монашество. Никита Вячеславович был хорошим пианистом. После пострижения он спросил о. Иоанна: надо ли оставлять музыку? О. Иоанн ответил, что рвать ничего не надо. Всё должно произойти естественно и органично.

Никита Вячеславович говорил, что принимать монашество можно только тогда, когда ты не можешь без этого жить.

По поводу того, что Запад хочет нас поглотить, отвечал: «Если нечего поглощать, то поглотит. А если есть, что поглощать, то не поглотит. Должны быть православные подвижники».

Среди знакомых Никиты Вячеславовича были люди, борющиеся с мировым заговором масонов, пос-

тоянно видящие во всём их происки. О них Никита Вячеславович говорил:

— Масоны внутри них самих. Поэтому они и видят всюду масонов. Если масоном удастся внушить всем, что все потрясения, революцию совершили они, это будет их большая победа. Борьба с масонами отвлекает от борьбы с собой.

«Если при социализме у всех одна цель — построение коммунизма, и при этой одной цели человек — это „винтик или гаечка“, то в Церкви у всех одинаковая цель — достижение святости».

Записки церковного сторожа

Путешествие

...И дверь, наконец, удалось отворить:
казалось, что мир продолжали творить,
и пар поднимался от поля согретого,
и снадобья кто-то пытался варить,
и, кажется, знали мы травника этого.

Он листья подкладывал нам подорожные,
повсюду сопутствовал тихой рекой,
цеплялся к одежде цветком фиолетовым,
имеющим дар исцеления такой:
отваром своим раздражения кожные
он снимет, аллергик, с тебя как рукой.

Идём же в поля, неврастеник расхристанный,
свой собственный узник, — гляди, как пчела
корпит над цветами, и лист перелистывай,
суши корневище и в стебель посвистывай,
чтоб в чудном обличье душа ожила.

Я юность усмешкой своей иронической
исполосовала и, щурясь на ос,
ручаюсь, ты вылечишь здесь свой хронический,
рождённый туманом авитаминоз.

Так что ж, мой возлюбленный, сам себе пасынок,
то съёмщик квартирный, то дачный жилец,
с улыбкой шагая вдоль неба до пасеки,
скажи — полюбил ты меня, наконец?

Так значит лгала нам слепая пророчица,
твердившая: нет, здесь не видно ни зги,
за вами хвост ваших привычек волочится
и змеи страстей заплетают шаги.

А жизнь оказалась, как нищая странница,
легка на подъём и, покинув жильё,
внушает душе, что и та — бесприданница
и, кроме любви, нету средств у неё!

1984

*«Так что ж, мой возлюбленный, сам себе пасынок,
то съёмщик квартирный, то дачный жилец,
с улыбкой шагая вдоль неба до пасеки,
скажи — полюбил ты меня, наконец?»*

Миллионы «возлюбленных съёмщиков квартирных, дачных жильцов» вздрогнут прочитав эти строчки, это же про них!

Как просто, как гениально, как реально, всё на поверхности и никто этого «не видел».

Просто как «Мороз и солнце» Пушкина.

О френд мой вдохновенный Мистик! / Он – и художник, и схоластик: / в одной руке он держит хлыстик, / в другой руке сжимает ластик. / Но нынче, властный, как наместник, / надев постиранный

подрясник, / пришёл сюда, как добрый вестник, / устроил фейерверк и праздник.

Иногда фирмы недвижимости присылали своих представителей поставить свечу перед образом Спиридона Тримифунтского, поскольку он помогает в квартирных делах и недвижимости.

Сёстры Марина с Таней не могут мирно решить вопрос обмена квартиры, где прошло их детство. Марина приезжает молиться Спиридону Тримифунтскому, чтобы обмен состоялся. Татьяна приезжает молиться Спиридону Тримифунтскому, чтобы обмен не состоялся. Обмен дважды срывался. Тогда Марина приехала молиться свт. Спиридону с детьми, матерью и мужем. Навалились всем миром. Соборная молитва превозмогла молитву Татьяны. Обмен состоялся.

Записки церковного сторожа

Воздаяние

Когда услышишь о цунами ты,
землетрясениях и войнах:
все бухты дохлой рыбой заняты,
низины в тучах беспокойных, —
когда услышишь ты об ужасах,
о саранче тысячеустой,
и тьма, звезду рожая, тужится,
дрожит и корчится, но — пусто!..
Так вот — когда увидишь пламени
столпы и смерч как бы из зева, —
пойми, прочти это как знаменье,
скажи: «То День Господня гнева!»

...Но есть такие, где бы ни были
герои эти, — красотою
картины воздаянья, гибели
влекут их за Еленой в Трою.
От моря ж Мёртвого хотят они
таких свидетельств долгожданно,
чтоб небо грянуло с крылатыми
легионерами: «Осанна!»

2009

«...*Все бухты дохлой рыбой заняты*», — самая образная строчка стихотворения: но она реалистически образная, пахнет дохлой рыбой и не завязывается с последней строкой о крылатых легионерах грянувших «Осанну», разные плоскости бытия, разные реальности, разный язык выражения.

Даже текст Евангелия от Иоанна о разложенном огне и на нём лежащей рыбе и хлебе, которые Христос даёт Своим ученикам, несовместим по своему бытию, по своей реальности с картинами Апокалипсиса, хотя автор у них один, Иоанн Богослов.

Разное измерение происходящего на земле и в ангельских мирах, в ангельских битвах. Это же не «Война и мир» Толстого, где «бухты, занятые дохлой рыбой» были бы очень уместны в картинах войны. А в стихах запах дохлой рыбы своей образностью перевесил легионы ангелов, которые не обозначены ни единым перышком, бесплотные духи. И получается, что дохлая рыба есть, и она воняет, а ангелов нет, они абстракция. Стихотворение о дохлой рыбе. Такой сильный поэтический образ.

Лермонтов

Небожитель Лермонтов, как поудобнее сесть, не думал
за стихи, роман ли, — да хоть в седле иль кибитке.
На ходу писал и «Парус», и «Ангела»... Только дунул
ветерок нездешний, — с одной попытки.

Не копил ни листков, ни рукописей, в смятенье,
где попало, бывало, раскидывал, раздавал задаром...
Словно знал: не своё разбазаривает именье,
но вдохнул и — выдохнул хладом, жаром...

Для него и узы — метафорою свободы
Оборачивались, и притчей сияли бездны,
и подстрочником делался к переводам
на язык Орфея лепет земли болезный.

... Так и жить бы: у каждой земной напасти
вырвать жало и угли разжечь в кадиле,
чтобы знаки рока, призванья, любви и власти,
как сухие кости, покрывшись плотью, ожили.

На весу ли, на корточках, на коленке
строить всё, что рифмуется, — капители,
контрфорсы, пилястры, столбы, простенки,
тавтологии, антиномии, параллели...

На себе таскать свой космос и музыкантов,
а усталое тело, лишь ночь выпадает злая,
в световых волнах и кварках цветных, и квантах
упокоить в родной стихии, с коня слезая.

2016

«...Притчей сияли бездны», — какой неожиданный и глубокий образ, по силе не уступающий тютчевскому!

«...И подстрочником делался к переводам на язык Орфея лепет земли болезный», — здесь целая философская система, мир идеальный и мир перстный, земной, «подстрочник» тоже неожиданно и сильно, свежо.

«На себе таскать свой космос и музыкантов», — каждый человек в себе микрокосм, но редко когда этот космос раскрывается, а Поэт — это мегамегакосмос, звучащий музыкой космос.

«В световых волнах и кварках цветных, и квантах упокоить в родной стихии...» — это уже опыт переживания автором божественных сверхмирных энергий слова и смыслов, музыки образа. Автор как Демиург.

Рустаму Хамдамову

Кто бурно жил и к смерти сватался,
и на миру с тенями бился,
пусть скажет: «Счастлив тот, кто спрятался!
Блажен, кто вовремя сокрылся!»

Забылся — под еловой лапою,
в пространствах затаился вышних,
а здесь, меж нами, тихой сапою
крадётся, не смущая ближних.

Змейй шуршит, взлетает коршуном
и — нет его под облаками!
А вздохом давится непрошенным,
так прикрывает рот руками...

Им ничего не потревожено,
не переломлено, не смято, —

всё так, как было и положено,
как и задумано когда-то...

Мир, как дитя благословенное,
цветные смотрит сновиденья...
Всё хрупкое и сокровенное
коробит от прикосновенья.

И потому — блажен, кто с мухами,
как с музами, — огней туманных
не загасивший, вод с возду́хами
не замутивший первозданных!

Не наследивший! И — по-аглички —
ушедший в логосы и зёрна
и тихий голос, голос ангельский
не перекрикивавший вздорно!

2016

*«И потому — блажен, кто с мухами,
как с музами, — огней туманных
не загасивший, вод с возду́хами
не замутивший первозданных!»*

Немного затейливая фраза, очевидно надо понимать так, что думали, что это музы жужжат, а оказалось мухи.

Но какую же надо иметь натренированную руку Мастера, чтобы сравнить муз с мухами! Скорее всего во всей мировой литературе ничего подобного нет. Очень нестандартное мышление, лишённое трафаретности.

Это только моё восприятие. Возможно, что по слабости ума не сумел понять смысл строчек.

*Напротив, мухи жужжат, но столь искусно, что понимаешь:
это — музы! Они — легкокрылые, будоражащие неподвижный*

воздух... И в то же время — Художник с ними — с музами — на коротке, как с мухами.

Наткнулся на штришок в «Письмах из Крюкова»:

Сын Галины Матвеевны Андрей в детстве занимался в музыкальной школе игрой на виолончели. Как-то он захотел показать своё искусство «украинской бабушке» по отцу. Сыграл школьные пьесы. Деревенская бабушка похвалила:

— Ну как жук, попавший в навоз, гудит и гудит, а выбраться не может.

Андрей недолго проучился в музыкальной школе. Бро-сил.

Но в молодости освоил гитару и стал хорошим исполни-телем бардовских песен.

Урия

Когда любовным треугольником ты сдавлен и закрыты шлюзы, а ты в ночной тоске невольником блуждаешь вдоль гипотенузы; и с этой внутреннею бурей сражаешься ты, как галерник, особенно когда ты — Урия и царь Давид — тебе соперник;

и от бессилия, беславия ты, словно вспорот, перекроен: всё спуталось — война, Вирсавия, и муж обманутый, и воин... И в этих образах двоящихся ты — резь в глазу и жало в горле, чтоб тысячи к стене мочащихся тебя из Книги Жизни — стёрли!

Как ни крути, как ни развязывай, — всё выйдет зло, и боль, и битва, И драма, и беда, и с язвами луна, бессонница, молитва... И царь тебя своей десницею пошлёт за гибелью внезапной, но взыщет Бог с него сторицею: «Где воин Урия? Где раб мой?»

...Вот отчего кимвала славного раскаты в поле сиротливом, и от лица героя главного метель поёт псалмы с надрывом.

И поднимается от пения всё на воздушях с солнцем красным.
И — жаль всего: любви, смятения, всего, всего — с лицом прекрасным!

Считается, в «Троице» Рублева собраны все направления в искусстве, какие были, есть и будут. Это формула сути всего существующего, а не изображение поверхности предмета, «материя как таковая» — по Репину.

Автор Олеся не изображает чалму и халаты библейских персонажей, а даёт «вечную формулу, суть отношений между вечными по своей функции» персонажами. Поэтому у автора «функциональны» и шлюзы, и гипотенуза, хотя, казалось бы, что это не соответствует языку древнего Востока. Но автор «не передвижник» в худшем смысле этого слова, но также как в «Троице» Рублева открывают себя и кубизм, и супрематизм, абстракционизм, и классицизм, и прч., так и автор в стихи на библейские темы помещает современные его времени эпитеты и сравнения, а получается вне времени, в вечности, где нет времени, что и отвечает духу Библии.

А там автор всё-таки даёт натурализм-реализм передвижников, всё-таки немного смещаются понятия:

*«... Вот отчего кимвала славного раскаты в поле сиротливом,
и от лица героя главного метель поёт псалмы с надрывом».*

Какая может быть пушкинская метель в раскалённой пустыне? Но общий уровень стиха, как всегда, на высоте.

Хотя Олеся Демиург способна на запредельные откровения и прозрения. Остаётся только трепетать перед пророком, поэтом.

Сергий! В эту неделю мы читаем Великий Канон преп. Андрея Критского, где все библейские события и персонажи соотношены с нашей конкретной душой! Вот оттуда — и моя метель! Конечно, она не в палестинских песках, но и я-то ведь не там, а здесь! Какой же тут натурализм?

«Кимвала... раскаты» сообщают аромат Востока и как-то не стыкуются с полем сиротливым, осенним ли, пустым.

Тем более «поле, зимнее поле» идёт сразу за вопросом Бога к конкретному царю о конкретном человеке, и перенестись сразу после этой конкретики без мостика, что это речь о Вашей (прекрасной, совсем не сиротливой и пустой) душе трудно.

Вы ссылаетесь на канон Андрея Критского, но там тоже о метели ничего не сказано.

Если бы несколько строчек Вашего пояснения были бы вставлены в стихи хотя бы намёком о Ваших внутренних смятениях, они бы подвели к «метели», а так «метель» зависает в воздухе. Тюрбан царя Давида сам по себе, «метель в сиротливом поле сама по себе», а они помещены почти в одной строке.

Напоминает, конечно, Булгакова композицию «Мастера и Маргариты», или даже чеховского «Студента».

Моему немощному уму не хватает мостика от тюрбана к снегу. Но это только моё субъективное ощущение.

Действительно, в Великом Каноне ничего о метели не говорится... И царь Давид у меня не в тюрбане...

Всё-таки Вы даёте смятение персонажей, всем жаль Урию. Библейское повествование не о Вашей душе, а конкретных исторических личностях.

И хотя Вы «блуждаете по гипотенузе» неясно с каким героем Вы отождествляете себя, свои переживания.

Конечно и Каин и Авель на века, они «реализуются» и у Достоевского, в романах которого есть «метель», но Вы слишком живописны в стихах.

Возникает даже некорректный вопрос: можно ли объединить в одном стихотворении библейские иерихонские трубы и рожок пастушка в поле сиротливом? Я чувствую, что не туда куда-то завернул, «забалтываюсь». Кстати, со страхом

приступил к Вашему «Меценату» — смущал объём. Но увлёкся.

А где у меня тут «рожок пастушка»? У меня «И от лица героя главного метель поёт псалмы с надрывом!» К тому же нет ничего бесполезнее, чем пересказывать в стихах библейские сюжеты, но их можно (и должно для христианина) проецировать на свою жизнь, на свой экзистенциальный опыт (или наоборот — свою жизнь проецировать на Священное Писание). Без личного интереса и личного мотива получится лишь иллюстрация, а то и вовсе карикатура.

Моему немощному уму не хватает подсказки. Может быть, я Вас сбиваю с толку, хотя это невозможно.

Но в своих пояснениях Вы говорите о Каноне, о Великом посте, о храме — всё понятно, а в стихах этого нет, только метель в поле. А иерихонские трубы и рожок пастушка — это фигурально. Мы с Вами начинаем разговаривать, как покупатель и продавец.

После чтения канона Андрея Критского на выходе из храма мать строго предупреждает дочь, попытавшуюся снять платок с головы: «Не снимай платок, дурья голова. Вся благодать исчезнет!»

Записки церковного сторожа

Саул и Давид

Царь Саул и поныне ищет души Давида.
Но Давид вовек не убьёт Саула.
Ибо — только вместе с Саулом умрёт обида.
Ибо — только вместе с Давидом поёт опала.

И тоска ликует. И смерть глядит, как невеста.
Но когда псалмопевец смолкает и петь не может,
царь Саул себе не находит места:
чуждый дух терзает Саула, гнетёт и гложет.

Но Давид, повторяю, вовеки — пророк, изгнанник —
не убьёт Саула на царской его кровати,
ибо тот — Помазанник и Избранник,
хоть и богооставлен, а всё не лишён печати.

Как он гонит Давида! Сживает его со света,
наступает на тень его, бьётся с эхо, томится...
И душа моя тоже — и так, и этак, и то и это:
пророчица и гонительница, страдальца и царица...

Оттого-то мой конь имеет двойную сбрую,
и двойную жизнь мою знает — этакую, такую:
как горюю и праздную, праздную и горюю,
как ликую и бедствую, бедствую и ликую.

И когда я умру, уже не имущая вида,
и когда надо мною скажут: она уснула,
царь Саул, наконец, догонит царя Давида.
И Давид поразит Саула.

«И смерть глядит, как невеста», — Поэт — всегда поэт. Эта «невеста» попросит ещё о ней написать стихи, когда придет в гости к Олесе Александровне. Попьют чаю и мирно разойдутся. «Невеста» — унося стихи, а поэтесса — к уборке дома и приготовлению обеда, и написанию новых стихов, вспоминая царя Давида.

«...Наступает на тень его» — прямо-таки детский гнев, динамично и образно.

В каждом «борются Бог и дьявол, а место борьбы — сердце человеческое».

У поэта Олеси — ещё и Саул и Давид-псалмопевец.

Давид — это её сущность поэта, а кто же в ней Саул, трудно представить и лучше не знать.

Придёт «невеста в белом» и их рассудит.

Иосиф

Когда б Иосиф, злыми братьями
израненный, в пустынном месте,
сжимая кулаки с проклятьями,
роптал и вопиял о мести;
когда б Иосиф, в рабство проданный,
во тьме, к исходу первых суток,
Нил проклинал со всеми водами,
пустынями мутил рассудок;
когда б Иосиф, опороченный
клеветами, уже в темнице,
на крюк в стене, на камень сточенный,
на яд змеиный смог польститься, —

Что было бы тогда? — инаково
судьба пошла бы, и юродом
смела б голодного Иакова
и Ханаан с его народом?

И подвиг Авраама-странника
пошёл бы прахом?.. Иль другого
Бог создал бы себе избранника
в часы смятенья рокового?..
Иль все эти всхлипы с вскриками —
души неверной вестовые:
сиди во рву, мирись с языками
да сны разгадывай кривые!

«...*Польститесь*» — гениальное определение, и так как за этим стоит весь человек, это об Иосифе. И какой резонанс это находит в народе, у большого количества людей, желающих так «легко» решить жизненные проблемы. Речь не о чёрном отчаянии Марины Цветаевой, а «молодых Вертерах», сигающих в окна с седьмого этажа, может быть, даже и из-за автора стихов.

Это только почти шутовское предположение, поскольку автор очень живописно описала эти события в Литературном институте времён её учёбы в нём.

Автор такая красавица, что этих «Вертеров» можно понять.

Да ладно Вам, Сергей! Те, которые во время оно в Литературном институте сигали из окон, прыгали не из-за меня!

Это странно! Это говорит о неразвитости вкуса и отсутствии чувства красоты. Хорошо, что я не учился «в оно» время в Литературном институте. (А то бы тоже прыгал из окна).

Исход

— Лучше свиное мясо в котлах изгнания,
саек египетских мякиш, сироп неволи,
чем ненадёжный дар Твоего призвания,
жареный воздух пустыни, кристаллы соли!
Лучше пахучая снедь от рук фараона,
сытость, склоняющая ко сну, беспамятства морок...
Это израильтян Моисей ведёт из полона
и десять, и двадцать лет,
и тридцать восемь, и сорок.

— Лучше на площадях выставлять фигуры
египетских полубогов, мрамора не жалея,
каменными цветами украшать фронтоны, бордюры,
укладывать вождей в мавзолеи,
чем — неизвестности воздух,
стущающийся, как твóрог:
страх наступает на пятки, прокрадывается измена...
Это израильтян Моисей ведёт из полона
и десять, и двадцать лет,
и тридцать восемь, и сорок.

— Пусть притеснители наши потоплены — перебиты,
пусть накормить обещает нас не земля, а небо,
но лучше уж строить дамбы и пирамиды,
рыть канавы, каналы — за ломоть верного хлеба!
Лучше под крепкой мышцей жизнь раба на чужбине,
ибо не страшен тогда свой внутренний ворог...
Это израильтян Моисей ведёт из полона
и десять, и двадцать лет,
и тридцать восемь, и сорок.

Трижды повторенные строки — *«то израильтян Моисей ведёт из полона и десять, и двадцать лет, и тридцать восемь, и сорок»* — сообщают ритм движения и стихам и израильтянам, что *«Моисей ведёт из полона»*.

Нет «шила» кульминации в стихах. Одинаковые каскады.

«Лучше на площадях выставлять фигуры египетских полубогов, мрамора не жалея, каменными цветами украшать фронтоны, бордюры, укладывать вождей в мавзолеи» — каменная жизнь Египта во всей полноте. (Всё же, очевидно, речь о некоем божестве, о котором я по своей непросвещённости не знаю. Надо смотреть в энциклопедии).

Всё-таки происходит пересказ библейского повествования, сам текст довлеет. Из под этого пресса очень трудно выйти.

Но есть строчка «от Олеси»: *«жарёный воздух пустыни, кристаллы соли!»*

Жар, томление и нить переданы. Но нет разрядки, выхода, и стихи приобретают фрагментарный характер, это только часть большего. А поскольку всю дорогу одно нитьё, то является тень Антона Павловича Чехова, мало любезная автору стихов. Поневоле ожидаешь продолжения в любую сторону.

Всё-таки, хоть через сорок лет, но израильтяне дошли до Земли Обетованной, а в стихах они не дошли.

А что — надо было написать в эпилоге: «через сорок лет они-таки дошли»? Это моя свекровь — замечательная писательница — отдала в былые времена свой рассказ в «Работницу», где главным редактором тогда была жена Лазаря Кагановича. И вот на редколлегии эта жена Кагановича и говорит: «А о чём этот рассказ Инны Варламовой? Я не поняла». Ей отвечает завотделом литературы: «Это рассказ о любви, он любит её, но в этом не решается признаться, поскольку у неё есть муж...» «А, — сказала жена Кагановича, — ну тогда так прямо и пропишите это в последнем параграфе!»

В стихах Вы наибольшее внимание уделяете стенаниям, стонам и ропоту евреев, и Вас можно понять, Моисей вообще разбил скрижали Завета от негодования. Но это так же, как писать только о муках рожаящей женщины и не написать, ради чего эти муки переносятся. Вопрос не о том, чтобы в эпилоге сообщить, что «дошли», а передать в каждом шаге, испытании, что дойдут в итоге, и как это происходит. Они внутри Вас не дошли, потому и в стихах не дошли.

Конечно, у меня они ещё не дошли! Идут пока что! Они всё ещё ропщут и просят жареного, жирного и сладостного! Дойдут ли? А у Вас они, очевидно, уже дошли до Земли Обетованной, где течёт мёд и млеко.

Ну тогда надо было бы в начале определить цель: ради чего пошли-то? Иначе надо сначала читать Библию, ради чего пошли, потом Ваши стихи — как шли, потом опять Библию — как пришли.

Вот я и говорю: надо было, как советовала жена Лазаря Кагановича, всё объяснить в последнем параграфе.

Ведь евреев, кстати, тогда ещё не израильтян, Бог вывел из египетского рабства. Даже не Моисей, он только исполнитель, это не было движение «армии» из пункта А в пункт Б. Божий замысел и реакция народа не показаны в целом. Показана только реакция народа строптивого, какого угодно, но Божьего народа.

Когда Вы будете в раю, / Непримирымый критик Мистик, / На грудь опальную мою / Эдемский уроните листик!

Будете посещать грешников в Аду, оставьте ангельское пёрышко на утешение.

Магдалина

Ну-ну,
а ты попробуй нынче: в покаянье
приди к архиерею, на колени
пади, слезами вымой ему ноги,
так волосами даже не успеешь
их вытереть — тебя под белы руки
оттуда выведут, и хорошо, когда бы
всё это обошлось без шума, вздора,
пинка, а так — иди, мол, не тревожь владыку!

А у того — переполох, смятенье:
«Кто смел впустить безумку?» Валерьянка,
вода крещенская для окропленья дома
от силы вражьей, со Святой Земли
ливанский ладан, восковые свечи,
да с Патмоса — из кипариса чётки...

И вот я думаю — какой экстравагантной,
ломающей подёнщину и пошлость
Благая Весть нам кажется сегодня!
И это омовенье ног блудницей,
проклятие смоковницы бесплодной,
застолье с грешниками и преображенье
воды в вино на браке и бичом
изгнание меновщиков из храма:
столы их опрокинутые, звонко
катящиеся по полу монеты...
И ученик-предатель, целованьем
Учителя и Бога предающий...

Ещё бы! Если мы — пасём свиней,
гусей не дразним, смотрим напряжённо,
косимся недоверчиво, теней

своих шарахаемся, в месяц Скорпиона
хандрим, а в месяц Рыб, когда луна,
протяжно воем, — разве же не диво,
что свиньи вскинутся вдруг разом, как одна,
рванутся к пропасти и ринутся с обрыва?!

«...Бичом изгнание меновщиков из храма: столы их опрокинутые, звонко катящиеся по полу монеты...» — блеск и уровень мирового кино!

Но всё-таки Владыку можно пожалеть, я пишу это как церковный сторож, да ещё при храме, где была кафедра очень знаменитого митрополита.

Можно вспомнить и иоанниток, которые до крови кусали свт. Иоанна Кронштадтского, желая таким образом причаститься крови Христа, видя Его пришедшим на землю в виде Иоанна Кронштадтского, принявшего его зрак.

«Валерьянка, вода крещенская для окропленья дома от силы вражьей, со Святой Земли ливанский ладан, восковые свечи, да с Патмоса — из кипариса чётки...» — очень «уютно» описаны покои Владыки, (истинно так, а зала для подарков со всего света просто сокровища из пещеры Али-Бабы арабских сказок). И такому покою трудно противостоять.

Ощущение, что стихи написаны в годы юношеского максимализма автора, когда знаешь, как научить человечество, как правильно жить.

Я так сужу об авторе по самому себе. Олеся Александровна Николаева Демиург вправе теперь учить человечество, но всё равно ощущение, что это стихи её молодости, когда она только начинала свой путь.

Но гений виден и в молодости.

Пожилая женщина переживает, что её сорокалетний сын не хочет креститься. Спрашивает сторожа:

— А если его неожиданно облить из ведра водой и сказать: «Крещается раб Божий Александр», — такое «крещение» будет действительным?

— Не-е... Не будет, — ответил сторож.

Записки церковного сторожа

Первое стихотворение

Опубликовано, когда мне было шестнадцать лет.

Это считается началом «писательского стажа».

Под облаками мою окна,
и тряпки мокрые в руках,
чтоб засверкало всё, что блёкло,
я мою окна в облаках.

Как чудно — смыть, отмыть, умыться —
долой все пятна и следы! —
и стать лишь света ученицей
и стать помощницей воды!

Какое крошечное дело,
а кажется — уже вот-вот
всё, что пылилось и тускнело,
на солнце весело блеснёт.

Как ветер схож по звуку с альтом!
И музыка — уже близка, —
как ливень, грянет над асфальтом,
и — отразит он облака!

Стихи не просто радостной школьницы.

«Душа по природе христианка» — Тертуллиан. Человек может не знать о бытии Божьем, а его душа знает и о бытии

Божьем и о вечной жизни за гробом. Почему человека не так уж пугают смерти других людей?

«...И стать лишь света ученицей» – строчка об интуитивном знании о своём призвании.

«Как ветер схож по звуку с альтом! / И музыка – уже близка, – / как ливень, грянет над асфальтом, / и – отразит он облака!»

Художественно красиво, но с переключкой со строкой *«и стать лишь света ученицей»* мокрый асфальт, тёмный сам по себе, но способный отразить небо, свет облаков, может быть понят, как и тёмная природа человека, испорченная грехом, в которой может отразиться слава Божья.

Сомнительно, чтобы автор в шестнадцать лет, пребывая в атеистическом окружении, сознательно выдвинула такую концепцию в стихах, но душа подсказала, поделилась своим знанием и радостью по Богу. Очень радостные стихи, и мытьё окон под облаками не воспринимается как какой-то сюр, хотя можно было бы сказать, что небо внутри человека и мытьё небесных окон – очищение души. Настроения молодости, света, живительного ливня, свежести оставляют очень благодатное действие на душу читателя. Читатель тоже захочет подняться в небо и промыть окна как и автор Олеся.

Лестницы

О, какие страсти мелкие, как с такой тщетою жить,
как бы лестницу верёвочную для побега мне добыть?
Чтобы не к местам болотистым, а к вершинам править путь,
эту лестницу верёвочную аж до облака тянуть.

Сколько надобно терпения в каждом пальце и в горсти,
чтобы лестницу верёвочную завязать и заплести!
Всё, что знала злого, доброго, чем богата на веку,
отдаю за стебли гибкие, за канаты и пеньку.

Чтобы лестницу верёвочную прямо к туче прицепить.
Чтоб на воздух ускользящий осторожно наступить.
И раскачиваться по ветру меж сосною и луной
с этой лёгкой-лёгкой лестницей невидимкой потайной.

А под утро, глядь: качаются между твердью и травой
на таких же дивных лестницах, наполняясь синевой,
други, недруги и сродники, незнакомцы — там и тут
все по лестницам раскачанным лезут, тянутся, ползут.

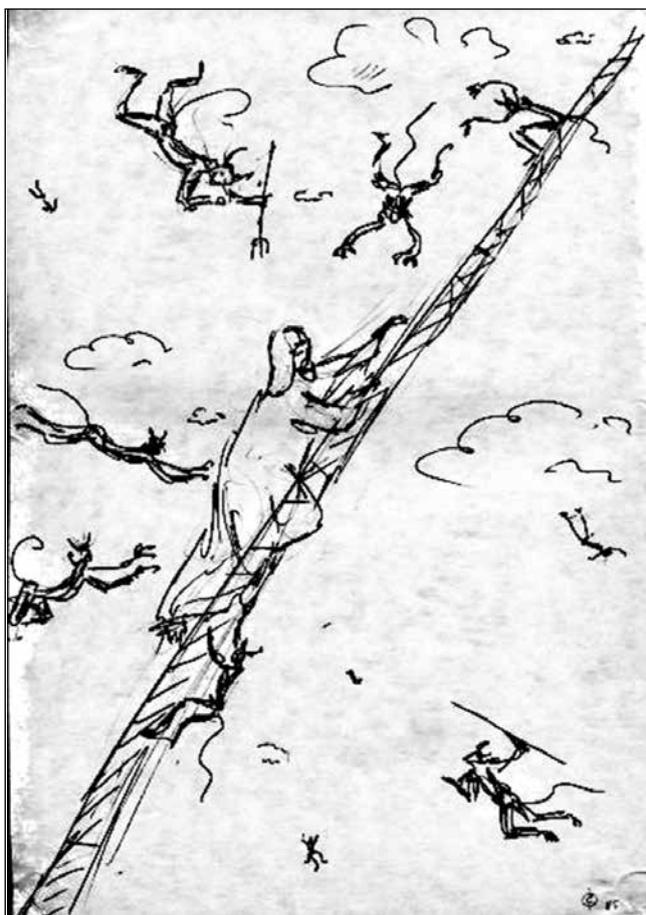
Замирают в страхе, падают и опять стремятся вон
из котла, где нечисть варится, где кошмарный снится сон.
Не сбежать оттуда посуху и не скрыться под водой —
лишь по воздуху, по облаку, лишь по туче кучевой.

А навстречу — кто там движется — сверху вниз, наоборот,
по незримым тонким лестницам кто же спустится вот-вот?
С розою ветров, с мерцанием, тайно, тихо, не спеша...
И уже Его дыханием возвышается душа.

«Чтобы лестницу верёвочную прямо к туче прицепить» — жемчужная строка этих стихов. Остальное — хорошо, но и хорошо знакомо по предыдущим стихам.

*«А под утро, глядь: качаются между твердью и травой
на таких же дивных лестницах, наполняясь синевой,
други, недруги и сродники, незнакомцы — там и тут
все по лестницам раскачанным лезут, тянутся, ползут».*

Хотя, конечно, и этот абзац неожидан по образности и красив, правда, люди воспринимаются красивыми прозрачными насекомыми — *«наполняясь синевой...» «по лестницам раскачанным лезут, тянутся, ползут»*. Видение ботаника! (Что-то я раздражённый, похоже, пост, искушения. Елея и елейности не остаётся, как у юродивых дев). Слово «трава» даёт ассоциацию с насекомыми «лезут, тянутся, ползут»,

поднимаясь из травы. Словно это иллюстрация из детской книжки.

Отец Всеволод говорил, что люди, не покаявшись, с грязными сапогами лезут на небо, и их оттуда приходится сталкивать.

Записки церковного сторожа

Последний человек

«Что приключилось с ним?» «Чума! —
всплакнула мать, скорбя. —
Он утром встал, сошёл с ума и вышел из себя».
И он пошёл на красный луч, пошёл на синий глаз
и понял разговоры туч и дерева рассказ.

Язык земли и речь осин, и куст цеплял его
словами: «В мире ты один! Нет больше никого!»
И мир ему сквозь скрип телег, сквозь плеск дождей и рек,
кричал: «Ты — первый человек! Последний человек!»

И всё пространство темноты, и луч, в глазах рябя,
ему твердили: «Только ты, никто, кроме тебя!»
А эти люди и дома, вороны, муравьи, —
лишь порождение ума, лишь помыслы твои!

И солнце, и покров дождя — рисует страсть твою:
она — то в образе вождя, то в образе червя.
И даже мать из слёз и слов, хлебов, закатов, роз —
лишь персонаж волшебных снов, обрывок детских грёз.

Сработаны на твой заказ вся эта плоть и жель.
И если ты умрёшь — тотчас погибнет что ни есть:
И люд, и град, и свет, и рай — дары твоей любви:
Поэтому — не умирай, поэтому — живи!»

Он слышит выть, он видит сныть, туманы поутру,
И говорит он: «Так и быть! Тогда я не умру!»
Сжимая пальцы, на ветру, с лица стирая пот,
вновь говорит: «Я не умру! Я буду, буду, вот!»

Он слышит эхо: «Не умру!», он рвётся из сетей,
он гонит в чёрную дыру зарвавшихся чертей.

Он, Смерть за косу ухватив, кричит, огнём горя:
«Балда! Ты есть, пока я жив, и мне благодаря!»

Поэма солипсизма. Можно в книгах по философии вместо статей о солипсизме публиковать эти стихи. Но последние две строчки «*Он, Смерть за косу ухватив, кричит, огнём горя: „Балда! Ты есть, пока я жив, и мне благодаря“*» — это сверхъестественное откровение, и многомерное откровение, явленное матери Олесе. Хотя в какой-то плоскости не совпадает с Откровением Иоанна Богослова, где смерть убегает от людей, жаждущих её. Или, наоборот, дополняет его — «и смерть хочет жить» (это уже я).

Но, без шуток, получился какой-то запредельный смысл строчек о смерти. Уровень рассуждений блаженного Августина о времени.

Портрет

Всё висел портрет мой на гвозде и вдруг в Страстную Среду
рухнул, чтоб я вздрогнула — как ненадёжно свита
та тесёмка, как расшатан тот гвоздок! — свою победу
празднует воздушных духов свита.

Тот портрет Вильгельмом Левиком был написан к окончанию
школы, то есть — школьницей
настороженно гляжу я, подневолью,
чуть надменно, но и с робостью,
с тайной страстью к умолчанью,
с поэтической тоскою — мол, душе земное ваше — больно.

Мол, нельзя без неба ей, без чуда ей — никак и не смиритя,
если лестницы не спустятся с небес,
не взмоют ввысь позёмки.

И горит огонь огромный, в буйных волосах змеится,
а вокруг всё — сумерки, потёмки.

И без прикровенных знаков —
тошно всё, бессмысленно: пасутся
скопом все, толпой, неразлично...
Станешь связывать тесёмки, а они и не сойдутся,
станешь забивать гвоздок и — мимо, мимо!

И теперь, в Страстную Среду, я не то, чтоб от портрета
жду ответа, но я чувствую, как властно
всё своё же — душу ловит, держит, ломит, ранит, — это
Левик передал как раз прекрасно!

2008

Если бы художник прочитал сначала Ваши стихи, он бы написал более удачный портрет. Во-первых, Вам тесно в этом замкнутом пространстве. Охристый фон воспринимается как обои комнаты, даже не как камерное пространство, а часть глухой стены. Вы слышите Бога; какая может быть безлика стена горчичного цвета? Спинка стула ограничивает Ваше пространство и со стороны зрителя. Вы зажаты между стеной и стулом, который стал для Вас и оградой и преградой. А то, что он под цвет Вашей кофты, говорит о том, что он выражает всё содержание Вашей жизни, функции. Вы так и просидите на этом стуле, отгороженные от мира в замкнутом пространстве.

Масштаб личности создаёт большая перспектива, большое пространство за большим объёмом главного героя, они уравновешивают друг друга, объём и пространство. Это формула старых мастеров. Вы, получилось, пленница горчичной комнаты. Художник не выразил масштаб Вашей личности, дарования. Лицо на портрете рыхловатое, в жизни тогда Вы были ослепительно красивы, этого нет. Колорит

немножко грязноват. Усталость в лице. С лицом очень спрят красные брюки, по самому краю картины. Диссонанс, два центра. Что главнее: лицо или красные брюки? Это красное ничем не поддержано: ни шарфиком, ни воротничком кофточки. Красное горение в ногах, в пику лицу — прямо-таки проблемы Кармен. Очень изящна рука. Если бы таким изящным было бы лицо! Девушка сидит на стуле очень напряжённо, это напряжение передаётся и зрителю.

Страдалица на портрете, от нереализованной жизни, всю жизнь просидевшая на стуле. Стул и человек неразделимы. Это не Вы.

«Всё висел портрет мой на гвозде и вдруг в Страстную Среду рухнул, чтоб я вздрогнула — как ненадежно свита та тесёмка, как расшатан тот гвоздок! — свою победу празднует воздушных духов свита».

«Человек — как трава, дни его, как цветок полевой, так отцветает он, потому что ветер прошёл по нему — и нет его, и место его больше не узнает его».

Олеся почти на равных говорит с Псалмопевцем.
И теперь, в Страстную Среду, я не то, чтоб от портрета жду ответа, но я чувствую, как властно всё своё же — душу ловит, держит, ломит, ранит, — это Левик передал как раз прекрасно!

Перов и из Джоконды бы сделал утомлённую заботами женщину, сказал бы о доле этого человека сермяжную правду, какие-нибудь «Похороны покойника». Но только не сказал бы высшей правды, что сказал Леонардо.

А Андерсен и из самых бытовых вещей делал чудесные сказки.

«Если око твоё будет темно, то и все тело твоё будет темно» — и все картины твои будут темны, как у Перова.

Прекрасные стихи Олеси, и не очень удачен портрет.

Уважаемый Сергей! Только что написала пространный ответ, но он каким-то образом стёрся! Воспроизводить его нет сил. Главное:

цвета на фотографии очень искажают краски на портрете. Волосы – перерыжены, кофта – синяя, стул – коричневый, брюки – вообще жёлтые, а не красные, фон – горчичный.

Боль

Очень старое стихотворение

Боль наступает, как по ветру дым:
Батый на Русь и варвары на Рим —
сквозь укрепления, через все преграды.
И тот, кто тело холил и берёг,
теперь к стене припал, на землю лёг
и знает, что не вынесет осады.

Что может боль творить! Не только плоть
сдаётся в плен, но и душа, в щепоть
себя зажав, — шершавая, как крошка,
прекрасно знает — за её дела
страдает тело, и белым-бела
бессонная позёмка у окошка.

И только дух в страданиях земных
растёт и крепнет и не хочет их
менять на век бесчувственный и даже,
когда он крепость строит между скал,
чтоб никакой соблазн не проникал,
он боль берёт и ставит здесь на страже.

1975

«Боль наступает, как по ветру дым: Батый на Русь и варвары на Рим — сквозь укрепления, через все преграды».

Красиво сделанные строки. Гибель цивилизаций, «плотский всегда будет гнать духовного», и невозможно избежать

этой «гибели», «дым» настигает. Только Рим гибнет от измененности и разврата, а Святая Русь претерпевает ярость сатанинскую, как библейский Иов. И Спаситель и разбойник претерпевают одинаковое распятие, одинаковые страдания, но Христос спасает человечество, а разбойник получает возмездие (хотя может спастись).

«И только дух в страданиях земных растёт и крепнет и не хочет их менять на век бесчувственный...»

Вспоминаются вериги святых и «томлю томящего меня», сказанное Серафимом Саровским по поводу ношения им камней.

Стихотворение очень цельное, святоотеческое (святоматеринское). Алмаз. В нём нет лирической мелодии, психологизма. Сама автор, судя по стихам была, как алмаз, цельным человеком, самое время уйти в монастырь. И не сомневаюсь ушла бы в двадцать лет, как и её подруга м. Феофания, но благословение свыше оказалось другое, на наше счастье.

А боль и страдания в несении креста, по свидетельству святого старца о. Иоанна Крестьянкина, что в семейной жизни, что в монашеской одинаковы. Он заметил, что Бог «немощному сосуду», женщине дал такую силу и выносливость, какие мужчина и одной десятой не сможет понести.

А сия премудрость, разумение в двадцать лет даётся только свыше. Похоже, мы, читатели – свидетели жития матери Олеси.

Хотя Олеся себя святой не считает, как и все святые.

Рассказывали, что на Афоне дьякон Пантелеимонова монастыря делал акварели, виды Афона и их развешивал в алтаре. О. Авель, будучи настоятелем монастыря, стал потихоньку отдавать их паломникам, чтобы алтарь не был завешен акварелями. Дьякон возмутился:

– Почему вы раздаёте мои акварели?!

— Я их дарю как святыни Афона, — ответил о. Авель.
— Ну, если как святыни, тогда можно, — примирительно ответил дьякон.

Записки церковного сторожа

В пути

Хорошо, что наступила ночь.
В окна всех вагонов и гостиниц
смотрит месяц чистенький — точь-в-точь
новобранец, юный пехотинец.

Много нас. И всяк из нас — один
смотрит в дыры мировых пробоин,
где стоит пресветлый паладин,
с саблей наголо пречистый воин.

...Карандаш его рисует сам
на газетном срезе. Как от печки,
дом с трубой танцует, к небесам
выпуская круглые колечки.

Там, наверно, каждому дадут,
что попросит:
табаку — курящим,
девкам — мужа,
путникам — приют,
странным — разговор
и сон — скорбящим!

2000

Наверное, за всю историю литературы никто из поэтов не сравнивал молодой месяц с «чистеньким новобранцем, юным пехотинцем», мальчиком, остриженным наголо, как

в детском саду, в гимнастёрке с беленьким воротничком. Какое неожиданное видение, и сколько материнской нежности и к месяцу, и к мальчику. И попадает! Такое сравнение в голову не могло прийти, возникнуть в рассудочном сознании, а есть образ, и он работает, попадает. Вот мышление гения!

В заоблачной ночной высоте — *«где стоит пресветлый паладин, с саблей наголо пречистый воин»* — сказочная атмосфера надежды и упования на высшие силы, сказочные, мифологические, чудесные, хотя бы во сне.

«Как от печки, дом с трубой танцует, к небесам выпуская круглые колечки...» — вообще рыцарские романы о паладинах, или арабские сказки с кривыми и блестящими, как месяц, саблями находятся в разных плоскостях, разные среды обитания с русскими сказками, где печке отводится всегда большая роль, она тоже действующий персонаж. На Востоке жара и аромат благовоний, на Севере холод и жар от печи в доме, и аромат пирогов. Но пространство замкнутое, там, где печка, по сравнению с арабской ночью в пустыне или дворцах.

«Там, наверно, каждому дадут, что попросит: табаку — курящим, двкам — мужа, путникам — приют, странным — разговор и сон — скорбящим!» — «Мечты, мечты, где ваша сладость?!»

Скорей забыться сном и получить всё, чего нет, хотя бы во сне. Лирическое стихотворение, завораживающее надеждой на тайну.

Удивление

Я всё не разберусь, никак не нарисую
жизнь эту — вроде бы она и с облаками,
и с птицами, чтоб петь ей аллилуйю:
с нежнейшим профилем, ан — с грубыми руками...
Она и с соснами, она и с колонкáми,
чтоб петь осанну ей, гулять с её метелью,

следить за белками, судачить с рыбаками:
дыханьем свежая, ан голова — с похмелья.

И гость таинственный поклялся мне, что ночью
в краях диковинных и на путях пустынных
она являлась странникам воочью —
лицом прекрасная да на ногах козлиных.

Высокопарная, ан блудная в ухмылке,
высоколобая она, да с низким задом,
с копной роскошной, но с плешью на затылке,
с засахаренным яблочком и ядом...

Не потому ли посредине пира
вдруг сердце падает, а в нищете суровой
так петь запроситься — из города и мира
задирижировать, как в яме оркестровой?!

«Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не
хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю
то, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что, ког-
да хочу делать доброе, прилежит мне злое», — так пишет апо-
стол Павел о себе и вообще о человеке. Приблизительно то
же самое пишет Олеса в своих стихах о жизни.

В этой же компании с апостолом Павлом и Олесей, и Фё-
дор Михайлович Достоевский.

Когда Пушкин описывает нечисть в «Евгении Онегине»,
сон Татьяны, у него это красиво получается.

У Олеси описание нечисти тоже красиво, высокого клас-
са, эстетически безупречно.

Так же как и в древних иконах фигуры падших ангелов
очень красивы. И Гёте может откликнуться со своим «Фаус-
том». Одно слово — классика!

Монсеррат

(Из новой книги «Средиземноморские песни, среднерусские плачи»)

Герой и аскет, как он борется с телом,
а паче же с плотью и прелью:
семь суток не пил он, семь суток не ел он,
семь лет не выходит из кельи.

Он знает, как страсти на душу войною
идут и горланят стоусто,
и надо платить за победу ценою
и жизни, и крови, и чувства.

А я-то сдаюсь и ни с чем не воюю,
и дело моё легковесно,
и душу подвижную, душу живую
я не ощущаю телесно.

Я с девами девой была чуть жеманной,
я братом был братии в храме,
а зеркальцу — облачком, знаком туманным
на чуткой его амальгаме.

И можно развеяться в шири безмерной,
распасться от этой свободы,
раз нет ни хребта у души легковерной.
Ни гендера нет, ни природы.

«Душечка», которая не смогла быть «душечкой» только
с героем и аскетом.

А с девами, с братией, с зеркальцем, всем была «душечкой».

Как красиво, неожиданно, нежно и «не придуманно»,
что зеркальцу «душечка» была «*облачком, знаком туманным,
на чуткой его амальгаме*».

Аристократизм и лёгкость. Это зеркальце противостоит веригам подвижника и перетягивает читателя на свою сторону. Да ещё такие откровенные признания автора находят отклик у всего народа.

«Истинно так! — может воскликнуть почти каждый из народа, — обо мне сказано!»

И подвижник с веригами остаётся один в своей келье. Лёгкими, изящными штрихами обозначены те душевные проблемы, анализу которых Достоевский посвящал целые книги. Олеся выразитель души народа. Очень тонкое и нежное стихотворение, подкупающее своей искренностью и доверительностью.

Но «немощный сосуд» — женщины изрядствуют, когда ученики Христа разбежались.

Любовь превосходит страх, именно — «немощные жёны» «душечки» снимают тело Христа с креста, и погребают Его.

Молодые подвижники спросили духовника Оптины пустыни о. Илию, сколько поклонов в день делать в наступающем Великом посту.

— Не больше тысячи, — ответил о. Илий и добавил, — делайте двенадцать поклонов.

— Для меня неприемлемо, когда интеллигенция, пришедшая в Церковь, отвергается ума и впадает в какое-то кликушество, считая это духовной жизнью, — говорил Евгений.

Движение национал-патриотов определил одной фразой: «У них лозунг „Ну, кому за Христа морду набить?“» — и всё было ясно.

Таким был церковный сторож Евгений. Он непрерывно молился, спал по три часа в сутки и подорвал своё здоровье, поскольку всё это делал по своему благословию.

Однажды девушки хвастались о. Сергию Р.:

- Мы уже год не едим мяса.
- А вас кто-то благословлял? — спросил о. Сергей.
- Нет, мы сами так решили.
- Ну, если сами, то считайте, что это неядение мяса вам в осуждение, — ответил о. Сергей.

Записки церковного сторожа

Простая история

Тётя Алла была из деревни родом.
Дядя Саша работал в радиокомитете.
Он водил знакомство
с популярными артистами и певцами.
У тёти Аллы и дяди Саши были взрослые дети.
Дядя Саша их звал орлами,
тётя Алла называла птенцами.

Тётя Алла по праву считала,
что в жизни ей повезло: семья, столица,
культурные горизонты, открытые двери,
да и сама тётя Алла —
особенно в этом костюмчике —
ну просто важная птица...
Бедная тётя Алла, где твои пух и перья?

- Где твой муж дядя Саша?
- У него жена молодая.
- Ну а дети?
- Они давно разлетелись, летят высоко.
- А сама-то куда теперь,
ведь и старая, и хмельная?
- А тебе какая печаль? А тебе какая морока?

Ухмыляется, смотрит прочь, вся седая:
«Пошла... устала».
И уходит, и злая ночь,
точно ворон, черней, черней...
Говорят, на деревне
была первой ласточкой тётя Алла,
да не ведала, как и мы,
что там дальше случится с ней.

...Вот теперь-то припомнишь всё
на грошовой Аллиной тризне:
как любила она гостей,
всё звала их «наши друзья»,
всем желала цветов, удач
и «попутного ветра в жизни»,
выпивая за звёздный час
и эстрадного соловья.

Вот и кончился твой полёт,
от которого ты устала,
и готова уже земля успокоить тревожный сон.
Но и мы не выше летим...
«Ты прости, если можешь, Алла!» —
так сказал дядя Саша вдруг
и заплакал,
и вышел вон.

1987

«Тётя Алла была из деревни родом. Дядя Саша работал в радиокомитете» — удовольствие словесного гурмана читать эти обороты «родом... в радиокомитете»

Устойчивость, музыкальность, спокойное течение жизни аж семидесятых годов.

«Важная птица... Бедная тётя Алла, где твои пух и перья?» — замечательно, и никаких слов не надо. Замечательно само по себе.

«Ухмыляется, смотрит прочь, вся седая: «Пошла... устала» — ёмко и концентрированно. Одно движение кисти — и образ «той самой» ухмыляющейся, седой женщины.

Гениальная простота и краткость. С Чеховым запросто автор спорит.

«Но и мы не выше летим... „Ты прости, если можешь, Алла!“ — так сказал дядя Саша вдруг, и заплакал, и вышел вон» — тупость жизни семидесятых годов. Живём, а для чего живём, непонятно. Только чтобы выполнять планы партии и правительства.

В сем стихотворении автор ещё не пророк Божий, но подошёл к критической черте, тупого спокойного бытия.

И трагедия тёти Аллы тоже какая-то тупая и спокойная. Олеся ещё не преодолела Чехова, но уже не приемлет его мазохистского упоения тупостью и скукой жизни.

Если Александр Блок воспевал Прекрасную Незнакомку, а Данте возвёл Беатриче на божественную высоту, то Евгений считал, что женщина — это автономная детородная установка. Он часто приводил цитату из Евангелия «а евших было пять тысяч человек, кроме женщин и детей», полагая, что Евангелие не считает женщин за людей.

Евгений загонял свою дочь Веронику в монастырь, тоже цитируя апостола Павла, что лучше быть незамужней, но решил, что прежде дочь должна получить университетское образование на биофаке, полагая, что там дают не сумму знаний, а работают над постановкой мышления.

Дочь окончила биофак и вышла замуж вопреки воле отца. Что привело Евгения в негодование, он даже порвал отношения с женой и дочерью. Жена и дочь остались в Церкви, а Евгений стал ниспровергателем православия (так, творения Дионисия об ангелах считал

мифологической мурой), особенно сильное впечатление произвела на него книга Ричарда Докинза «Бог как иллюзия».

У Евгения появились две внучки, общение с ними явилось откровением для него. «Если бы семь лет назад мне сказали, что я соглашусь, что есть мистическая любовь, я бы не поверил. Сейчас всё захлестнул секс, это не любовь, а любовь к этим младенцам не имеет объяснения. Она мистическая. Я никак не ожидал такого, она открывает Бога».

Евгений вернулся в Церковь, хотя, даже став ни-спровергателем православия, он постоянно посещал службы.

(Кстати, Вероника стала кандидатом наук).

Записки церковного сторожа

* * *

Что-то мёртвые стали ко мне захаживать...
Придут — и сон рвётся.
Только монах Михаил нальёт вино,
посмотрит его на свет,
Только папа сядет в углу, закурит и улыбнётся,
Только Галька произнесёт:
«Поначалу так страшно было, а сейчас — нет»,
Как всё исчезнет. Пепел погаснет. Вино прольётся.

Ни о чём их не успеваю спросить:
где они — на небесной тверди
Или же в бездне? Как их искать, если что?
Ждать у какого моста?
Знают ли они о судьбе живых,
особенно о часе их смерти?
А главное — видели они или ещё нет — Христа?
И — ничего! Лишь душное одеяло в конверте.

День говорит — «во-первых» и «во-вторых»,
а также «в-третьих», «в-четвёртых»:
Мёртвые никогда не приходят к своим живым,
Живые вовек при себе не удержат мёртвых,
Сновидение ходит косо, смотрит глазом кривым,
Бездна заплетена в его буквах стёртых.

Просто — настала осень, заморозки на почве,
сутулятся сами плечи,
Бродят Забвенье и Страх меж цветов полевых,
И посылается дар слёз вместо дара речи.
Просто мёртвые продолжают любить живых,
А те сгорают, как восковые свечи.

Есть удивительная достоверность явления умерших автору стихов Олесе. Нет грома и молний при их появлении, у автора не замирает сердце. Зайдут, выпьют вина, покурят, посудачат, и эта «обыденность» более всего убедительна в повествовании. (Почти закономерность — стихи Олеси перекликаются с фильмами Тарковского. В его фильмах тоже нет грома и молний при появлении умерших, пьют кофе — а убедительно!).

«А главное — видели они или еще нет — Христа? И — ничего! Лишь душевное одеяло в конверте».

Это «душевное одеяло в конверте» почему-то звучит сильнее потусторонних проблем. Киношный приём. Оно превратилось в занавес, покрывало сознания, в сонном состоянии проникающего в мир ушедших. Голоса прозвучали и ушли, осталось «одеяло в конверте», — «А были ли голоса?!» А оно свидетельствует, что были, само присутствовало при этом.

«Сновидение ходит косо, смотрит глазом кривым, / Бездна заплетена в его буквах стёртых» — всё же нельзя все сновидения обижать как косо ходящих, и криво смотрящих. Иногда являются и Ангелы, Иосифу Обручнику, например.

Последняя строфа — шедевр. Что-то от тени Шекспира, даже не Пушкина. Впечатление, что Шекспир был более верующим, более «знающим» человеком, чем Пушкин. Это их объединяет с Олесей, знающей о духовном мире.

Это могло быть темой беседы, кто более верующий человек Шекспир или Пушкин? Данте был не «верующим», а «знающим», и Олеся могла бы составить им компанию, как «знающая». У Ахматовой поэтически интуитивная вера, но «знания» духовного мира нет, как у Олеси.

Хорошие стихи, спокойные, реально-«обыденные». Зашли умершие, попили чаю, пошли по своим делам, а автор забыла спросить их о проживании. В этом их позитив.

В восьмидесятые годы на собраниях друзей, богословских чаепитиях на кухне, возник спор о том, что такое монада Лейбница.

Михаил, преподаватель математики в МГУ, заметил:

— Надо же, о чём люди спорят. Не о водке, не о бабе, а о монаде Лейбница! — на пачке сигарет нарисовал каракатицу и сказал, — вот ваша монада.

Когда же во время дискуссии о психических явлениях на уровне элементарных частиц было заявлено, что «кварки — это лица общения», моё сознание стало уплывать в неведомые духовные сферы.

Бывший йог, впоследствии ставший священником, рассказывал, как другой йог, входивший в их группу, обладал способностью вытекать из тела и летать в астрале, видя людей и всё, что происходит вокруг. Но в таком свободном полёте был уловлен магами; словно сеть, его захватила некая сила, он оказался в комнате, где они собирались для медитаций и волхования, и уловления таких блуждающих душ. Его собрались убивать, поглощать.

Йог забился в ужасе, вспоминая все магические заклинания, действия, которые могли бы его освободить. Поскольку в йоге отовсюду, из всех религий надёргана духовная практика, он стал вспоминать и молитву Иисусову.

— А, «христосик» попался, не выйдет, не выйдет, — говорили маги.

В смертельном ужасе йог возопил ко Христу. Слово невидимая цепь оборвалась. «В последний раз тебя спасаем», — прозвучало внутри йога. Он стал свободен. После этого в астрал уже больше не выходил.

Вся группа йогов благодаря старцу Тихону Пелиху из Отрадного приняла православие, а руководитель группы, женщина, перешла в иудаизм.

В то время была очень знаменита лаборатория Спиркина, где занимались изучением и практикой чёрной магии. Руководитель йогов предупреждала своих подопечных:

— К Спиркину не ходите, там мрак.

Всё это рассказывалось в связи с тем, что один из участников наших собраний, хозяин квартиры, больной и одинокий человек, от тоски решил заняться йогой, так, чтобы забыться в медитации и уйти от этого мира. Ранее он даже крестился, но духовная жизнь не получилась, тогда он решил попробовать другое.

— Дьявол платит наличными, — повторял он.

Поэтому бывший йог и объяснял ему, что в астральном мире всё очень жёстко, там свои законы, и нельзя просто так болтаться, куда хочу.

Позже церковный сторож храма Воскресение Словущее Валерий Иванович, кандидат наук, десятилетия проработавший в космическом институте, рассказывал об опытах выхода в астрал, проводимых в этом институте, наподобие тех, которые проводились в американских космических институтах.

— Практику, методику ухода мы нашли, а вот с возвращением не получается. У нас погибли люди, не смогли вернуться.

Анатолию, хозяину квартиры, бесы являлись в виде членов Комитета Галактической Безопасности, один из них жутко похожий на человека-кота, так рассказывал Анатолий священнику, который его крестил. Коты исчезли, но ненадолго. Толя был одержимым человеком, в нём пребывала страшная сила, по-своему он даже был прозорливым. В то же время он был ультрапрограммистом.

Мы собирались у него дома, чтобы как-то поддержать его, но каждый раз после этого было ощущение рваной раны в душе, потери сил. Позже духовник о. Всеволода Шпиллера, затворник о. Павел Троицкий в письме запретил мне посещать эти собрания, хотя о них ему никто не писал. Но, находясь в тверских лесах, он духом созерцал то, что делается в Москве. В дальнейшем четверо из семерых участников богословских чаепитий ушли из Церкви.

Записки церковного сторожа

Берёзы и сосны

Сосны шумят торжественно, витийствуют,
пророчествуют, обличают,
а берёзы шепчутся всё о мелком, что да как, то да сё,
судачат, скучают.
Сосны их называют сорняком залётным с чуждого берега...
Каждая сосна чувствует себя Божьим твореньем,
ловя небесные взоры,
а берёза — частью здешней бесхозной флоры,
заявляя: я — национальный символ, альфа, омега!

Сосны готовят мир к жертвам и воскрешенью — блистают кроной зелёной.

А берёзы — провожают на ярмарку, торопят в баньку с веничком распалённым: просто и не накладно.

Сосны горят на солнце, под луной светятся охрой, на заре вытягиваются багрово.

А берёзы бледнеют днём, сереют в ночи и на каждое слово говорят: «День прошёл — и ладно».

Сосны благословляют на подвиги, на любовь — до гроба!

А берёзы твердят о том, что нужно мужество, чтобы жить обычно, быть такой вот — обыкновенной...

Сосны перечат им: «Разве это — заслуга?»

А берёзы: «Надо, как все, как все»...

Они не любят друг друга.

...Потому тревожно у нас даже июньской ночью благословенной!

«О волах ли печётся Бог?» (1 Кор. 9:8). О соснах ли печётся Олеся? *«Сосны готовят мир к жертвам и воскрешенью», «Сосны благословляют на подвиги, на любовь — до гроба!»*

В наше время почти всегда похороны сопровождает запах соснового гроба.

Индивидуализм аристократов — индивидуализм «сосен». Берёза в роще, как капля в море, как человек, слившийся с толпой, часть этой толпы. В сосновом лесу каждое дерево само по себе, индивидуальность.

«Сосны шумят торжественно, витийствуют, пророчествуют, обличают, а берёзы шепчутся всё о мелком, что да как, то да сё, судачат, скучают».

Литературные салоны и стадионы. Театры и рынки.

«Каждая сосна чувствует себя Божьим твореньем, / ловя небесные взоры, / а берёза — частью здешней бесхозной флоры, / заявляя: я — национальный символ, альфа, омега!»

Этак Олеся Александровну могут обвинить в нелюбви к простому народу, к «гаечкам» и «винтикам» по Сталину.

Сосна, конечно, какое-то удивительное, торжественно-духовное дерево. Его очень любил Андрей Тарковский, постоянно помещая сосны в своих фильмах. Олеся — «сестра» Тарковского, занимая в литературе такое же положение, как он в кино. Но только у Андрея Тарковского догадки и философские предположения, а Олеси Николаевой знание истины.

Кстати, Андрей Тарковский артистов за людей не считал. А «простой народ» отвечал ему лютым непониманием.

Стихи-то тревожные, напряжённые! Не кончится ли это очередной смутой? И опять Пушкин (как дочь Пушкина может обойтись без него?). Он видит поросль молодых сосенок, и ему это неприятно, так он пишет в письме и создаёт стихи «Здравствуй, племя младое, незнакомое», так и Олеся видит в соснах людей.

«О волах ли печётся Бог?» Так и хочется добавить — «бог поэзии Олеся Николаева».

«Театр»

День проводили честь честью и встретили
ночь, и вступили в шеол...
Только актёры пока не заметили:
зритель последний ушёл.

Тщатся, стараются — жестами, мимикой
обворожить, обаять...
Пафосом, эпосом, икосом, лирикой
сердце могли б надорвать.

Только ответом им злая, гремучая
в зале пустом — тишина.

Речка подземная, струйка горячая
да перетянутая струна.

Выйдешь на воздух — сплошная обочина,
глушь, да задворки, да тьма.

Ветер свистит:
— Ваша пьеса окончена,
так не сходите с ума!

Ваша Гертруда, как девка, торгуется...
В Гамлеты метит крепыш,
да под Офелию всё гримируется
сорокалетняя мышь.

Кончен спектакль и иссякли желания:
зрители спят до трубы.
Что ж не уймётся вся ваша компания,
всё — «бу-бу-бу», «бы-бы-бы»?

Тут монолог вековечный заученный
все начинают твердить:
— С этой вот сцены бесценной, замученной
некуда нам уходить!

Будем до смерти играть — то раскручивать
жизни пружину, то рвать:
правых оспаривать, мёртвых озвучивать,
место упавших — вставать.

А не о писательской ли братии Переделкина и всяя Руси
сии стихи? «*Перетянутая струна*» — очень звучит. Как
звучат штрихи ёмко, пронзительно в пьесах Чехова. (Хотя это
сравнение совсем не обрадует поэтессу, как не обрадовало
бы и Анну Ахматову).

«Ваша Гертруда, как девка, торгуется... / В Гамлеты метит крепьши, / да под Офелию всё гримируется / сорокалетняямышь».

Ощущение, что это аллегория процессов, происходящих в Союзе писателей РФ. И некуда писателям деться из Союза. Опять чеховский мотив безысходности. Непривычные ноты у Олеси. Анна Ахматова и Олеся начинают сближаться?

Ничего от Вас, Сергей, не утаишь! Всё Вы расшифруете, всё разложите по полочкам. Я давно догадывалась, что Вы – прозорливец.

Я просто очень люблю Ваши стихи и немножко знаю Ваши интонации.

И строфу самую крутую вытащили. Мне эта «сорокалетняямышь», которая «под Офелию гримируется», и самой нравится.

Ваши поклонники, а их множество, с Вами войдут в историю, как свита Королевы.

Сергей, это чересчур, это Вы меня так курам на смех поднимете.

А Вы меня в прозорливцы записали. Батюшкам на смех.

Пожилой артист театра Маяковского делился своими соображениями:

— Я не верю в рай, не верю в то, что меня там будут встречать апостолы Пётр и Павел. Не верю в Бога, по крайней мере, так, как вы верите. Но у меня в Ленинграде есть свой идол, и я каждый раз к нему прихожу, приношу деньги и прошу о помощи. И вот в последний год мне одному дважды подняли зарплату.

Записки церковного сторожа

Отрок

Что за дела в двенадцать ночи
у отрока? А как же! За
ночным загишем, что есть мочи,
готовит молнии гроза.

Она оттачивает стрелы —
безмолвно тысячи теней
по чёрной глади оробелой
смолу и серу тащат ей.

Куют незримо молоточки
железо в кузницах, и тьма
губами просит об отсрочке,
укутав бархатом дома.

Никто её ещё не чувствует,
все дремлют, видят сны, храпят,
там дрыхнет кот, тут пёс ночует,
спят мать с отцом, деревья спят...

Лишь этот отрок нечто слышит
и видит — что там? — зверь ли, змей
ткань эту плотную колышет,
как будто бы ползёт под ней.

Скорей бы — чёрную повязку
сорвать, откинуть верхний пласт, —
а там подсветку и огласку
гроза подспудным силам даст.

И можно своему смятенью
дать имя, разглядеть лицо
Томящего скользнувшей тенью,
найти Кощеево яйцо!

Не совсем ясно: гроза для народа или только для Отрока, и это только его личное дело? Или и для народа, и для каждого в отдельности, только Отрок «на передовой», провидец грядущей бури.

«Она оттачивает стрелы — / безмолвно тысячи теней / по чёрной глади оробелой / смолу и серу тащат ей. / Куют незримо молоточки / железо в кузницах...»

Достоевский мог бы добавить эти строчки к эпиграфу к «Бесам» и к «Преступлению и наказанию».

«Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими».

Но как красиво изображена у Олеси эта подготовка к буре, как у Пушкина! Кто же этот отрок? Сразу напрашивается имя отрока Варфоломея, Сергия Радонежского.

Но этим «отроком», «отроковицей» может быть и сам автор стихов — Олеся. Вспоминается, что старец Досифей, благословивший молодого Прохора, Серафима Саровского, на подвижничество — была женщина. Если женщина была «старцем», почему женщина не может быть «отроком»? Вообще много таинственного в образе Олеси Александровны.

Автора сего отзыва время от времени посещают мысли, что в 2076 году Олеся Александровна будет прославлена как «Просветительница Московская и всяя Руси».

Предпринимались церковной интеллигенцией попытки во время Перестройки канонизации Гоголя, Достоевского. (Автор сам присутствовал на таких обсуждениях на официальных собраниях).

Предвижу праведный гнев святой праведной Олеси: «Знаете, Сергей, это уже неумно и просто глупо», но число 2076 мне не даёт покоя.

Душа замирает в ужасе, готов бежать, как отрок Пушкин на экзамене в Лицее.

Вот именно, Сергей, «это уже не умно и просто глупо».

Лучше посмотрите репортаж об архимандрите Василии (у меня на странице).

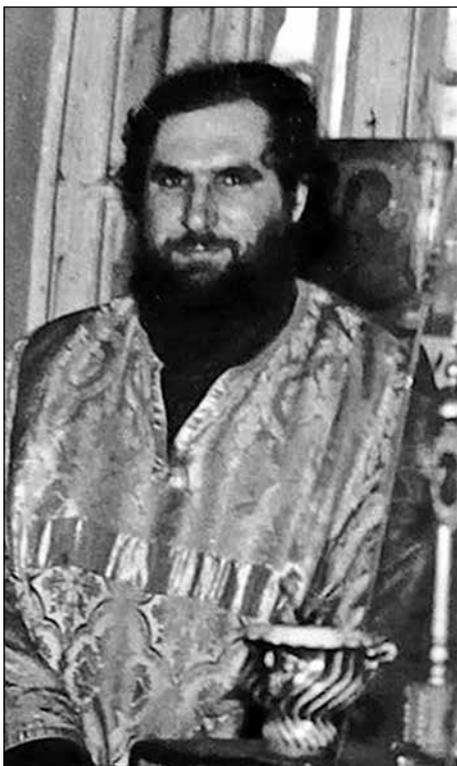
Я начинаю себя чувствовать провидцем. Наверное, бесы постарались.

А меня тут укорили, что я Вам дерзко ответила. Простите.

Олеся, Вы так спокойно ответили и просто согласились с моими словами, что я немножко опешил, ожидая Вашего смиренного гнева. И меня стала грызть совесть. Поклон тому, кто Вас укорил, наверное, заботясь о моей нежной и восприимчивой психике. Но я, действительно, был огорошен Вашим спокойствием. Это, наверное, я должен просить у Вас прощения, сказал, что думаю.

Я словно Бармалей на детском спектакле, а дети за Вас переживают. Визжат, кричат, предупреждают.

Про Бармалея на детском спектакле мне очень понравилось! Скорее – Карабас-Барабас.

*Сергей Фёдоров.
Покровский храм в Новом Иерусалиме.
1990–1991*

Олеся, какой у Вас проникающий взгляд! Я даже немного смутился. В тридцать пять лет я действительно был похож на Карабаса.

Нет, здесь совсем не Карабас, а боголюбивый инок.

В 90-е годы в среде апокалиптически настроенных православных возникло напряжённое ожидание пришествия антихриста. Большой популярностью пользовалась книга «Пришествие антихриста в Москву». Монахиня Гермогена, узнав, что у её знакомых родился четвёртый ребёнок, воскликнула:

— Какие молодцы Саша с Мариной, родили четвёртого. И как это они не боятся пришествия антихриста!

Записки церковного сторожа

Ошибка

Что неудачник ни затеет,
всё кончится сплошным провалом,
что склочник в сердце ни посеет,
всё кончится большим скандалом.

Что ни задумает всезнайка,
концы с концами не сойдутся,
и красная балалайка
заиграно звучит и куце.

И предсказуемая скука,
и узнаваемые маски,
и даже — розовый — из лука
стрелок лениво ждёт подсказки...

То даст осечку, то промашку,
а то — нелепую ошибку,
сражая не того: рубашку
он спутал, видишь ли, улыбку...

А раненый — секретным принцем,
неузнанным в своей столице,
с небесным носится гостинцем
и безответностью томится!

А попробуйте отнять у него этот дар небесный, полученный по ошибке! Более счастлив тот, кто любит, пусть и «по ошибке», чем тот, кого любят. Данте тоже «по ошибке» получил небесный дар — а результат! И человечество благословляет его, или «стрельца — розового — из лука» за эту ошибку уже несколько веков.

Беатриче могла бы и позавидовать Данте, такой влюблённости в неё.

Вашу-то судьбу решал не *«стрелец — розовый — из лука»*, у Вас стопроцентное попадание. А Вы сами как православный Данте XXI века.

У камина

Он заперт весь на ключ, на карантин,
он смотрит холодно, когда я злюсь и плачу,
за небо, полное торжественных картин,
он родину отдаст и Третий Рим в придачу.

Мои послания и книги в час ночной
он не доверит никакой корзине,
ни чёрной проруби, ни чаше ледяной,
но по листку сожжёт дотла в камине.

Я так и вижу: в кресле он, ладонь
к щеке прижата — он ещё читает,
и сразу — р-раз! — страницу шлёт в огонь,
и наклоняется, и угли подгребают.

Вот-вот обложки подойдёт черёд —
обложка синяя, с пропиткою, обвита
каймой из золота, но тоже — полыхнёт
всем синим пламенем, взглянёт многоочито.

О, как мне это по сердцу: зима,
вино из кубка, перстень с тайной, посох
и жесты царские, и лёгкий хмель ума,
камина жар, окно в морозных розах!

Пусть трудится: забвеньё — труд и страх:
на опустевшем месте ветер дует,
шальют кикиморы, рыдают на пирах...
...Когда ж наутро выгребаешь прах,
зола мертва, но пламя всё бушует.

«Чёрный человек», заказав «Реквием» Моцарту, как бы
заказал и самого Моцарта Сальери. Сальери и «грохнул» его
по заказу Чёрного человека.

Слава Богу, Чёрный человек, внутренний цензор Олеси,
пока ещё истребляет только её с его точки зрения «несовершенные»
творения. Когда Олеся напишет свою лебединую
песню, свой «Реквием», тогда Чёрный человек может и сде-
лать своё «чёрное» дело руками кого-то подобно Сальери.

Этот Чёрный человек может оказаться епископом, ко-
торый под текст псалмов самой Олеси будет постригать её
в монахини, и, облачившись в чёрные ризы, умрёт Олеся для
мира. «Грохнет» (порешит) её Чёрный человек, как и Моцар-
та. Уповаю, что после 2076 года мать Ольга (или Елена) будет

прославлена среди святых. Только очень хотелось бы, чтобы это было не скоро — реквием, — и чтобы Олеся пробыла ещё с нами, радуя своими песнями, и ангельский чин не торопилась принимать.

Но какой уровень — и у Моцарта, и у Олеси свой Чёрный человек. В этом ряду непонятно, почему Пушкину смерть была предсказана от белого человека.

Я сейчас читаю книгу стихов новой знакомой, которая воспевает смерть, как Омар Хайям вино, и в таком же количестве стихов, возможно, это и наложило отпечаток на моё восприятие мира — всё в чёрном.

Любовь Прусакова: Какое зашифрованное стихотворение! Или моё больное воображение?

Смотрите чаще фильмы Андрея Тарковского и, натренировавшись на его ребусах, сможете тогда свободнее читать смыслы в стихах Олеси. Я тоже ничего не мог понять ни в стихах, ни в фильмах. Очень помогает «Чёрный квадрат» Малевича. У Тарковского в «Солярисе» он превратился в «Чёрный круг» иллюминатора. Подумайте, что стоит за Квадратом и Кругом, и тогда Вы воскликнете: а стихи-то Олеси хороши! Это не «заумь» Тарковского!

Сон

Мне приснилось что-то такое, мол — мир и Рим.
Будто с неким вроде бы даже Ангелом об этом мы говорим.
Хоть Мартына Задеку бери, хоть Юнга — один ответ:
ты, душа измельчилась, бедная, так выйди на Божий свет.

Выйди, выйди на Божий свет, ведь там — Рим и мир.
Человек наматывает круги, как конь скаковой; как сыр,
в центрифуге сбивается; спекается, как рубин:
кровяные тельца, алый билирубин.

Человек сгущается, как туман, по углам клубится, как тьма.
Человек боится сорваться с круга, сойти с ума.
Поломать хребет, порастить хвощами и ржой.
Ну а больше всего боится, что его поглотит Чужой.

Потому-то, как в мир войдёшь, ищи там, конечно, Рим.
А как в Рим войдёшь, выбирай лицо, надевай хитон, пилигрим.
А как станешь победителем на ристалище, бери в награду сапфир:
побеждая Рим, ты побеждаешь мир.

...Так и ты, душа унывающая, дерзай, иди и смотри.
Отверзай глаза, закрытые страхом, при счёте «три».
Пусть тебя терзает волчица алчная, гонится по пятам —
смерть твоя, как в яйце Кощеевом, вовсе не здесь, а там.

Ах, не об этом ли сказывал пернатый легионер: он держал кольцо.
А на нём — сундучок заветный, а там — яйцо.
А в яйце — сшивающая концы и начала таинственная игла.
Если уж где-то жить, так в последнем Риме — я так это поняла.

Надо быть Олесей, чтобы понять, о чём стихи. В этих стихах Олеся превзошла Откровение Иоанна Богослова, предсказания Нострадамуса, и заумные фильмы Тарковского. Стихи можно посылать на передачу ТВ «Что? Где? Когда?» для команды знатоков на расшифровку. Попробую начать с последних строчек. Очевидно, «последний Рим» — это Москва, но Рим-Москва как обитание духовной элиты («Я сказал: вы — боги»). Именно в духовной Москве-Риме творится история, «сшиваются концы и начала таинственной иглой».

«Пернатый легионер» — скорее всего, Архангел Михаил, чаще всего именно он изображается в доспехах римского воина, но с крыльями.

«... Так и ты, душа унывающая, дерзай, иди и смотри. / Отверзай глаза, закрытые страхом, при счёте «три». / Пусть тебя

терзает волчица алчная, гонится по пятам — / смерть твоя, как в яйце Кощеевом, вовсе не здесь, а там».

(Мф. 10:28) «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь того, кто может и душу и тело погубить в геенне».

«Чужой» и может поглотить душу.

«Потому-то, как в мир войдешь, ищи там, конечно, Рим.

А как в Рим войдешь, выбирай лицо, надевай хитон, пилигрим.

А как станешь победителем на ристалище, бери в награду сапфир: побеждая Рим, ты побеждаешь мир».

Похоже на собрание избранных духовных аристократов, на Церковь, на «царственное священство».

«А как в Рим войдешь, выбирай лицо, надевай хитон, пилигрим».

У каждого в Церкви своё задание от Бога, свой дар, свой лик. Ведь не маску выбирай, а лик: *«надевай хитон, пилигрим»* — облекитесь в белые одежды святости.

«А как станешь победителем на ристалище, бери в награду сапфир» — святые очень часто приводили в пример ристалище.

«...Побеждая Рим, ты побеждаешь мир». Здесь «побеждая» — очевидно, покоряя успехами.

«Победи себя, и победишь весь мир» — победи свои страсти.

«Человек наматывает круги, как конь скаковой; как сыр, в центрифуге сбивается; спекается, как рубин: кровавые тельца, алый билирубин.

Человек сгущается, как туман, по углам клубится, как тьма.

Человек боится сорваться с круга, сойти с ума.

Поломать хребет, порастить хвощами и ржой.

Ну а больше всего боится, что его поглотит Чужой».

Жизнь человека вне Церкви, вне «царственного священства», вне духовно Рима.

«Хоть Мартына Задеку бери, хоть Юнга — один ответ:

ты, душа измельчилась, бедная, так выйди на Божий свет».

У Мартына Задеки сонник, у Юнга — архетипы. Душа измелъчала, живя по этим измерениям, по этим системам. Это и обсуждает Олеся с Ангелом. Люди должны стать «римлянами», «гражданами неба». Почему Олеся и предпочитает жить в Третьем Риме. Попытки немощного моего ума свести концы с концами. Возможно, это получилось надуманно, но ничего больше в голову не приходит

Сергей! Я потрясена! Отбросив все комплиментарные веле-речивости, Ваше понимание и проникновение в текст — поразительны. Хочу собрать все Ваши комментарии!

Теперь Вы меня потрясли! Я пишу только с Божией помощью, по подсказке, сам немощен. Но Вы меня очень обрадовали.

Быль

Рядом со мной жили два писателя — старый и молодой. Старый был одинокий, а молодой — семейный.

Старый писатель и говорит молодому (а тот был большой начальник в писательских высоких кругах):

— Как умру я, похорони меня на Переделкинском кладбище около Пастернака. А я тебе завещаю библиотеку.

Молодой с лёгкостью согласился.

Но пожил он ещё, пожил немного и — умер.

И его как начальника похоронили неподалёку от Пастернака. А старый на него очень за это обиделся.

— Как же так, — восклицал он. — Я же ему всё готов был завещать: целую библиотеку. Там и классика, там и современность.

Так и стоял возле его могилы, головой качал, языком цокал.

Олеся Николаева

Глубины мудрости Евангелия преломляются в творчестве каждого великого писателя. В их числе и Олеса.

«Душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

Произведение, в котором отражается Евангелие, имеет в себе коэффициент вечности.

Интересно, а если бы молодой писатель не согласился, то не помер бы? А старый предлагал ли ещё кому-нибудь «завещать библиотеку»? Может быть, будет продолжение?

Из «Беседы архм. Иоанна Крестьянкина
о посмертных явлениях
пртр. Всеволода Шпиллера»

*Псково-Печерский монастырь. 4 ноября 1988 г.
Праздник Казанской иконы Божией Матери*

В то время, как в храме началась вечерняя заупокойная служба Дмитриевской родительской субботы, отец Иоанн Крестьянкин в приёмной братского корпуса отвечал на вопросы окруживших его людей, беседуя со всеми вместе и с каждым в отдельности. Ответив на мои вопросы, сам задал вопрос:

— Вы мне писали?

Я ответил, что ещё в мае писал об отце Всеволоде Шпиллере. О. Иоанн сразу всё вспомнил и сказал:

— О. Всеволода я хорошо знал, сидел с ним за одним столом.

Как и в прошлый раз, о. Иоанн подробно говорил об отношениях между торжествующей Церковью и Церковью земной. Но на этот раз о. Иоанн упорно предостерегал от прелести:

— О. Всеволод видит каждое ваше движение, каждый шаг вашей жизни... Стремление видеть о. Всеволода, видения — всё это очень тормозит ваше духовное движение... Видения могут

мешать вашему общению с самим о. Всеволодом... О. Всеволод видит всё, что происходит в вашей жизни, и там это стремление к видениям может его огорчать.

О. Иоанн сказал, что есть два случая, когда нельзя принимать видения: первый — во время молитвы перед иконой Спасителя, когда может показаться, что Спаситель выходит из иконы. Второй случай... в этот момент к о. Иоанну с неотложными вопросами обратился инок из монастырской братии. Отпустив его, о. Иоанн сказал всем:

— А теперь поскорее, а то меня уже ждут покойнички. Вы завтра ко мне придёте, и я вам дам «Азбуку молитвы», где всё подробно излагается.

О. Иоанн прижал меня к себе и рассказал, как одна старушка очень молилась, чтобы ей было открыто, как там, на том свете. И вот как-то во время молитвы она видит, как раздвинулись облака, и в этом пространстве появилась голова митрополита Николая. А эта старушка была очень любознательная, и она дерзновенно спрашивает его:

— Отец Николай, что вы там делаете?

— Молось, — ответил митрополит Николай, и облака задвинулись.

О. Иоанн ласково поцеловал меня. Собрался беседовать с другими людьми.

— Батюшка, приезжайте на могилу о. Всеволода, там просто фонтан благодати.

— Кланяйтесь от меня, когда будете на могиле о. Всеволода.

— А вы сами приезжайте.

— Я бы с удовольствием, да кто же меня за ворота монастыря выпустит?

Вскоре о. Иоанн уже был на панихиде в Михайловском храме. И в этот вечер и на следующий день в Церкви молились об упокоении усопших и пели «Со святыми упокой...».

В доме Герцена

Длинной строкою поэт — мой сокурник Федосов —
связывал строфы и, облокотившись на стул,
так начинал: «Мирозданье...» Глядел, как философ, —
«Здание мира», — он вслед, поясняя, тянул.

В домике Герцена много вставало вопросов,
рифма глагольная всех уводила подряд:
с вечности начали — кончим Россией, Федосов,
так отвечай же — что делать и кто виноват?

Бедный поэт — он стоит словно во поле воин.
— О, не касайся ни пашен её, ни болот.
Тот, кто не любит её, тот её не достоин
и в мирозданье её никогда не найдёт.

Лучше не трогать ни мхов, ни тревожащих веток
слабой душе с непонятной дремучей тоской:
в чашу войдёшь — а навстречу неведомый предок;
кто он — разбойник, гонец или старец с клюкой?

Или, быть может, лихой партизан-одиночка,
гордый всезнайка, кричит мирозданью всему:
«Здание мира мы сами построим — и точка!»
Так и Федосов считает, кивая ему.

*«Лучше не трогать ни мхов, ни тревожащих веток
слабой душе с непонятной дремучей тоской...»*

В этом гений сразу обнаруживает себя.

А так — молодёжно-весёлое, радостное стихотворение,
несмотря на мировые вопросы в нём. Почти как у молодого
Пушкина. Две пятых от гениальности Пушкина.

Мне так кажется.

А что сейчас Федосов делает? Не спился ли? Или кормит кашей внуков, зовя кошку слезть с фикуса? Неужели до сих пор мировые проблемы решает? Не будет ли стихотворного продолжения? Как у Дюма — тридцать лет спустя. Все мы немножко Федосовы. Автор-то не мировые проблемы решала — вечности. Душой занималась, дело делала, в отличие от Федосова. Если бы побольше о нём написать — стал бы нарицательным героем. Опять Олеся коснулась души.

Прт. Владимир Вигилянский: Поправка: не 30, а почти 40 лет спустя! И ещё один вопрос — в духе Ваших, Сергей, заметок: *«а навстречу неведомый предок... старец с клюкой»* — пророчество?

Я постеснялся написать 40, так давно! Хотя мы в одно лето 1955 года родились. Олеся в день рождения Пушкина, я в день смерти Чехова 15 июля.

Отец Владимир, я не уразумеваю суть вопроса о старце с клюкой. По логике — это вопрос к автору, к самой пророчице. Честно говоря, у меня не хватило умственных сил вдуматься в этот каскад, его затмили строчки о мхе и трепещущей ветке. Или Вы меня записали в толкователи стихов Олеся, как были дантевские толкователи? Я так возомню себя пророком, переводчиком угодницы Божией, «в писаниях которой есть нечто неудобовразумительное» (Она уж сама не помнит, какой смысл вкладывала, и нужно получить справку?). Простите, если я вдруг перешёл меру в лёгкой шутливости, но я, действительно, не понял Вашего вопроса. Олеся пишет, что у неё переворачиваются фотографии. Я уже ответил ей, что в альбоме, где хранится перевернутая фотография, надо плавно нажать на неё пальцем и удерживать, и тогда всплывает меню «Повернуть влево», «Повернуть вправо» и т.д. Ещё раз прошу прощения, если несколько нарушил субординацию. Но ваш совместный рассказ «Восхождение» произвёл сильное впечатление. Молюсь о Вашем семействе.

Прт. Владимир Вигилянский: Сергей, в журнале Олеси несколько публикаций по поводу обнаружения нашего семейного предка («старца с клюкой») — праведного Алексия Бортсурманского. Ну, я и подумал, что строки этого стихотворения Вы могли бы посчитать пророчеством.

Теперь всё и связалось. Не случайно я считаю её угодницей Божией, она всё и предсказала. Можно трепетать.

Три вещи на свете

Есть три вещи на свете, от которых дурные сны:
с чужого плеча одежда,
лести сдобная сайка,
завидующего глаза клей.

Есть три вещи на свете, которые мне скучны:
умничающий невежда,
кощунствующий всезнайка,
величающийся плебей.

Есть три вещи на свете, которые веселят дух:
в холода — дуновенье с юга,
в темноте — свет из-под спуда,
и небесный хор — едва-едва уловим.

И есть три вещи на свете, о которых не надо вслух:
муж с женой, глядящие друг на друга,
и младенец с вестью — оттуда,
и склонённый ангел над ним.

Это надо повесить в коридоре Литературного института
как скрижали завета с Олесей!

Утро

Солнце приоткрывает день с восточных обочин.
Человек выходит на дело своё до ночи.
Праведник уже умыт, препоясан желаньем трудиться.
Грешник, вроде меня, пятернёю чешет ключицу,
сон дурной вспоминает; тяжело дышит, недобро
воет его существо; скулят, как волчата, рёбра...
Ох, какое неспраздничное у него настроенье!
Муха прилипла к блюдцу, где оставалось варенье.

Слышит он — в нём бранятся голоса былого:
«Зачем только мать родила на свет невыспавшегося, дурного,
неумытого — в скуке, в злобе,
а ведь так осторожно носила его в утробе!»
О его рожденье Спасителю писала записки,
светлый пекла кулич, выносила в воскресной миске.
Ярко сияло небо: человек родился!
Для того ль, чтоб вот так и так мучился он и стыдился?

Что же случилось с ним? Может на перепутье
в сторону он шагнул и захлебнулся мутью?
Сбился с пути, пропал, канул как ни бывало?
Проснулся немолодым, смотрит вокруг устало.
«Где я был, — говорит. — Кого носил на закорках?
Кому служил на посылках, живя на чужих задворках?
Словно нечистый дух в меня вошёл и вселился,
моё отчаяние пил, моею бедой кормился...»

...А солнце уже в зените, как на престоле,
и тень в серебряной свите, и день в золотом камзоле,
и даже мутная пыль уже начала светиться...
То ли произойдёт! То ли ещё случится!

Непонятно, — как просто и сверхгениально, — «Муха прилипла к блюду, где оставалось варенье» — кадр кино.

Маленький человек, влипший в сладость страстей и погибающий, как прилипшая муха. Последние строки о солнце на престоле, и дне в золотом камзоле очень праздничны. Праздник жизни продолжается, вот только грешник, как муха, влип, «чешет ключицу, дурной сон вспоминает» и т.д.

(Но подозреваю, что это поклёп на саму себя, не могло такого быть! Хотя написано с натуры. Всё хорошо знакомо).

Уроки писательского мастерства

«Нет ни драматургии, ни сюжетного строя,
если мы героя — самого неповоротливого остолопа —
не поставим в конфликт с самим же собою
пред лицом стихии — бури, огня, потопа».

Так меня обучали писательскому мастерству в институте,
и я — по мере фантазии в сюжеты облекала события,
скликала тучи к себе, топталась на перепутье
там, где уверенные потолки опирались на прочные перекрытья.

О, этот жаркий соблазн — винт писательского механизма
подключить к собственной жизни: взорвать смоляную бочку,
воду жадно вспороть и с самонадеянностью юного организма
полагать, что ведаешь сам, где окончательную поставить точку!

А меж тем море начинает разбалтываться, и уже — ни просвета,
ни берега, ни спасенья — сплошная бурая краска,
уходит из-под контроля шлюпка обезумевшего сюжета...
Лишь в Книге Жизни давно известна его развязка!

1982

На свою голову накликали; наверное, то, что Вы насочинили, к Вам и пришло мерой полною, утрясённою. Выпустили джинна из бутылки, он Вас и провёл по всем сумасшедшим ситуациям, не спрашивая, хотите ли Вы этих виражей и миражей или нет. Наверное, ужас в этой ситуации, что живёшь со своим героем одной жизнью и переживаешь, как за живого человека. И вас обоих в конце-концов освобождает Судья свыше. Вы как бы и не хозяин своего «чада», попробуйте его тронуть — это уже личность. Надо считаться.

Я так увидел Ваши стихи.

В них пульс и искорка молодости и очаровательной «наивности» начинающего героя, которые потом сменяются мудростью и мастерством.

Да, Сергей: «О, этот жаркий соблазн — винт писательского механизма подключить к собственной жизни...»

Баллада

Это умер дурень Юрка — не крещён и не отпет.
Чует только кошка Мурка в мире его смутный след:
И мятётся, выгибает спину, и кричит своё,
Из-под шкафа выгребает пыль какую-то, тряпье...

Есть у Юрки дочь Мария, дочь Мария — так она
За пути его кривые горечь испила сполна.
За бесчинства роковые, без креста чумной погост,
За грехи его Мария принимает строгий пост.

...Так проходит время — Мурка помирает, туфли трут,
Сверху слышится мазурка, снизу — дворники орут.
Справа — кто-то колобродит, слева — завывает дрель,
А Мария ходит, ходит средь мертвеющих земель.

В седине, почти без пищи, в старом рубище, без сна
В царстве мёртвых ищет, ищет папку глупого она.
Видно, он совсем в поганом месте, в гуще темноты,
И Мария в платье рваном лезет, лезет сквозь кусты.

Сверху слышится сюита, снизу — заунывный звук,
Справа — женский крик сердито: «Сволочь!», слева — бодрый стук.
Видно, он совсем в пропащем месте, посреди болот.
И Мария тащит, тащит ноги, падает, ползёт...

И внезапно видит — что там? Дуновенье ветерка,
Свет как будто над болотом, словно голос свысока:
«За любовь твою, за слово, за слезу твоих пустынь
Я помиловал дурного папку твоего. Аминь».

Где-то снова — вальс собачий, где-то шум бензопилы,
Кто-то воет, кто-то плачет, что-то там Бюль-Бюль Оглы,
Рёв машины, скрежет, полька, скрип, кукушка на часах...
Но Мария слышит только «аллилуйя» в небесах.

2008

И Мурка и Мария любили Юрку, только Мурка не могла спасти его, а Мария спасла. Надо понимать, что Мария, как Данте, посещает загробный мир, не как полноценный покойник.

Не совсем доведена линия Мурки, любящей Юрку. Любовь, даже твари, не может не иметь продолжения.

Описание женских криков, собачьего вальса, стук, рёв машины, скрежет, полька, скрип и прч. — получается преддверие ада на земле, что-то даже булгаковское.

«И Мария в платье рваном лезет, лезет сквозь кусты...»

И Мария тащит, тащит ноги, падает, ползёт...» — биение сердца в этих строчках. Как-то напрашивается вопрос, а не умерла ли сама Мария, спася отца? И, наверное, встретила там и папу, и любящую Мурку.

Есть какая-то тень Булгакова, «Мастера и Маргариты» на этих стихах. Но уровень одинаково высок.

Сергей, становитесь уж профессиональным критиком! Вы будете блистать на нынешнем блёклом критическом небосклоне!

Это Ваш отражённый свет. За год переписки с Вами критическими отзывами как-то произошла постанковка мозгов. Правда, пишу по подсказке свыше. Скорее записываю, что говорят свыше. Вы меня очень воодушевляете такими оценками. Спасибо!

Богословское мнение

Некая послушница в патриаршей резиденции, ухаживающая за коровами, подала весь список имён патриарших коров на литургию о здравии. Батюшка, совершающий проскомидию, обратил внимание на странные имена: Фиалка, Ромашка и т.д. Выйдя из алтаря, он спросил:

— Кто подал эту записку, и чьи это имена?

Послушница ответила, что это её записка, и она просит помолиться о болящих коровах.

Батюшка ответил:

— Хорошо молиться о всякой твари Божией, и в Писании сказано: «блажен иже и скоты милуяй», однако подавать имена коров на литургию всё-таки не надо.

После литургии в трапезной для послушниц и работников резиденции возник сильный богословский спор: можно ли молиться о животных или нет, и прав ли был батюшка. Кто-то рассказывал, как записка, поданная о здравии, помогала найти пропавших животных или способствовала их исцелению. Приводились слова псалма: «Всякое дыхание да хвалит Господа»

и поэтому утверждалось, что молиться можно о всех. Другие говорили, что батюшка прав и молиться о коровах на литургии нельзя, ведь не за коров же умер Господь, а за людей. Но сторонники поминовения животных настаивали на своём говоря, что мы молимся о всем мире. Дискуссия продолжалась. Но вот один из паломников задал вопрос:

— А ведь коровы-то некрещёные, как же их можно поминать на проскомидии?

Возникла пауза. Потом раздался смех, и богословский спор на этом закончился.

Записки церковного сторожа

Равелло

1

Помнишь ли ты городок Равелло,
взбежавший на гору к небу?
Помнишь ли синьору Альберту, которая на вилле Бланка
накрывала нам завтрак, варила горчайший кофе,
расплетала на открытой веранде,
повернутой с высоты к морю,
вьющиеся хищные побеги в колокольчиках —
пунцовых и синих
и то и дело, раздувая пышную грудь, зычным голосом,
перекрывшим пение птиц,
звала своего сына:
— Оттобелло! Оттобелло! Отзовись, где ты?

Помнишь ли, как ходила она в белый собор
к Пречистой Деве Марии
и в монастырь святого Бонавентуры
и всё просила о сыне своём — отроке Оттобелло,

который ещё во младенчестве потерял зренье,
лишился света очей своих
и теперь блуждал в этом сумраке, напшаривая дорогу палкой,
и непрестанно плакал?

— О, Оттобелло, не плачь, — умоляла синьора Альберта. —
И голос её заливал собою Равелло.

— Отчаянье не носи в сердце, не скармливай ум обиде,
не корми слезами угрозу,
не будь, как нечестивый синьор Джузеппе, —
кощунник и святотатец:
у него молнией спалило сырную лавку,
так он совсем тронулся, совсем обезумел, —
то бил себя в грудь, сидя на пепелище,
то кричал на всё Равелло Творцу,
чтобы Тот сделал вовсе не бывшим всё то, что было...
А потом ворвался в собор к статуе Пресвятой Девы,
оторвал от неё Младенца
и, подняв его над своей головою,
закричал: «Не отдам Его тебе, Мария, доколе
не вернёшь мою сырную лавку,
ибо её попалил огонь, посланный с неба!»

— Нет, дорогой Оттобелло, — повторяла синьора Альберта. —
И потом — разве он чего-то добился?
До сих пор пьёт вино печали с запахом гари,
давится хлебом дерзости, на котором копоть...
А вот мы с тобой отправимся на могилу
к одному блаженному брату Джамбуоно
и попросим его принять наши обеты.
Скажем ему: «Если Бог, по заслугам твоим,
блаженный Джамбуоно,
дарует зренье отроку Оттобелло,
то мы отольём два прекрасных восковых глаза
и принесём их в дар на твою могилу».

Так говорила славная синьора Альберта,
и через весьма малое время и у виллы Бланка,
и на площади перед белым собором,
и у монастыря святого Бонавентуры,
и, наконец, у кладбища, где покоились блаженные братья,
можно было слышать голос доброй синьоры,
можно было видеть на всех дорогах,
как она проносит на вытянутых руках, на открытых ладонях
два огромных восковых глаза,
как кладёт их бережно, по обету,
на могилу святого брата.
А за нею, отставая почтительно на полшага,
следовал безо всякого преткновенья
сын её Оттобелло
и смотрел он так, веселя хрусталик, на всё творенье,
словно бы притрагивался ко всему трепещущей роговицей,
собирая золотую пыльцу света
в колбочки нежнейшей сетчатки.

И тогда — помнишь ли — погорелец из сырной лавки
возвратил в раскаянье Украденное из собора,
ибо всё Равелло встало возле его хижины на колени,
воскликая: «Джузеппе, верни Пресвятой Деве Сына,
верни, наконец, Мадонне Младенца!»

И почувствовав себя, словно оный Ирод,
затворился он тотчас у святого Бонавентуры,
умерщвляя плоть неистовую бичеваньем.

2

Помнишь ли чудесный городок Равелло?
Он нарочно забрался на гору: влез на самое темя,
встал на цыпочки, распростёр руки,

пальцы облака цепляют, —
чтобы быть к Богу поближе
и хранить под пристальным призором неба
детскую веру, свысока озирая море.

Ведь когда его осаждали мавры,
кабакаясь ввысь по склонам,
Господь послал такой гром, такой треск картечи,
что они в ужасе покатались вниз,
пали на чернейшие лица,
слились курчавыми волосами с прошлогодним мохом,
трепеща, что против них за Равелло бьётся
само Небесное воинство, сражается бессчётное войско.

Вот почему здесь нет ни еретиков,
ни колдуний, ни чародеев.

Когда-то была одна, да и её настигло
высшее вразумленье.
Так хотела она привадить чужого мужа
волхованием, верным колдовским средством:
спустилась в ненастье к морю,
поймала голыми руками рыбу,
разбила ей голову о камни,
выскребла внутренности ракушкой,
поднявшись домой, приложила ту рыбу к срамному месту,
изжарила на огне в оливковом масле,
а потом позвала своего возлюбленного
и принялась потчевать его:
— Угощайся!

Он занёс было над блюдом нож, занёс вилку,
но прочитал про себя спасительную молитву,
и вдруг рыба эта жареная встrepенулась,
поднялась на хвосте,

превратилась в грязного беса.
И несчастный гость бежал в ужасе, пока не упал на пороге
базилики святого Бонавентуры,
братья перенесли его на подстилку,
а пресвитер прочитал над ним экзорцизмы.

Что до самой колдуньи, то она,
поражённая страшным видом,
чтобы искупить грех, нашла себе прокажённого из долины,
стала омыwać ему гнойные раны,
счищать сухие болячки
и для своего душевного очищения —
пила эту воду, называя её «водой исцеленья»...

3

Вот какое это место — Равелло: повсюду — тайны!
Жаль, что мы навеки его покинули,
ничего в нём не разгадали,
и ты слушаешь о нём с таким удивленьем,
словно прожил жизнь, а даже и не заметил.

2004

Я смутно понимаю, что такое неореализм, но похоже, что эти стихи — типичное воплощение итальянского неореализма, двухсерийное кино. Пожалуй, эти стихи более неореализм, чем итальянские «природные» творения, «святое папы».

Все стихи — кино, причём не сценарий к кино, а уже отснятый фильм, где плёнкой служит слово, рифмы. Это поразительный эффект киношных стихов Олеси. Сценарий, пока его не воплотил великий режиссёр, всё-таки не живёт, а киношные стихи Олеси живут, и какие поразительные образы — хотя бы украденный Младенец у Мадонны, просто

шедевр «итальянского кино». Наверное, реальная жизнь, проживание на берегах Греции и Италии, а не выморочные фантазии, и позволило Олесе стать «святое папы». Как переводы Пастернака оказались шекспирестее, чем Шекспир на подмостках английского театра. Олесе надо снимать кино на собственные уже «отснятые киностихи» (и получить премию в Каннах).

Удивительное явление. И нет лишних слов, как в неореализме, хотя я не знаю, что это такое.

Вспять

Не было макдональдсов, горящих туров, Турций и Италии, интернета не было, хамона, фуа-гра, зато живы были папа-мама, Ася, Миша с Галей, дедушка и то — донашивал довоенное пальто!

Да и ты был, Юра, юн, беспечен — сигарета в длинных пальцах, шарф на шее, тёмные очки поворачиваешь к миру, а сквозь них на то или на это золотые вспыхивают светлячки...

Говоришь, то было время упования, упоенья братством, нищетой духовной, вдохновеньем и игрой, хоть всю ночь гуляй, пируй, хоть пиши стихотворенье, тайнозритель, бессеребренник, герой!

Потому что — цвёл тот стебель! Сердце — плакало и пело, пламенея, удивленьем дивно изгибалась бровь, и косила под бродяжку, робко прикрывая тело неприступным светом, тайная любовь!

Говоришь, то было время веры в торжество свободы, в то, что где-то есть народы, в то, что где-то есть страна, —

за лесами, за морями, «там, за далью непогоды»...
Да темна вода во облацех, слезой осолена!

И теперь ты, Юра, маешься, грезишь ты семидесятыми
века прошлого: «Пожалуйста, отнеси меня, Борей!
Подхватите, гуси-лебеди, волки серые с волчатами
иль волною, Волга-матушка, к берегу давнему прибрей!»

Поднимают гуси-лебеди, словно и не чувят бремени,
прибывает Волга-матушка к берегам, дающим крен,
земли открывая чудные, где ни возраста, ни времени,
где хранится всё любимое без ущерба и подмен!

Так ступай, гуляй-расхаживай по Подолу ль с катавасией,
по Тифлису ль сладкогласому — всюду небосвод глазаст,
с папой-мамой, Галей, Мишею, дедушкой в пальто и Асею
выпей чарочку бессмертия, закуси чем Бог подаст!

«Раньше вода была мокрее, сахар слаще и небо синее»:
*«...шарф на шею, тёмные очки / поворачиваешь к миру, а сквозь них
на то или на это / золотые вспыхивают светлячки...»*

Таинственный, романтический денди со светлячками
в глазах. Такого в зрелости уже нет.

*«Говоришь, то было время упования, упоения / братством, нищен-
той духовной, вдохновеньем и игрой, / хоть всю ночь гуляй, пируй,
хоть пиши стихотворенье, / тайнозритель, бессеребряник, герой!»*

Почти все так вспоминают свою молодость.

*«Потому что — цвел тот стебель! Сердце — плакало и пело, /
пламеняя, удивленьем дивно изгибалась бровь, / и косила под бродяж-
ку, робко прикрывая тело / неприступным светом, тайная любовь!»*

Первая любовь на всю жизнь. Какая трепетность и неж-
ность:

*«...И косила под бродяжку, робко прикрывая тело / неприступ-
ным светом, тайная любовь!»*

«Говоришь, то было время веры в торжество свободы, / в то, что где-то есть народы, в то, что где-то есть страна, — / за лесами, за морями, «там, за далью непогоды... / Да темна вода во облацех, слезой осолена!»

Раньше у народа было будущее, цель для всех. Жили нищими, но со вкусом к жизни. А теперь «Магдональдсы» есть, а счастья нет.

«...Где ни возраста, ни времени, / где хранится всё любимое без ущерб и подмен!» — идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Но действительно, хранится, как и зло.

«...Выпей чарочку бессмертия» — это даже чаша причастия, «источника бессмертного вкуса» — единственное упование.

Всё проходит, всё перестанет быть, Любовь же в вечности к тем же папе, маме, Асе с Мишей, Гале и дедушке в пальто не перестанет никогда.

Щемящее стихотворение! Но с надеждой, просто приходит осознание, что всё проходит в этой земной жизни, начиная с дедушки в пальто. Заставили прослезиться, хочется поплакаться в жилетку автору. Смотрите народ может заплакать, и Вас могут захлестнуть потоки слёз, Вы же популярны. На лодке придётся плыть по народным слезам.

Вообще «дедушка в пальто» зажил своей самостоятельной жизнью. Эта стала отдельная «дефиниция». Не уверен, что так можно определять «дедушку в пальто».

Олеся, у Вас, как всегда, просто, но почему-то гениально. Два слова — «дедушка в пальто», — как «вишнёвый сад» у Чехова.

Сергей! Ваше перо становится все отточеннее, всё острее — Вы на мне словно упражняете своё критическое дарование! Я уже почти и безо всякой иронии — почитайте-ка унылые и завиральные заметки современных критиков! Им бы поучиться у Вас!

Я Ваш ученик!

Отповедь

Нет, не заманишь, солёное море свободы:
крут мой характер, и нынче он равен уму.
Мой повелитель желает мне тёплой погоды,
старости сытой и лёгкой кончины в дому.

Он повелел мне забыть все пути и дороги,
вольных острожников мне повелел позабыть,
вспомнить заставил о кротости, долге и Боге,
дабы забыла, как снедью гордыню кормить!

Вот и жую мою жизнь сухомяtkою в полдник,
вот розовею, к стене придвигая кровать,
ногти кусаю, но трудный полуденный подвиг
не оскорбляю желаньем рыдать и роптать.

Мне полюбилось носить неудобные платья,
в тесном дворе, размахнувшись, ковёр выбивать,
вешать бельё, раскрывая такие объяття,
что, задохнувшись, пространство могу целовать.

Я ж поняла: не рифмуется с новью и кровью
слово «любовь», я рифмую иначе, когда
мой повелитель, задумавшись, сводит надбровья,
дышит бедою и учит науке стыда.

Что же, витийствуй, бунтуй и твори непогоды! —
вспахан удел мой, и, если немного прорыть,
я под стопой отыщу твои тяжкие воды,
горечь запью и обиду сумею отмыть!

1978

«Вольных острожников» — так не придумаешь, так только переживёшь и напишешь из опыта. Какое многомерное и сильное определение. Но в нём и молодёжный максимализм. Да, наверное, непросто было Вашему повелителю. (В голове такое не укладывается).

Вообще в этих стихах Ваш повелитель обрёл штрихи арабского падишаха.

*«Мне полюбилось носить неудобные платья,
в тесном дворе, размахнувшись, ковёр выбивать,
вешать бельё, раскрывая такие объяття,
что, задохнувшись, пространство могу целовать»,* — госпожа Баттерфляй, госпожа бабочка.

Ваш повелитель ни одного слова не сказал в стихах, а всё равно немного пугает. «Короля играет свита», а мужа жена.

Но всё-таки Вы — не Золушка хозяйских забот. Хотя, наоборот, именно Золушка — королева.

Но от *«вольных острожников»*, от Ваших друзей Вам пришлось отказываться?

«Твои тяжкие воды» — тяжело уразумевается.

Показалось, что на каком-то сверхуровне не сходятся концы, нет некоего завершения. Его не было в жизни. Ведь сверхзадача не в том, чтобы припасть к ногам шаха-повелителя в покорности. Вы всё-таки не восточная женщина. Какая-то неувязка с искренним желанием, чтобы так и было. И у меня в отзыве не сходятся концы с концами, мысли с мыслями.

О. Всеволод говорил, что всё можно делать во славу Божию. Даже котлету жарить.

Записки церковного сторожа

Литературное

(из новых)

Какие вздохи, охи, ахи
под дактиль ливня горемычный,
под ямб морской, под амфибрахий
голубки с крыши черепичной!

Пустой тоске подсыплет корму
гудящий ветер — груб, нахрапист,
но даст ей музыку и форму
его рыдающий анапест.

Видать, не всуе жизнь мятётся,
немея перед смертным часом,
когда она всю поёт
альтом, и тенором, и басом!

Хореем зазвучит бравурно
наперекор полдней злобе —
и бедность смотрится фактурно
в своей подвижнической робе.

Но краше всех поёт и кротче
разлука, и, рифмуя нежность,
всё утешительнее к ночи
ей сладко вторит Безутешность!

Просветительница языков! Возсиял свет грамотности. Впервые за шесть десятилетий полез узнавать, что такое амфибрахий — похоже было на индийского брахмана или на чай, нет, оказалось другое. Дактиль — что-то с аистами связано. Ну ямб и хорей — это из школьного Онегина. Анапест — это что-то пеликановое.

Нет уточнения с амфибрахием. В книге Товит — это «тёплое». С чего начинаются стихи!

Всё капет. Ливень ахов, охов — красиво.

Хореем зазвучит бравурно — некая похоронная жуть, душу щемит и томит. Выпить хочется.

Привычно «сладко» спать. Но сладкая, запойная безутешность, доходящая до нежности, — это ново и неожиданно!

Какая нежность и музыкальность во всём! Просто убить — веником. Простите, не смог сдержаться от восхищения!

Прошу прощения за поспешный отзыв в меру своей испорченности. Торопился перед встречей с друзьями и золотой лозой.

Золотой лозой не слишком увлекайтесь!

Вечером

Я ведро в колодец столкнула, и
оно зазвенело, запело,
загрохотало, заохало, отяжелело и —
отражений полное и теней —
стало вверх подниматься, и ржавая цепь скрипела,
и каждый поворот вала был всё круче и всё трудней.

И уже кто-то жеребёнка своего напоил
и чья-то семья чаёвничать села,
и чьи-то дети, умывшись, сидели,
и звезда уже начинала на чёрном небе сиять, —
и лишь моё ведро всё раскачивалось,
всё поскрипывало, всё скрипело,
и всё туже колодезная закручивалась рукоять!

И моё ведро над чёрной бездной раскачивалось,
как весы качалось,
и всё туже наматывалась цепь на оси...

— Почему ж мне так трудно всё? — я спросила.
Мне отозвалось:
— Ни на что не жалуйся,
ничего не требуй,
ни о чём не проси!

1987

Очень мощно отображён подвиг, который подьёмлет автор. Подвиг и работа, подвиг и внутренний, и житейский, постоянное напряжение сил. Так что *«ржавая цепь скрипела, / и каждый поворот вала всё круче и всё трудней»*.

Опять колодец, ведро, тени, заохало, загрохотало, отяжелело — кадры фильма. Динамика, напряжение во времени. В этом ведре, чаше жизни сфокусировалось всё бытие, столкновение, преодоление, терпение.

Идёт борьба, и — некоторая жалоба — а они-то уже чаёвничают, отдыхают! Почему мне так?

— У каждого свой подвиг, свой час.

Большому кораблю большое плавание. Большой подвиг.

В этих стиха уже проглядываются святоотеческие притчи, жизнеописания по своей краткости, ёмкости. Бытие. Колодец, у которого Самарянка набирает воду для Христа.

И ответ свыше: *«— Ни на что не жалуйся, / ничего не требуй, / ни о чём не проси!»*

Мудрость.

О! Сергей! У меня нет слов! А я боялась, что Вы вчера в гостях слишком уж увлечётесь плодами «золотой лозы»... Ан нет!

8 марта. В монастыре к о. Иоанну подошла группа женщин.

«О, международники пришли. Вот так посмотришь на женщин — и зачем их только сотворил Господь?»

А какая премудрость Божия. Немощному сосуду, женщине, Господь дал такую силу и выносливость, какой мужчина и одной десятой не может понести».

О. Иоанн считал, что и монашество и семейная жизнь — это два одинаковых пути подвига:

— К монаху придут тоска и уныние, а в семейной жизни такие подвиги, что за голову схватишься.

Записки церковного сторожа

Пространство и время

1

Спрашиваешь: Когда? — Где-то на той неделе.

(Словно бы чуть поодаль — на пне хромом).

— Где-то в эпоху Грозного... (Словно у дальней ели).

— Где-то в Смутное время... (Словно за тем холмом).

Густо заварено днями пространство. Битком набито: не протолкнуться, не вклиниться, чтобы не задеть — в упор то пролетарий с булыжником глянет темно, сердито, то зрачком помавает цепкий тушинский вор.

Плотно заселено эпохами всхолмие. Крепко сжато медленными веками — впритык и заподлицо время покрыло землю... — Где-то веке в десятом... (То ли в сарай запихнули, то ль в сундук под крыльцо).

Только себя окинешь оком довольным, гордо голову вскинешь, твёрдо встанешь на землю, ан — турки уже в Царьграде, а под Москвою — орды, моавитяне — в сердце и лупят в свой барабан.

И коль суждено нам встретиться — всего вернее залог
искать в Книге Жизни, совершить плагиат:
где-нибудь через сто дождей, когда-нибудь на дороге, —
там ещё облако чёрное, как пиратский фрегат.

2

Где-то лет двадцать назад, при царе Горохе, —
это за той горой, которая родила мышь
и на которую махом одним взлетаешь на вдохе, вздохе
и падаешь, как во сне и летишь, летишь...

То есть попросту — в Тридесятom царстве, под топот конский,
такой хмельной подавали мёд на пиру,
что всех повязали спящими, увели в плен Вавилонский,
и они лишь сейчас очухались на хлётском чужом ветру.

Глядят, продирая глаза: пески, пёсии мухи,
тарабарские песни, змеи, пронырливые хорьки
и всё — одни старики. Одни старики и старухи
с немолодыми детьми. Старухи да старики.

3

Спрашиваешь: Когда? — Где-то в районе лета,
Где-то около мая, где-то в седьмом часу...
И вот нас туда несёт, на стыках дрожа, карета,
и конь коренной летит и стелется на весу.

Так странствуем мы — то в Рим эпохи упадка, пены,
то в Ерусалим страстной, спускающийся с горы.
И преображается время в пространство, возводит стены
и вновь собирает камни, раскидывает шатры.

Тут что-то царица Савская высматривает на небе,
загадывает, зрачок вперяет — хоть плачь, хоть вынь:
— Когда же увижу вновь возлюбленного моего? Но жребий
«Где-нибудь после смерти» — гласит ей. Аминь. Аминь.

Олеся пишет свой Апокалипсис, такой же непонятный,
как и Иоанна Богослова.

Времена слились в один пучок, как чеснок, соприкасают-
ся во вневременном пространстве.

Это то, что подтверждает современная астрофизика, так
что эта реальность — не абракадабра возбуждённого созна-
ния поэта или пророка.

*«...то пролетарий с булыжником глянет темно, сердито,
то зрачком помавает цепкий тушинский вор» —*
кино, выразительный штрих смещения времён.

*«Где-то лет двадцать назад, при царе Горохе, —
это за той горой, которая родила мышь
и на которую махом одним взлетаешь на вдохе, вздохе
и падаешь, как во сне и летишь, летишь...»*

Дух захватывает от этого полёта. Впечатление, что автор
знает о чём пишет, так просто это не выдумаешь.

*«Глядят, продирая глаза: пески, пёсии мухи,
тарабарские песни, змеи, фроньрливые хорьки
и всё — одни старики. Одни старики и старухи
с немолодыми детьми. Старухи да старики».*

Сюрреалистическое кино.

*«И вот нас туда несёт, на стыках дрожа, карета,
и конь коренной летит и стелется на весу».*

Конечно не хватает павшего Ангела, в мгновение време-
ни показавшего все царства мира и славу их. Воланда или Ме-
фистофеля. Предшественники Олеси — Гёте и Булгаков — вы-
бирали, кто кому нравился.

*«Так странствуем мы — то в Рим эпохи упадка, пены,
то в Ерусалим страстной, спускающийся с горы».*

*И преобразается время в пространство, возводит стены
и вновь собирает камни, раскидывает шатры».*

Передан дух иного бытия, иного измерения, словно пророчица, Олеся очень реально побывала там, и записала с природы свои впечатления.

*«Тут что-то царица Савская высматривает на небе,
загадывает, зрачок вперяет — хоть плачь, хоть вынь:
— Когда же увижу вновь возлюбленного моего? Но жребий
„Где-нибудь после смерти“ — гласит ей. Аминь. Аминь».*

Когда окончатся времена и сроки и мы совлечёмся ветхой одежды, плоти своей, тогда откроется Истина во всей полноте. Аминь.

Сергей, Вы не перестаёте меня изумлять!

Вы меня вбираете в свою сферу и измочаливаете. Я потом удивляюсь: «Неужели это я написал?». Может быть, в транс вводите? Мне такое мышление недоступно. Но я пишу по подсказке. Так что Ваша похвала тому, кто подсказывает.

Вера

Всё у Веры устроено замечательно:

дети, сад, огород.

Вера смотрит сочувственно и внимательно,

говорит: «Ну что ты, пройдёт!» —

«Знаешь, Вера, — я говорю, —

ничего у меня не ладится,

всё вываливается из рук —

и строфа, и детское платице,

и пуговица от брюк.

Ничего на грядке не приживается,

не сваривается вполне,

не скраивается, не сшивается,

и жизнь, как мешок, на мне!
А ты, Вера, — прямая, гибкая,
и тёплая у тебя рука,
а я — изменчивая и зыбкая,
как Оредежь — родная твоя река».

И тогда Оредежью начинает утешать меня Вера чудная,
говорит: «В ней таинственны повороты, и сама она глубока,
и жизнь — такая прекрасная и совсем не трудная
возле этой реки, и плывут по ней облака...»
И Вера на берегу, обнимаемая туманами,
а я кричу: «Вера! Вера!..» — уже в дорожной пыли.
— Такие, как ты, укрывали беглых,
были биты мужьями пьяными
и подкидышей принимали, и те как свои росли!

1983

Крестьянка пожалела дворянку, «непутёвую» в хозяйственном отношении. Хотя явно в стихах дворянки нет, это от знания о жизни автора.

Но однако какую пронизательную, сущностную оценку даёт «Крестьянка» «Дворянке», сравнившей себя с «изменчивой и зыбкой» рекой Оредежью, на берегу, которой живут обе — крестьянка постоянно, баронесса по обстоятельствам.

«В ней таинственны повороты, и сама она глубока, / и жизнь — такая прекрасная и совсем не трудная / возле этой реки, и плывут по ней облака...» — вылитая Олесья! Таков глас народа.

Но и баронесса «преклоняет колено» перед подвигом женщины, которая и подвигом-то его не считает.

«Такие, как ты, укрывали беглых, / были биты мужьями пьяными / и подкидышей принимали, и те как свои росли!»

Святые души, Марфа и Мария, деятельная и созерцательная. «У одной сестры любовь к Спасителю выражалась так, а у другой иначе».

Но всё же Спаситель созерцательную поставил выше. Это же делает и проницательная Вера.

«...И плывут по ней облака», отражается небо и золотой крест храма. Светлые стихи о двух «сёстрах», о двух подвигах любви. (Правда, жить рядом с созерцательными особами «светло и радостно», но иногда очень непросто, временами это тоже подвиг).

Олеся радуется своими стихами, нигде нет надрыва, надлома, это при больших трудностях. Стихи всегда поддерживают, хотя, бывает, у неё и *«всё вываливается из рук — / и строфа, и детское платьице, / и пуговица от брюк. / Ничего на грядке не приживается, / не сваривается вполне, / не скраивается, не шивается...»*

И это ещё более поддерживает, что она «не сверхчеловек», а такая же «беспомощная» в быту, как и мы. И кажется, что и мы такие же боги, как и она, товарищи богов.

Этим свойством отличался Пушкин. И вот — Олеся. Наше счастье, что это так.

Благочестивое желание

Некая очень благочестивая жена прочитала в «духовной» книге о том, что человек, ограбивший другого человека, принимает на себя его грехи.

Жене захотелось быть ограбленной и таким образом избавиться от многих грехов. Её желание было таким сильным, что оно было исполнено. Квартирант сбежал с квартиры, не заплатив за три месяца. Затем пришёл огромный счёт за международные телефонные переговоры квартиранта. У мужа угнали новую, только-только купленную машину. Затем ограбили дачу.

Муж не знал о горячем желании жены таким путём избавиться от грехов и недоумевал: за что такие искушения?

Однако вскоре пришло утешение. Квартиру сдали под офис. Муж стал работать в Центральном банке. Была куплена новая машина (японская). Бог даровал им третьего, а потом и четвёртого ребёнка. Супруги счастливы. А жена усердно молится Богу.

Неосторожное желание

Муж тяготился дачей и часто, шутя, желал, чтобы она сгорела. Дача сгорела 30 августа 1999 года.

(Тёща на обогревателе сушила детский матрас).

Жена укоряла мужа за то, что по его слову сгорела дача, однако продолжает очень любить своего мужа и детей.

Записки церковного сторожа

Христианские парадигмы русской литературы

Так назывался мой доклад на конференции в июле в Казани. Нашла у себя тезисы его. К сожалению, на бумаге его не записала — держала всё в голове. Говорила 60 минут.

Русская литература является выражением национальной ментальности даже в том случае, если христианство не заявлено в том или ином её произведении как тема. Даже если в произведении не встречается церковной атрибутики и его можно определять как светское. Что же, тем не менее, имеется в виду?

Прежде всего — отношение к человеку (литературному персонажу) как к творению Божьему, как к тайне, уводящей в метафизические глубины; как к загадке, ключ к которой лежит в разворачивании сюжета.

Отношение к слову. За словом стоит реальность. Поэтому русская литература — это не самообразующаяся словесная сис-

тема, не имеющая отношения к бытию, но новая, преображенная реальность.

Отношение ко греху. Грех в русской литературе — это порча, разрушение и уродство, это без-образие. Нераскаянный грех влечёт за собой возмездие. Тема промысла Божьего, человеческой свободы и своеволия — центральная в русской литературе.

Именно поэтому её персонажи для нас — это реально существующие люди, черты которых узнаваемы и в прошлом, и в нынешнем веке, а её сюжеты — архетипичны. По их «силовым линиям», словно заложенным в наше подсознание, движется наше мышление, наше узнавание и распознавание, а также осуществляется нравственный и экзистенциальный выбор.

Если говорить о нашей национальной идее, то она может быть выражена евангельскими словами Христа: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Олеся Николаева

То есть русская литература — это зеркало Евангелия, Слова Божия. А вот Набоков — это русская литература? Похоже, что не совсем. Думается, что Стефан Цвейг, пишущий на немецком языке, гораздо органичнее для русской литературы, более «свой», чем Набоков, издающий свои произведения на английском и русском. А что такое Игорь Северянин? «Перламутровое облако» во фраке, на велосипеде из лимонных кружков. Такого человека в Евангелии, в Слове Божием нет. Несомненно, Маяковский с его товарищем Маузером — это русская литература.

Наверное, как в музыке существует сонатная форма и все симфонии «сами собой» выстраиваются по сонатной форме, хотя специально её никто не придумывал, так и Вы определили главные законы, «сонатную форму» русской литературы, законы бытия русской литературы, а не формы, типа закона о триединстве и др.

Действительно, открыли глаза.

Тайны литературной алхимии, и «системы Менделеева»,
основные законы изложили! Восторг! И всё укладывается!
Ай, да Олеся!

И это тоже Игорь Северянин:
Король Фокстрот пришёл на землю править,
Король Фокстрот!
И я — поэт — его обязан славить,
Скривив свой рот...
А если я фокстротных не уважу
Всех потрохов,
Он повелит рассыпаться тиражу
Моих стихов...
Ну что же, пусть! Уж лучше я погибну
Наверняка,
Чем вырваться из уст позволю гимну
В честь дурака!

Прот. Владимир Вигилянский

Подруги

Вот Соня.

Она вечно торопится к больной маме,
даёт советы многодетным подругам, хлопая дверью,
режет им правду-матку в лицо со словами:
— Такой уж я человек — не люблю лицемерья!

Вот Вика.

Она всегда одета со вкусом — и на работе и дома.
Она хочет выйти замуж за иностранца и жить счастливо
и, поглядывая на своё отраженье в кухонной двери,
произносит весомо:
— В жизни всё должно быть красиво!

Вот Надя.

Она тушит сигарету в чашке с недопитым чаем,
не разлучается с телефоном,
низким голосом под гитару по вечерам напевает
и каждую фразу произносит ироничным тоном,
например:

— По-всякому в жизни бывает!

...И я, знающая их много лет, оглядываюсь, когда же,
с какого момента всё лопнуло вдруг по швам,
и начались эти утомительные сюжеты,
эти унылые пейзажи,
эти портреты, уставившиеся в одну точку,
это цеплянье к словам?..

Так когда же выпали скрепки
ученических тетрадок в линейку
и рассыпались цветные коробочки,
сработанные пальцами в заусенцах, в клею,
и кто это переманил добродушную судьбу-богатежку —
с белым нагрудником,
к которому она прикалывала жизнь мою?

Так когда же вылетят, наконец, бабочки из гусениц,
посаженных в лейку,
и поднимутся посеянные некогда ноготки оранжевые,
повёрнутые на восход,
и зажгутся все звёзды сосчитанные,
все яблоки, упавшие под скамейку, —
все эти монеты крупные,
так пока и не пущенные нами в ход?

1989

«Три сестры», «В Москву, в Москву! В счастье, в счастье!». И по Чехову: «Мы никогда не поедem в Москву», «Мы никогда не попадем в счастье!». И совершенно чеховские нотки, так не свойственные Олесе: *«унылые пейзажи, / эти портреты, уставившиеся в одну точку, / это цеплянье к словам?..»* Словно её саму в год написания стихов посетила печаль.

«Так когда же выпали скрепки / ученических тетрадок в линейку / и рассыпались цветные коробочки, / сработанные пальцами в заусенцах, в клею» — печально-выразительное кино — *«и кто это переманил добродушную судьбу-богатежку — / с белым нагрудником, / к которому она прикалывала жизнь мою?»*

Оказывается, к автору «судьба-богатежка» благоволит, а к её подругам — нет. И нет уже никакой надежды, что из гусениц, посаженных в лейку, вылетят бабочки, поднимутся ноготки, звёзды зажгутся, яблоки, упавшие под скамейку, съедятся, деньги потратятся на настоящую жизнь.

Тоска и комплекс вины у автора перед подругами, она-то на белом нагруднике судьбы-богатежки.

В других стихах или рассказе Олесья перечисляет сгинувших однокурсников-поэтов, неудачников по жизни, поначалу много чего обещавших.

Вопрос о таланте, и жестокий вопрос — или есть талант, или нет? В данных стихах ещё не звучит религиозная тема, что каждому даны свои таланты, о каждом человеке осуществляется Промысел Божий, а не судьба-богатежка в белом нагруднике определяет жизнь человека. Кстати, этот белый нагрудник, наверное, накрахмаленный и поглаженный, звучит по-чеховски жестоко. Олесью в этих стихах не узнать. Похоже, такая печальная полоса её жизни наложила отпечаток печали и в творчестве.

Надо же, пророк может тосковать, живой, «нормальный» человек, как и мы! Непривычно!

Держитесь, Ангел!

Прот. Владимир Вигилянский: Нет, Сергей, не согласен с Вами. Стихи всегда многозначны и, кстати, почти никогда не автобиографичны. Вернее, иногда в них что-то проглядывается, но только в той степени, в какой типичны для многих. Главное здесь в желании понять, оправдать чужую жизнь, сделать своей драму чужой жизни. Уверяю Вас, никаких подобных подруг у неё не было и нет. Весь смысл стихотворения в именах «подруг»: София, Виктория, Надежда. Если попытаетесь наложить эту «метафизику» на эти «картинки», всё сложится.

Олеся очень артистично сделала своей «драму чужой жизни», я поверил, как по Станиславскому. Мастерство! А если по Кафке? Получилось бы? Пушкин же делал подражания.

Спаси Господи, о. Владимир, что уделяете внимание моим отзывам. Но всё-таки надо предупреждать, что это «подражания»! Я пришёл в смятение: что произошло с Олесей? Она была сама не своя, словно кто-то умер. Слава Богу это оказалось не так. Поклон ей.

Оборотень

Это вам любой подтверждает житель,
дверь любая о том скрипит, день голосит базарный:
город — возлюбленных похититель.
дракон прожорливый, кентавр коварный.

По его потайным подвалам своих любимых ищите,
о бетон его лестниц, об асфальт переулков
стаптывайте подошвы,
а куда он вас заведёт — обольститель, сердце смутитель,
следы заметать мастак, шулер дорожный дошлый...

Может он далеко завести, наделив обиженным взором:
кого — в контору писать счета, жизни предъявлять счёты,
кого — в безлюбые да надёжные руки —
от ужаса пред ночным вором,
с бесконечным выяснением отношений:
«А сам, а сама-то — кто ты?»

Каждому даст своё дождливое насмешливое целованье,
разведёт по разным углам, обведёт вокруг пальца,
променяет на пропитанье лучшее упованье
и сам тогда тоже съёжится и начнёт смеркаться...

Сереньким воробьём шарахается из-под ног,
липнет листом из сада...
«Оборотень! — я кричу. — О, как дело твоё нечисто!
Отдавай моего Возлюбленного —
мне взамен ничего не надо!»
И — трясусь, вцепившись в плечо, незнакомого скандалиста.

1985

Трудно уразумеваемое стихотворение. Но, может быть, опять попробоваться «уразумевать» с последних строк. Может быть, оно так и создавалось.

*«Оборотень! — я кричу. — О, как дело твоё нечисто!
Отдавай моего Возлюбленного —
мне взамен ничего не надо!»*

И — трясусь, вцепившись в плечо, незнакомого скандалиста».

Надо понимать, что это Возлюбленный превратился в незнакомого, чужого человека, скандалиста и брюзгу.

К сожалению, многие браки этим заканчиваются. Люди становятся чужими друг другу. Где-то в рассказах Олеси героиня понимает, что выходила замуж совершенно за другого человека. Есть восточная сказка, где герой убивал дракона, угнетающего народ, но, очаровавшись несметными сокро-

вицами, сам превращался в такого же. И вместо убитого дракона появлялся новый. И таким образом «дракон» был бессмертным.

Очевидно, соблазны, «сокровища» города и делают Возлюбленного таким драконом. Он теряет свой облик. Если в сказке «Снежная Королева» Каю попадает в сердце осколок зеркала зла, то здесь Возлюбленному соблазны большого города. Это могут быть и карьера, и поиск славы, и забота о богатстве.

«...Променяет на пропитанье лучшее упование» — потрясающая фраза. В ней вся закономерность жизни.

Лабиринты улочек, по которым блуждает Возлюбленный, и пути, на которых настигают его страсти. Это может быть и подсознание героя, его тёмное подполье. И только любящее сердце его может спасти.

Кстати, я заметил, не будучи поэтом, что когда пишешь, выстраиваешь стихи в обратном направлении, рифма легче находится, и стихи убедительнее звучат.

Сергей, на сей раз «мимо»!

Прот. Владимир Вигилянский: Вся книга О.Н. «На корабле зимы» построена на сближении-отдалении, столкновении-разделении Возлюбленного и Возлюбленной. В этом её (книги) драма, трагедия и катарсис. *«Отдавай моего Возлюбленного — мне взамен ничего не надо!»* — обращено к похитителю, оборотню, городу, как символу цивилизации и благополучия.

Вот!

Я думал о варианте: терниях, заглушающих зерно, о печениях житейских. Но текст вывел на этот вариант. А по моему, он образнее (безумие с моей стороны), понятнее и не заумнее, когда надо читать другой текст, чтобы понять этот.

И, получается, первичнее другой. У меня получилось органичнее, сермяжнее. Вы, конечно, авторы. Но заоблачно интеллектуальны. Простому смертному это недоступно.

Но я пишу как бы не сам, текст диктует .

Лариса Истраткина: Сейчас я согласна с Сергеем Фёдоровым-Мистиком. Это стихотворение каждый волен понимать так, как оно ему на душу ляжет. И будет прав. Поскольку оно взято из контекста книги «На корабле зимы». Тем, кто не знаком с книгой, суть понять сложнее. Поэтому каждый в плену своих ассоциаций, и в этом нет ничего плохого. А поэзия Олеси остаётся при всём при этом прекрасной, глубоко-бездонной и мистичной.

«Незнакомый скандалист» и переводит стрелки на Возлюбленного, каким его не знала Любимая и каким его сделала погоня за благами цивилизации. Или для правильного понимания образа надо к стихам давать фрагмент книги «На корабле зимы», но тогда получается, что стихи не самодостаточны, не живут своей самостоятельной жизнью, а некая тень чего-то, мираж, (почти оборотень), лодка с большого корабля.

Последний блинок

Рассказ из дополненного издания книги «Небесный огонь»

Даже не помню, где, как и в связи с чем мой муж познакомился с отцом О. Но тот служил в храме, который был возле нашего дома и к открытию которого мы приложили руку, собрав для этого подписи соседей. И в начале 90-х отец О. стал частенько захаживать к нам после богослужения и просиживал часами.

Сам он был репатриантом, сыном эмигрантов второй, то есть военной, волны. Родители его ещё в подростковом воз-

расте, как скот, были угнаны в Германию. Там он и родился уже после войны, там и рос, провёл отрочество, а потом уехал. Учился, кажется, в Богословском институте в Париже, после чего перебрался в Канаду, был рукоположен в иереи и служил там вплоть до новых времён, когда на его исторической родине стали открываться храмы и утверждаться православная вера.

Тогда-то он и вернулся, купил себе в Москве квартиру, был принят в число клириков Московской Патриархии и получил место второго священника в только что восстановленном храме.

Всё ему было здесь интересно, всё в новинку — и люди, и их обычаи, и их нравы. Был он целибат, то есть жены у него не было, поговорить по душам, пожаловаться да посмеяться было не с кем, вот он и приходил к нам делиться впечатлениями, которые, надо сказать, очень часто его и смущали, и уязвляли, и раздражали.

— Стою сегодня на исповеди во время евхаристического канона, — рассказывал он, — а какая-то тётушка деловито расхаживает по всему храму, расталкивая молящихся, и свечи повсюду ставит. Наконец подошла к иконе, перед которой я человека исповедовал, оттолкнула меня локтем, бедром: мол, не мешай, дай пройти — и тянет эту свою свечку... Как так можно? Слово она буквально восприняла слова Христа о том, что Царство Божие силою берётся. Локтями!

Мой муж ему объяснял, что народ у нас не просвещён, семьдесят лет вавилонского плена не прошли даром: в головах ужасная путаница, суеверия, атеистические предрассудки.

Ну, и отец О. в следующий раз вывалил перед нами целый ворох таких свидетельств.

— Вот как у нас считается. Свечу, оказывается, надо ставить правой рукой, а тот, кто ставит левой, ставит её от лукавого! А если подпалишь её снизу, чтобы она прилепилась и крепче стояла, то этим можешь обжечь ножки Христа.

И ещё. Никогда нельзя стоять за спиной священника с левой стороны – там ты заодно с лукавым. А сумку нельзя вешать на правую руку – этим можно отогнать ангела, который за правым плечом! Что делать с этим народом?

Муж мой опять стал говорить ему о просвещении, а я попросила:

– Отец О., я сейчас как раз пишу эссе об особенностях народной религиозности, так не могли бы вы помочь мне собрать такого рода фольклор?

И он стал снабжать меня всякими такими диковинами.

Ну, то, что Троица – это Господь, Матерь Божия и Николай Угодник, это уже у меня было. Был и такой диалог:

– Снился мне сегодня наш батюшка...

– Не к добру... Если попа во сне увидишь – быть беде.

Знала я и такое:

– Спасибо.

– Ну так вот пусть тебя Бог и спасает. А нас – спаси Господи.

Видала и такую сценку. Повздорили в храме две женщины. Одна из них, зная, что «прощая и молясь за врага, ты собираешь ему на голову горящие уголья на день Страшного Суда», потупив пылающий взор, произносит зловещим шепотом:

– Прости, Господи!

А вторая, тоже, видимо, «продвинутая» и также наслышанная про горящие уголья на главе противницы, стиснув зубы, угрожающе шипит в ответ, аж кровь стынет в жилах:

– Нет, это вас спаси Господи!

И вот такое я уже когда-то слышала, да позабыла – хорошо, отец О. напомнил: «Что ты молишься Николаю Угоднику об исцелении – он не по этой части. Молись лучше Целителю Пантелеимону, и то если у тебя не зубы болят и не голова. А если зубы, то Антипе мученику. А уж голова – так это Предтече молебен заказывай: ему самому голову отсекли, так что он в этом смыслит. А вообще-то в Иванов день за-

рекись есть что-либо круглое — ну там сливы, яблоки, упаси Бог — арбузы. Потому как если ты съешь в этот день круглое, ты тем самым к Ироду присоединишься и ко всем, кто отсёк Крестителю голову!».

А вот про свечку я не знала — хорошо ещё отец О. мне рассказал:

— Ты зачем передаёшь свечку в алтарь? Они там её зажгут незнамо когда, а её надо жечь во время исповеди: пока будешь исповедоваться, грехи твои на ней и сгорят.

Так моя фольклорная коллекция пополнялась, а отец О. избывал своё горестное недоумение и раздражение этими суеверными присказками и поверьями. Как-то раз он пришёл и сказал:

— А про чисточетверговую воду слышали? Это вода, которую, вместо того, чтобы молиться да правила к причастию читать, собирают в ночь со Страстной Среды на Чистый Четверг. Так мне одна бабка, прихожанка призналась, что про неё церковники специально умалчивают, но это и есть самая сильная вода! Вот как!

А в следующий раз отец О. и вовсе вознегодовал:

— Нет, — едва не кричал он, — всему есть предел! У меня женщина за свечным ящиком сидит, церковница. Записки поминальные принимает, свечи продаёт, на крещение да браковенчание записывает. Так я разговор случайно подслушал. Подходит к свечному ящику человек и спрашивает: «У меня жена очень больна. Скажите, кому тут лучше помолиться о её здравии? Может, можно у вас крещенской воды попросить?» А свечница наша в ответ: «Да зачем крещенской? А мочу вы не пробовали? Вы лучше мочу попробуйте. Рекомендую! Дюже от всякой хвори помогает». Вот до чего мы докатились! Полное мракобесие!

Как мы его ни утешали, как ни пытались перевести всё это в шутку, он ушёл подавленный.

А тут ещё диакон его, пожилой, только-только рукоположенный и подслеповатый, читая во время богослужения

Евангелие, неверно разглядев церковнославянские титулы, возгласил вместо «Дева родила» — «Данила родила».

— Эка! — возмутился отец О. — Данила, видишь ли, ему родила!

Но добило его вот что.

Отпевал он покойника в открытом гробу. Закончив, он направился было в алтарь, как вдруг с удивлением обнаружил, что на лице покойника оказался... блин.

— Это... что? — спросил он, сверкая очами.

Женщина возле гроба засустилась:

— Да это, батюшка, так, у нас в деревне обычай такой. Хороший обычай, церковный. У нас считается, что если этим блинком потом угостить священника, то он каждый раз, молясь за божественной литургией, волей-неволей будет поминать и нашего покойничка. Вечная память!

Этого уже отец О. вынести не мог. Пошёл в алтарь, снял облачение, затем подрясник, надел пальто, хорошее пальто, немецкое, кашемировое, шарф белый и вышел в ноябрьский дождь.

Идёт по улице — вид у него довольно-таки буржуазный в этой импортной добротной одежде, а с аккуратно подстриженными волосами и бородкой — так и очень светский. Но внутри у него — буря.

И так его этот случай с блинком пробрал, что он, отойдя уже на порядочное расстояние от храма, в этом своём, повторяю, респектабельном светском виде, взял и прямо на улице закурил, жадно затягиваясь. И вдруг:

— Ах, ты, оборотень, думаешь, тебя никто не узнает? Супостат окаянный, такой-сякой, рясу снял и бесу кадить? Ах ты, демонская сила, блудодей, сын погибели!

Он обернулся — перед ним стояла маленькая сухонькая старушка и грозила ему крошечным кулачком.

Он смутился.

— Между прочим, и во Франции, и в Греции православные священники курят, — примирительно сказал он.

— Я те сейчас покажу Грецию, вражья сила! — закричала она, да так, что проходящий мимо народ стал замедлять шаги.

— Румынский патриарх и тот курит! — в отчаянье возопил застуканный отец О.

— Скажите на милость: пат-ри-арх! — передразнила его старушка. — А ну, отец лжи, враг рода человеческого, изыди, лукавый, говорю!

И пристыженный отец О. вдруг струсил.

Он повернулся на каблуках и пошёл, пошёл, прибавляя и прибавляя темп, и наконец, побежал.

...После этого он стал появляться у нас всё реже и реже, фольклорных историй больше не приносил, ничем не уязвлялся, а всё больше грустно молчал, пока не произнёс знаменитую фразу:

— Да, если в нашей Церкви такие христиане, «от них же первый есмь аз», а она до сих пор всё стоит, то воистину это Церковь Христова!

...Вскоре он по болезни ушёл за штат и почти совсем пропал из нашего поля зрения. Лишь один раз, совсем недавно, я встретила его на улице. Он обрадовался и начал с места в карьер:

— А такое ты слышала? Священник обращается к иконописцу: «Вы не могли бы для нашего храма написать икону Спасителя?» А иконописец спрашивает: «Во славу Божию или как?» А священник, понимая, что тот таким манером интересуется, заплатят ли ему или же нет, отвечает: «Ну что вы, какая может быть слава Божья? Конечно не во славу Божью! За деньги!»

Я хмыкнула, а отец О., уже уходя, крикнул мне напоследок:

— А она до сих пор всё стоит! Церковь Христова!

Олеся Николаева

Хуже, когда батюшки, живущие на пенсии старушек, призывают их голодать, но новые паспорта и ИНН не принимать. Массонские знаки видят и в деньгах. Сам слышал.

Я спросил старушку, не позволяющую внучке оформить ей новые документы.

— А у вас на старом паспорте была звезда?

— Была.

— А Ленин на деньгах был? (10 и 25 рублей).

— Был.

— Тогда что вы беспокоитесь о новом паспорте? Вы уже давно погибли, давно в лапах Сатаны.

— Э-э! Как так?

— Звезда, перевёрнутая вверх двумя рогами знак победы Сатаны над человеком, а один рог вверх — победа человека над Богом. А Ленин прямо говорил: «Наш враг — Христос». Так что вы давно погибли. Такой паспорт имели, деньгами Антихриста пользовались.

Старушка серьёзно задумалась.

А местный батюшка потом очень сердито смотрел на меня.

Но спровоцировал он меня на спор заявлениями, что театр от беса. Очень не любил владыку Антония Блюма и даже не стал поминать его, когда владыка умер. Не поминал как неправославного.

На встрече с владыкой Антонием тоже один сердитый батюшка задавал вопрос о лицедействе актёров, получалось, что эта профессия не имеет право на существование. Владыка никак не мог уразуметь сути вопроса (ему в голову не приходило, что актёры — пособники лукавого). Он попросил батюшку потом подойти и «прочистить» ему (владыке) мозги, потому что он никак не может понять вопроса. Это происходило в Доме художника на Кузнецком мосту в 1988 году.

Как же нужна такая «Энциклопедия церковных суевений»!

Меня каждый раз на Вербное воскресенье тётки просят стегать их освящёнными прутьями – удача от Бога придёт.

Говоришь им :

– Это язычество.

– Как же, это умные люди говорят, бабки деревенские, родители.

А отношение к своим абортам – мелочи жизни. Все так делают. Сделала, покаялась – и нет проблем.

Вы задели больную мозоль, натёртое место. Целыми рассказами разразился.

Если будете составлять «Энциклопедию церковных суеверий», я готов Вам предоставить все мои «Записки церковного сторожа». Это был бы всенародный труд и, главное, просветительский. С Вами уже делится своими историями множество людей. Нужен добрый, большой, церковный писатель – такой, как Вы.

А корыто для домового! Когда переезжают в новый дом, просят домового сесть в корыто, читается молитва-обращение к нему, а потом корыто «с домовым» торжественно переносят в новый дом. Это мне как инструкцию рассказывала старушка-соседка с высшим образованием, работавшая на военном заводе, соблюдающая церковные праздники. Обращение к домовому – определённый чин, не импровизация. Наверное, люди, несущие корыто, видят невидимое.

Встречалась ещё с таким: когда крошки падают со стола, говорят: «Не поднимайте! Это – низшему духу!»

Из статьи «Крюковские посиделки»

Когда Игорь Борисович Померанцев умер в мае 1984 года, он парил на уровне паникадила в левом приделе храма Ильи Обыденного и потрясённый созерцал своё отпевание. Мы встретились с ним глазами.

Умирал Пантелеймон Иванович, открылась чёрная бездна. «Вот оно!» — подумал Пантелеймон Иванович. Я находился рядом с ним в одной комнате и вместе с ним созерцал этот космос.

Но умер он только через несколько часов, во сне.

Инок Никита после смерти не забывал нас. Когда мы встречались с Татьяной Дмитриевной на квартире, он присоединялся к нашему обществу.

Тем более, что разговоры шли о нём. Чувствовать Татьяна Дмитриевна ничего не могла, но как-то через сомнение, доверялась тому, что я говорил ей о приходе Никиты Вячеславовича. Первый год после своей смерти он не оставлял её своими заботами.

Один из знакомых Никиты Вячеславовича Игорь Борисович Померанцев удивлялся тому, что сколько бы ни выпил Никита Вячеславович вина, он никогда не пьянел. Обычно Никита Вячеславович приносил к застолью «тяжёлую артиллерию». Сам Игорь Борисович был очень дотошным человеком. Как-то автор этих строк сказал ему во время проведения Олимпиады в Москве, когда впервые появилась фанта и Игорь Борисович очень восхищался ею:

— Говорят, что это такая химия, что если на ночь в стакан с фантой опустить пять копеек, то наутро в стакане пойдут хлопья.

Игорь Борисович буквально всё исполнил и был очень недоволен, что никаких хлопьев наутро не было.

Если у Никиты Вячеславовича в православии был системный подход, он очень почитал Игнатия Брянчанинова, то у Игоря Борисовича православие окутывалось сказочно-мифологической пеленой. Он свято верил, что, когда о. Таврион (Батозский) утонул в реке, он два дня сидел на дне и читал Евангелие. Учитель Никиты Вячеславовича игры на фортепьяно Пантелеймон Иванович Васильев называл Игоря Борисовича «блаженным» или «наследником английского престола», поскольку кто-то из предков Игоря

Борисовича был некто Якоби, и он предполагал, что нити его родословной тянутся к английскому престолу.

Сам Игорь Борисович, прежде чем прийти к православию, прошёл через разные секты, в том числе и баптистов.

– На этих собрания мы пели хором: «Кровь Христа текла с креста!», а потом выпивали немного вина, налитого по маленьким чашам.

Ещё в детстве Игорь Борисович потерял отца, это было в годы революции, на «Нечаянную радость», почти на его глазах. Он был убит, когда в город вступали то ли белые, то ли войска очередного атамана (кажется, это было на Украине). Мать не могли найти, и братьев Игоря и Всеволода поместили в детский приют, который назывался «Очаг имени Троцкого» (в пионерских лагерях того времени детей активно поили ржавой водой, полагая, что она содержит много железа. Но оказалось, что это не то железо, которое усваивается организмом).

В молодости Игорь Борисович хорошо танцевал чарльстон, был душой компании, очень ценил похвалу женщин, был постоянным посетителем консерватории и особенно о религиозном пути не помышлял. Однако болезнь пресекла этот праздник жизни и заставила задуматься о бренности бытия и цели жизни.

При всём переживании бренности Игорь Борисович был большим барахольщиком и собирателем антиквариата. Он съедал испорченные куриные яйца, не позволяя себе их выбросить, зато в доме стояли бокалы венецианского стекла, а балдахин ложа украшали золотые херувимы. Дом был музейным хранилищем.

Игоря Борисовича хорошо знали в антикварных магазинах Москвы. Он был истово верующим человеком и постоянно ездил в Пюхтицкий монастырь, где его тепло принимали. Он свято верил в заговор масонов и побаивался евреев, воспринимая Сергея Нилуса как пророка. Игорь Борисович был прихожанином храма Ильи Обыденного, его духовником был о. Владимир Смирнов, а спутницей жизни, скорее опекуном, – бывшая медсестра Мария Владимировна Дриневич, духовная дочь о. Сергия Мечёва, жившая напротив храма Ильи Обыденного. Поэтому полжизни Игорь Борисович прожил на Остоженке. (В книге «Арбатская старушка» я упоминаю этот дом).

Игорь Борисович рассказывал:

— Я был таким страстным посетителем консерватории, что часто со страхом думал: ведь православие требует отказаться от всего ради Христа, как же я буду без консерватории, без музыки!? Нет, не могу. А потом пришло время и это как-то само отпало.

Он умер в 1984 году на «Нечаянную радость» и не мог знать, какой ответ дал о. Иоанн Крестьянкин иноку Никите, когда только что постриженное в монахи духовное чадо спросило: нужно ли рвать с музыкой?

О. Иоанн ответил, что рвать ничего не надо. Всё должно произойти естественно и органично. И хорошая музыка приближает к Богу. Только за два года до смерти тайный монах Никита Вячеславович Зволинский перестал играть на рояле, поскольку уже не слушались пальцы. Он умер в возрасте восьмидесяти девяти лет, в 1995 году.

Игорь Борисович любил бывать на домашних концертах в доме Казанских. Однажды одна из маленьких дочерей Марины Казанской сказала ему:

— Ты похож на нашего рыжего кота, — сконфузив своих родителей.

В этом же доме Никита Вячеславович давал свои фортепьянные концерты.

Явление Игоря Борисовича на даче

Вместе с Игорем Николаевичем Бируковым мы приехали на дачу умершего Игоря Борисовича Померанцева хлопотать об оформлении дачи в наследство. Дача находилась недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, так что мы постоянно слышали благовест. После смерти Игоря Борисовича возникли сложности, ведомственное начальство никак не хотело передать садовый участок жене Игоря Борисовича. По этому поводу мы и приехали. Когда вошли в дом, Игорь Борисович молился Богу, стоя перед бумажными иконами в красном углу.

— О, Игорь Борисович здесь, — сказал я.

— Неужели вы это чувствуете? — спросил Игорь Николаевич.

— Да как-то он сейчас здесь явно присутствует, — ответил я.

Мы распаковали наши сумки, поставили чайник и первым делом занялись трапезой. Попивая чай, обсуждали

наши дела. Игоря Борисовича поразило то, что я вижу его. Он пытался докричаться до меня:

– Серёжа! Серёжа! – и не мог докричаться.

Некая невидимая тонкая преграда разделяла нас. Я молча смотрел на него, но в присутствии Игоря Николаевича не мог обратиться к нему. Всё же не удержался, сказал Игорю Николаевичу:

– Игорь Борисович хочет докричаться до нас.

– Что вы говорите? – радостно заулыбался Игорь Николаевич, перекрестившись, посмотрел в пространство рядом с собой. И ещё несколько раз перекрестился.

Дело мы выиграли, дача стала жилищем святых старушек, домом молитвы. Не случайно молился Игорь Борисович.

Оскорблённая душа

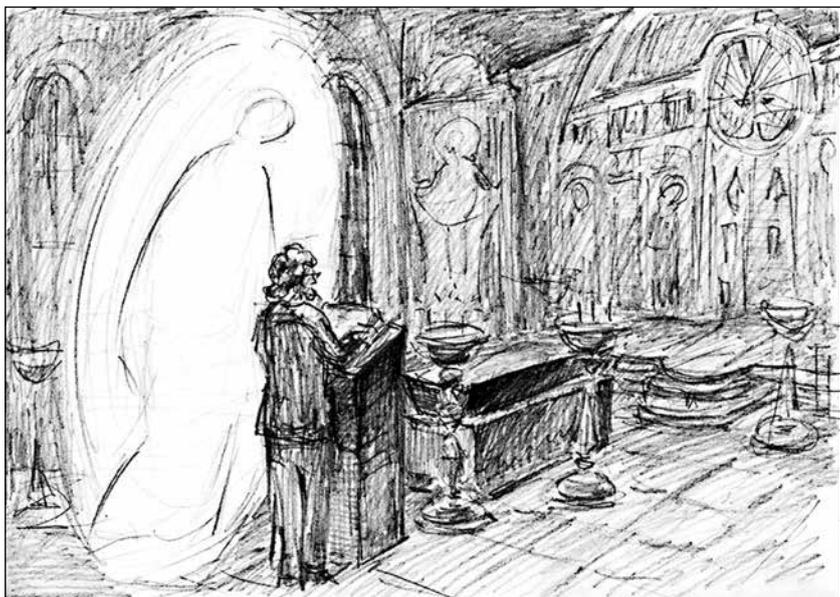
Покойница была очень красива. Открытый гроб стоял в Никольском приделе храма Воскресение Словущего.

На вечерней службе звучали пасхальные песнопения. Мой друг Евгений, церковный сторож с двумя университетскими образованиями (мехмат и биофак), ещё днём начал читать Псалтырь по просьбе родственников покойной, потом попросил меня читать за него (чинил электрику и сантехнику в храме), и мы закончили чтение где-то к середине пасхальной утрени. (Продолжалась Светлая седмица).

Рядом с гробом сидели сами родственники, два-три человека.

«Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» – разносилось по храму пение ликования и торжества.

Я вдруг стал видеть душу умершей, в радости парящей над Царскими вратами Никольского алтаря. Это было так реально, что я поделился своими переживаниями с Евгением. К моему изумлению, «сухарь и аналитик» Евгений тоже

начал видеть её. Мы захотели поделиться радостью с родственниками и стали указывать на парящую душу:

— Вон, вон видите?! Она, наверное, была добрейший человек у вас, что в таком свете пребывает!

Этого ни в коем случае нельзя было делать, тем более тыкать пальцами. Душа была оскорблена, словно мы увидели её обнажённой.

Родственники ничего не видели, немного смешались, но из вежливости кивали головой, пытаясь немного улыбнуться и изобразить на лицах радость и понимание.

— Неужели не видите?! — продолжали мы, но вскоре поняли, что нарушили тайну сокровеннейшего, о чём нельзя говорить другим. Наверное, душа женщины с плачем возопила к Богу, и Бог прогневался на нашу бестактность.

Ночью, когда храм опустел и мы остались одни, на нас напал ужас. Лицо покойницы было таким, словно её душа вернулась в тело и сейчас она встанет. Евгений, всегда спавший на дежурстве рядом с гробами (так он готовил себя к встрече со

смертью), испугался, как ребёнок. Я испугался ещё больше, чем он. Уйдя из храма подземными коридорами, мы забились в самые дальние уголки дома причта. Но и в полусне ужас не оставлял нас, было ощущение, что мы находимся на грани миров и эта женщина явится нам, грозно обличая нас.

Но Бог миловал. Гроб так и простоял открытым всю ночь. Утром после литургии женщину отпели, и душа её и тело покинули храм. Мы вернулись к «обыкновенной» реальности, получили деньги, но память о пережитом ужасе сохранилась.

16 апреля 2016

Из-за napоловину парализованной руки автор не смог изобразить сей сюжет и поместил рисунки явления умерших, сделанные раньше.

В день памяти мучеников Маккавеев благочестивые прихожане приносили на канон пачки мака, утверждая, что Маккавеев надо поминать маком. На трапезе обязательно должны быть булочки с маком. Зато шоколадные конфеты «Чародейка», принесённые на канон, попали под строгий запрет трапезницы храма. Она никому их не дала, полагая, что в них заложено колдовство, ведь не случайно называются: «Чародейка»! В ответ работники храма говорили, что нельзя есть конфеты «Мишка на севере», там мясо медведя. Но трапезница стояла на своем и конфет так никому и не дала.

Вечером, когда служба уже закончилась, в храм пришёл человек лет сорока с очень живыми глазами. Одет он был несколько экстравагантно, в чёрной бархатной куртке, в чёрных джинсах, золотые украшения на руках. В опустевшем храме он обратился ко мне с просьбой сказать ему, как надо подать записку

о поминовении умерших. Женщина, продающая свечи за ящиком, уже ушла, священников в храме не было, а человек именно в этот вечер хотел подать записку.

— Вы напишите записку с именами, положите на неё деньги, и я её сейчас отнесу в алтарь, а утром батюшка на литургии её прочитает.

Человек обрадовался. Очень долго пришлось объяснять, как надо правильно писать заголовок о упокоении рабов Божиих таких-то, таких-то. Человек дважды переписывал записку. Взяв этот листок вместе с деньгами и не прочитав, что там написано, я прошёл в алтарь и положил записку на стол рядом с жертвенником. Человек ушёл очень довольный. Уже на следующее дежурство алтарник спросил меня:

— Серёжа, а что, бандиты приходили?

— Почему вы так решили?

— Ну, это была ваша записка с деньгами?

— Да.

А там было написано: «Помяни, Господи, Подольскую братву» — и перечислялись клички: «Кольку Косого, Серёгу Дзюпу, Ваську Самосвала и т.д.» — но батюшка всех помянул.

Женщина говорит священнику:

— А у меня и грехов-то нет.

— Мы таких людей рисуем на стене храма, а вокруг головы чертим нимб, — ответил священник.

Истово верующая старушка, ревностно исполняющая все предписания Церкви, Зоя Васильевна Киселёва кается своему духовнику о. Всеволоду Шпиллеру:

— Батюшка, я непослушна, у меня нет послушания.

— Кого вы не слушаетесь? — спрашивает о. Всеволод, — Леонида Ильича Брежнева?

Пенсионерка задала вопрос:
— Неужели вы верите, что мужчины могут рожать?
— ?!
— Ну как же, в Библии написано: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...»

В храм пришёл человек огромного роста с огромными глазами. Обратившись к настоятелю, он сказал, что работает богом и хочет устроиться на работу в церковь. Настоятель ответил:

— Это не к нам. Тогда это вам надо на небеса.

Человек ушёл умиротворённым.

Записки церковного сторожа

Наследственность

О, это вовсе не чистый лист — нет, нет и нет!
а рукопись — мелко исписанная — шелестит,
чревовещает анамнезом: у дедушки — диабет,
у бабушки — варикоз, у сестры её гепатит,
а там ещё и невроз, и суицидный синдром —
говорят, предок по материнской линии в третий раз
резал вены стилетом, и вдруг, как гром
грянул голос весьма таинственный, сверкнул серебром:
«Ты меня оскорбляешь, о свинопас!»

...Окно было распахнуто в пустынный сад.
Дверь заперта. Лишь занавеска дышала едва-едва.
И с ветхозаветным ужасом проплывала над —
луны безногая голова.
И, по преданию — он тут же упал — ниц
и помчался устраивать Богу праздник в пустыне
и там, в скиту,
пел хвалу на наречье ящериц, на диалекте птиц,

и на струне мошкары, клубящейся на свету.
И потомок его несмысленный подносит руки к устам:
что же это там за кузнечик стрекочет, кипит, горяч?
В жаркой бурной крови — да что за оркестр там?
В мышце — победный гимн, в лимфе — прощальный плач?

«О, это вовсе не чистый лист — нет, нет и нет!» — родословная, наследственные болезни — «у дедушки — диабет, / у бабушки — варикоз, / сестры её гепатит, / а там ещё и невроз, и суицидный синдром».

Кстати, отмечают специалисты по Ветхому Завету, что «родословная» Христа по «человеческой» линии пугающая, хватает людей, совершивших большие преступления. Тот же царь Давид «прелюбодейство убийством растворяет», но потом принесшим покаяние.

«Предок по материнской линии в третий раз / резал вены стилетом, и вдруг, как гром / грянул голос весьма таинственный, сверкнул серебром: / «Ты меня оскорбляешь, о свинопас!»

Самоубийство, если оно совершается не в помрачении ума, подобно тому, как Дарителю, Богу, бросали бы дар, жизнь, в лицо.

«Окно было распахнуто в пустынный сад. / Дверь заперта. Лишь занавеска дышала едва-едва. / И с ветхозаветным ужасом проплывала над — / луны безногая голова».

Олеся словно присутствовала при этом событии.

(Соседки по угличской деревне, сёстры, рассказывали, как трижды вытаскивали отца из петли, один раз уронили так, что он ударился о батарею, лежал в больнице.

Потом взмолился:

— Галя, Оля! Не вытаскивайте меня из петли! Если бы вы знали, как трудно, страшно лезть в петлю!

Но они упустили отца. В Великий Четверг плясали на свадьбе в ресторане, а он в это время и повесился. Это так, к слову. Лирическое отступление).

Но Олеся «едва дышащей занавеской, и проплывающей безносой головой» передала атмосферу ужаса и трагедии.

«И, по преданию — он тут же упал — ниц / и помчался устремлять Богу праздник в пустыне / и там, в скиту, / пел хвалу на наречье ящериц, на диалекте птиц, / и на струне мошкары, клубящейся на свету».

Попал в когорту избранных, в компанию Марии Египетской, Павла Фивейского, и других пустынных. Таково действие призвания Божия. Полный переворот в жизни, как у гонителя христиан Савла.

«И там, в скиту, / пел хвалу на наречье ящериц, на диалекте птиц, / и на струне мошкары, клубящейся на свету».

Всякое дыхание да хвалит Господа. А вот строчки письма преподобного XX века иеромонаха Павла Троицкого:

«Что же касается меня, то мне остаётся только: очень редкие службы, чётки, Ваши проповеди [о. Всеволода Шпиллера] и всё. Живём очень тихо, мирно, далеко в лесу, и всегда с нами Божественная красота. Как много в миру всяких скорбей и всего прочего, а иногда и просто пустого».

Олеся со знанием дела описывает жизнь в пустыне, в скиту:

«И потомок его несмысленный подносит руки к устам:

что же это там за кузнечик стрекочет, кипит, горяч?

В жаркой бурной крови — да что за оркестр там?

В мышце — победный гимн, в лимфе — прощальный плач?»

Недоумевающий потомок смутно догадывается, что дело во внутреннем устройении. Подобно как два провода, внешне ничем не отличающиеся один от другого. Но по одному пущен ток, он носитель энергии и света, а другой пустой.

Так и люди, одни исполнены благодати Божией, творческой энергией, как Олеся, другие пусты, ходячие мертвецы.

По слову Христа: «Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». Олеся! Я скоро благодаря Вашим стихам буду произносить проповеди. Хотя в восьмидесятые годы в алтаре во время литургии мне приходилось писать проповеди для батюшки в Долгопрудном по его просьбе. Тезисы.

Спасибо, Сергей! Я о другом: в связи с Вашим рассказом, как дедушку несколько раз вытаскивали из петли, и он так и не смог повеситься. В литинститутском общежитии жил один студент (поэт), который решил повеситься от несчастной любви. И он закинул верёвку за крюк в потолке, накинуд на шею петлю и... шагнул. Но верёвка оборвалась, он рухнул вниз, выбив при этом себе обтумбочку три передних зуба. Все дальнейшие его страдания были связаны с тем, чтобы вставить себе эти передние зубы, что оказалось делом очень долгим и дорогостоящим. А любовные страдания как-то сами рассосались.

Пришлось в скобках вставлять, что преподобный пишет о проповедях о Всеволода Шпиллера.

Похоже, темой попыток самоубийства Вы отвергаете новый вулкан народных воспоминаний.

Так повесился «дедушка», когда во время чтения двенадцати страстных Евангелий дочери отплясывали в ресторане на свадьбе. Они так и говорили: «Вот нас Боженька и наказал».

Говорят, какой-то парень выбрасывался из окна и упал на женщину. Женщина погибла, а парень остался жив.

Баронесса Корф

К нам баронесса Корф судьбою дерзкой
занесена была, и снег имперский
ей сердце грел и просветлял черты.
Она могла блаженно и беспечно
блуждать с метелью, повторять: «Конечно,
мы гибнем от тепла и духоты!»

Возможно, где-то в Средиземноморье
меж знойной охрой и сквозной лазурью
вдруг духота сгущается, и мгла

сражает путника; иль в корсиканской страсти,
в испанских играх, в душевной жажде власти
сгорают сердце пылкое — дотла.

Иль там — в немецком мире позитивном,
в английском здравомыслии спортивном,
в духах пахучих, в мареве котлов —
есть свой резон душою угорелой,
пути не разобрав, в метели белой
бежать на дуновенье, как на зов.

А вы об этом здесь — в таких сугробах:
сквозняк навывлет, и мороз, как обух!
Вы ж — нараспашку, словно на духу.
И в Петербурге и у лесосплава
сплошной занос — налево и направо,
и рубят лес подряд — в щепу, в труху.

Конец приходит вашей русской драме,
балам, бунтам, поджогам с холодами,
и прошлое теряется в крови...
Зачем твердите вы светло и властно,
что лучшая защита от соблазна
есть пелена страданья и любви!

Я так и вижу вас под чёрной елью,
под плотным снегом, под страстной метелью, —
вы всё светлей, хотя уже насквозь
снег повалил страдальческой юдолью.
Вы смотрите с какой-то нежной болью
на лютый край, где жить вам довелось.

1986

«... Сквозняк навьлет, и мороз, как обух!» — Убиться веником!

*«Иль там – в немецком мире позитивном,
в английском здравомыслии спортивном,
в духах пахучих, в мареве котлов –
есть свой резон душою угорелой,
пути не разобрав, в метели белой
бежать на дуновенье, как на зов».*

Отблеск «Евгения Онегина»:

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный!
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осмнадцать лет.

Здесь Олеся пока гениальная дочь Пушкина, но ещё не Олеся-Олеся, какова она в прозе. В прозе она только Олеся!

Александр Шипицын: Сергей, нет! В своих стихах Олеся только Олеся. Ритмов, размеров в поэзии не так уж много, всё дело в сердцебиении, глубине души и духе стихотворения. Представьте себе, сколько в 80-х, 70-х у Олеси было соблазнов шагнуть за теми, кто собирал стадионы и создавал моду на себя. Олеся тогда была собой и остаётся собой

сегодня. А влияние Пушкина... Из настоящих поэтов разве есть не его ученики?..

Потому и «дочь Пушкина»! [(Дщерь)]

Стихи-то о трагической судьбе.

Сталинское: «Лес рубят — щепки летят» — кровавые щепки, человеческая жизнь для «строителей социализма» в фуражках НКВД — только щепка.

Просто так красиво, по-пушкински написано стихотворение, да и год написания его 1986, ещё советский; не сразу проникнешься, что «сплошной занос — и налево и направо», это и конвой, может быть, и политический уклон от линии партии, и тогда людей превращали в труху. Это уже отразилось в стихах фильм «Покаяние».

В стихотворение есть героическая, благородная женщина, оставшаяся аристократкой духа в годы торжества ГУЛАГА.

Неподъёмный камень

Рассказ из нового дополненного издания книги «Небесный огонь»

Чуть больше года назад ко мне в институт пришёл мой бывший студент, некогда изгнанный со второго курса за академическую неуспеваемость. Тогда это был молодой человек, очень непосредственный и живой, «народный», не без поэтических способностей, и я, со своей стороны не имея к нему никаких претензий, относилась к нему с симпатией.

Однако, как уверяет нас стихотворение для детей, «во время пути собака могла подрасти». Теперь передо мной стоял здоровенный лохматый мужик с красным лицом, на котором отпечатались многолетние спиртные злоупотребления, ну — и что сказать? — форменный бомж.

— Олеся Александровна, — произнёс он радостно. — Я — вернулся! Хочу восстанавливаться в институте, а то у меня в Запорожье отняли жильё, выгнали на улицу, а в Москве мне

жить негде. В общежитие Литинститута пустили всего на одну ночь! Поможете мне?

— А сколько вам лет? — спросила я, прикидывая, когда видела его в качестве своего студента в последний раз.

— Сорок, — признался он.

— Так вас на очное отделение уже по возрасту не возьмут, а насчёт заочного я, конечно, поговорю с ректором.

— Э, нет! Заочное мне не подходит — в общежитии-то мне не разрешат поселиться, разве что во время сессий. А мне надо Москву покорить. Стихи по журналам разнести, книгу издать, на радио попасть, на телевидение. Почитайте — вот!

И он протянул мне помятые листки с отпечатанными на них строками.

Так и исчез.

Я прочитала его листки — за двадцать лет он так и не научился как следует рифмовать — так, чтобы рифма звучала органично и сама вела стихотворение, написано было небрежно и коряво. Но это была не стилистически выверенная корявость, которая умышленно царапает и слух, и сердце читателя, а корявость от досадной поспешности, когда всё тьяп-ляп: много неточных слов, лишних строк.

Прошло месяцев восемь, и вдруг я читаю в фейсбуке у своего «френда»-поэта тревожную запись о том, что этот мой бывший студент, которого он видел ещё совсем недавно у трёх вокзалов и которому привозил тёплую одежду, напроць пропал. И он боится, не случилось ли с ним чего трагического. Ведь тогда, у вокзалов, их отовсюду гоняли полицейские, которых он по-прежнему называл «менты».

Я откликнулась на эту запись, в переписку втянулись ещё несколько человек, пошло обсуждение, каким образом можно найти пропавшего, были советы даже поехать дежурить возле трёх вокзалов — авось, отыщется. И тут один из сочувствующих — профессор филологии московского университета — предложил свою помощь: в случае, если мы найдём бедолагу, он готов отвезти его в Подмосковье, на приход

к чудесному священнику, который собирает у себя и кормит бездомных, водит их на богослужения, учит, как жить по-христиански, и они постепенно обретают человеческие черты и восстанавливают в себе образ Божий. Одна была загвоздка: как же всё-таки пропавшего отыскать?

Я предложила за него помолиться — бывает такое, помолишься за кого-то, кого давно не видел, так он вдруг и откликнется. Кто-то на моё предложение хмыкнул, кто-то подшутил, во всяком случае, моё предложение не вызвало энтузиазма, отнеслись к нему весьма иронически. Ну да ладно, а я всё равно подала за бывшего своего студента заказную записку на литургию. И что же? На следующий же день он объявился, о чём я и сообщила всем, кто его разыскивал.

Мы договорились встретиться с ним у меня на кафедре, и к нам захотели присоединиться, во-первых, тот «френд»-поэт, который первым забил тревогу, а во-вторых, тот профессор, который предложил свою помощь. Бывший студент мой был примерно одного роста с моим мужем, примерно такой же комплекции, поэтому я насобираала целый чемодан вполне добротных и хороших вещей — куртку, ботинки, пиджак, свитер, рубашки, футболки, даже носки. Положила туда ещё и всякие гигиенические средства — мыло, зубную пасту, расчёску, зубную щётку, да нашла у себя и старый мобильник, вполне себе пригодный для дальнейшего использования. Прихватила кофе с чаем и печеньем, чтобы мы все вместе, расположившись для разговора на кафедре, могли заморить червячка. С тем и выгрузилась в институтском дворе.

Вскоре пришёл профессор, который принёс копчёную курицу для нашего голодающего, а за ним появились и «френд»-поэт с бывшим студентом. Вскипятили чайник, сели вокруг круглого стола, разложили на тарелке курицу, и бедолага, обглядывая косточки, повёл свой печальный рассказ.

Итак, ночует он с другими бомжами в каком-то заброшенном доме без отопления, а днём ходит отогреваться в ближайший

«Макдональдс», где покупает кофе и, сидя с ним там целый день, пишет на салфетках стихи...

Как только в его речи образовалась пауза, профессор вставил своё словцо:

— Я готов вас хоть завтра отвезти в замечательное место, я сам туда уезжаю время от времени — Подмоскowie, лес, чудесный храм, удивительной доброты и мудрости священник... Вас там будут кормить, содержать в тепле и чистоте, дадут постель, может быть, свою келью... А вы будете писать стихи, ходить в храм и выполнять какую-нибудь непыльную работу — курочек кормить, плетень подправлять, словом, — поддерживать чистоту и ухаживать за собой...

— Что? — неожиданно возмутился мой бывший студент. — Курочек? Кормить? Я? Да вы что! Я в Москву не за тем перебирался, чтобы где-то там на селе пасти курей! Моё призвание — поэт! Я вот сейчас могу вам подарить автограф со своим стихотворением, и вы через несколько лет сможете продать его за миллионы!

Мы притихли и переглянулись.

— Ну да, ну да, поэт, — закашлявшись, мягко проговорил профессор, — но я ведь и говорю, что там ничего не мешает писать. Я сам иногда туда уединяюсь и работаю... А что плетень подправить или во дворе лопатой снег покидать, поразмяться, так это даже приятно. Я вам обещаю: я вас довезу до места, собственноручно передам батюшке, замолвлю за вас словечко, чтобы вас особенно не обременяли трудом...

— А как повезёте? На машине?

— На электричке. А потом — на автобусе.

— Нет, на электричке мне что-то неохота. И потом — как меня там запрут, так и не выпустят. Это же как на зоне. А если я захочу оттуда уехать? Я же приехал в Москву не для того, чтобы гнить в неизвестности где-нибудь в Подмоскowie.

— Пожалуйста, в любой момент вы можете сами покинуть это место, — откликнулся профессор. — Если вам будет трудно уехать самому, вы мне звоните, и я в течение двух дней за

вами приезжаю и — пожалуйста — доставляю вас прямёхонько в столицу. Никто вас там насильно держать не будет.

— А как я буду завоевывать Москву? Не для того я родился, чтобы дворы чистить от снега. Моё призвание — это писать...

— Тьфу, — плюнул мой фейсбучный «френд»-поэт. — Пойду я. На работу опаздываю. Каждый день на службу хожу!

Я вышла следом за ним.

— Знаешь, — сказал он, — у меня всякое в жизни случалось: и на чердаках я, бывало, ночевал, подстелив газетку, и выпивал без меры, но никогда я не позволял себе, чтобы от меня дурно пахло. А он — ишь какой! — вошёл, так хоть нос двумя пальцами зажимай... «Я не для того родился, что вот так работать!» — передразнил он.

Меж тем наше скромное застолье подошло к концу, я отдала бывшему студенту вещи, которые он придирчиво рассмотрел на свет и перебрал, что-то даже и забраковал, а остальное увязал в большой тюк: чемодан ему был не нужен. Затем, обратившись к профессору, сказал:

— У меня что-то спина болит. Не донесёте ли вы мне эти вещи хотя бы до метро?

И тот — человек уже немолодой, невысокого роста — взвалил на себя этот тюк и, согнувшись, направился вслед за этим бугаем — моим бывшим студентом — к метро.

— Ничего, — сообщил он мне вечером по телефону, — я ему по пути ещё про этот церковный приход порассказал, может, он и согласится. Обещал позвонить, если надумает. Но вообще-то — помните этот классический вопрос: может ли Бог создать такой камень, который Он Сам не смог бы поднять? Ну, и ответ: может, это человек с его свободной волей. Так вот я вам скажу — неподъёмный какой-то камушек этот ваш студент.

А через несколько дней у меня в трубке раздался голос:

— Олеся Александровна? Это я, студент ваш бывший. А что вы думаете про этого профессора? Мне тут одна знакомая

бомжиха нашептала, что это так заманивают людей, чтобы разделить их на органы. Привезут, потом опоят чем-то, усыпят, а просыпаешься — и ты уже без почки, без печени, а то и без глаза. Так что не поеду я никуда.

ТЬФУ! Я едва не плюнула от досады! Сама идея, что кто-то может польститься на отравленную алкоголем печень или почку этого синюшно-красного, траченного жизнью дураля, была бы просто смешной и вдвойне комичной, если в роли таких посредников по продаже человеческих органов представить этого почтенного профессора и меня вместе с ним, если бы не лишала надежды всё же ему помочь.

— А вы листочки, которые я вам в прошлом году подарил, храните у себя, — дружественным тоном продолжал он. — Скоро вы сможете здорово разбогатеть, продав их на аукционе за пару европейских миллионов. Чувствую, богатство и слава уже не за горами!

Олеся Николаева

Бессмертная «Сказка о рыбаке и рыбке». Олеся — «золотая рыбка», «старуха» — лохматый студент с красным лицом.

Только вместо желания быть царицей во дворце требование быть царём в журналах и издательствах. Классика.

Очень много живых штрихов. Профессор — «добрый лопух», благодетель, ангел сего бомжа. Но «сыны века сего догадливее сынов света в своём роде». Использовал его, как ослика.

Однако получилось, что этот рассказ не об одном только отдельном человеке, и его судьбе, выборе. Думается, это вообще о всех нас, об отношении человека и Бога. И поэтому рассказ вызывает отклик. Я могу в этом рассказе увидеть и себя. Обстоятельства моей жизни, выбор, который я делал, пока не обрёл духовника, очень похожи. От Бога подаются дары, а я недоволен и требую большего и даже не думаю смиряться.

Рассказ написан с большим сердечным сочувствием и теплотой. Касается сердца.

Михаил Павлов: Отличная история, мне очень понравилось! Хотелось бы и мне с ним познакомиться. Очень! Потому что, на мой убогий взгляд, этот «студент»-поэт заслуживает сочувствия и даже некоторого уважения за свою беззаветную преданность поэзии.

Графоман он или нет – вопрос третий... Но он платит за верность своей звезде (своей гордости?) своей же реальной – и единственной! – жизнью: холодом, голодом, бездомностью, драками с бомжами, побоями от «ментов» и т.д. И всё это ради энного количества строк на «бистрошной» салфетке.

А мог бы помыться и в альфонсы пойти или в дворники, или в карманники... Многие ли из нас способны отказаться от личного комфорта, карьеры, статуса ради призрачной перспективы написать однажды «Я помню чудное мгновение».

Всякий человек, а тем более такой безбашенный, – загадка. И мне очень хотелось бы однажды услышать, что же всё-таки получилось из этой судьбы? «Праведность праведного не спасёт в день преступления его... и беззаконник не падёт в день обращения от беззакония своего». Так помогай ему Бог, этому сумасшедшему Вашему студенту, дорогая Олеся Александровна!

Сергий Михаилу Павлову: Вы написали свой вариант рассказа. Не работали Вы церковным сторожем. Благодать! Как каторга для Достоевского!

Надежда Помогаева: Работать сторожем – каторга?

Сергий: Достоевский пишет, что там он человека понял. Не помню, какому писателю он с самым добрым чувством сказал: «Эх, вас бы на каторгу!»

Артемий Баландин: Очередная придуманная история. Жаль. Я думал, будет что-то жизненное.

Олеся: Абсолютно непридуманная! Мало того, один из участников тех событий тут её и комментирует, но скрывает своё присутствие.

Артемий Баландин: Ну раз так, то здорово. Но только всё равно нежизненно. Розовые слоники. Обычно всё по-другому.

Сергий: Как бывший церковный сторож подтверждаю: история жизненная. Каждое дежурство с таким сталкивались. Олеся облекла это в поэтическое слово и дала «обыденной истории» сверхжизнь.

Ксения Сочилова: Какая чудесная история! Как раз собиралась свою написать. Мы с мужем год кормили, поили в нашем подъезде бомжа и его подругу. Пожалели бывшего соседа, которого выгнали родственники. Он нам такие же кренделя выписывал, и на ферму мы его также собирали, и с милицией за него воевали, и с участковым, чтобы хоть какое-то удостоверение личности ему получить. В итоге заплатила денег, умолила чиновниц и сделала ему паспорт. Через неделю к нам заявила полиция, наш красавец с подругой решил воспользоваться своими вновь обретенными гражданскими правами и написал заявление в милицию, что мы его избиваем. Вот на днях опять объявился, к холодам.

Олеся: Ох, дорогая Ксения! И у меня ведь были истории, подобные Вашей! Как-то раз я скрывала в своём доме (в Печорах) своего студента, который сбежал из родного города, дав подписку о невыезде в связи с возбуждением уголовного дела. В конце концов его поймали (случайно, по его глупости), посадили, мы всем институтом писали, чтобы помиловали «нашего нового Серёжу Есенина», «нашу национальную гордость», ну, его и освободили условно-досрочно.

После чего он обокрал какого-то антиквара и снова угодил в тюрьму. Но это общая канва, а там — тоже было, что он рождён исключительно «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв» и что он не ест макароны, потому что они «на червей похожи», а картошечку любит обязательно с «поджарочкой».

Сергий: Одна история лучше другой. Как «Сказки тысячи и одной ночи». С ограбленным антикваром показалась даже более выразительной. Но, наверное, её не напишешь с той любовью и теплотой, как Вы это делаете. А без любви это милицейские хроники.

Олеся: Ну, Есенин из этого бедолаги не очень получился, но старались «всем миром»: даже монахи Псково-Печерского монастыря участвовали в его спасении и творческом возрастании. Он пришёл почитать свои стихи. Я запомнила две строчки, которые мне очень понравились: «Я искал тишину, а нашёл старшину».

Сергий: А у меня крюковский сюжет. Старушка захотела репетировать свои похороны, чтобы восемь кошек, которых она завещает родственникам и детям, не разбежались во время похорон.

Олеся: Ну, Сергей, у Вас что ни день, то новая история!

Сергий: Сказочный островок это Крюково!

На чердаке церковного дома проживал старый бомж. Люди видели, что он больной, и его подкармливали. Он прожил на чердаке года два, несмотря на все усилия старосты согнать его оттуда. Виктор считал себя председателем какой-то неведомой партии, готовился к захвату Кремля, говорил, что или ему, или Ельцину, но одному из них не жить. И когда Ельцина

убьют, Виктор въедет в Кремль и займёт его место. И тогда начнётся возрождение России. Виктору резонно замечали:

— А если убьют тебя, тогда Ельцин въедет на твой чердак.

Записки церковного сторожа

Деньги

Давно я уже не летаю, словесных миров не леплю,
я мысленно деньги считаю, которые я накоплю.
О, скользкие эти ступеньки, потёмки при мутной луне...
Молчите, проклятые деньги! Не надо нащёптывать мне!

Гнать жар по артерии сонной, взбивая послушную ртуть,
и душной болезнью кессонной под утро садиться на грудь.
И скармливать ум «долче вите», и вешать на выю ярлык...
Проклятые деньги, молчите! Вам аспиды дали язык!

Вам дали язык прощельги, добавив свинцовых чернил,
скажите им, верные книги! Мефодий, скажи им, Кирилл!
Скажите, небесные птицы и лилии, всё ли сбылось?
Когда-нибудь вам богатиться
иль нить, прибедняясь, пришлось?

Вы, лучшие люди, под взглядом
лукавого — чур меня! чур! —
скажите, — как фантиков с ядом, касались вы этих купюр,
и как за незримые нити вас дергать пытались, а вы:
«Проклятые деньги, умрите!» —
кричали неслышно, — увы!

Почему-то всплывает в памяти ритм «Хорошая девочка
Лида» Ярослава Смелякова.

«Давно я уже не летаю, словесных миров не леплю, / я мысленно деньги считаю, которые я накоплю».

«Там царь Кащей над золотом чахнет».

«О, скользкие эти ступеньки, потёмки при мутной луне... / Молчите, проклятые деньги! Не надо нащёптывать мне!» — А это Скупой рыцарь спускается в свой подвал.

«Гнать жар по артерии сонной, взбивая послушную ртуть, и душевной болезнью кессонной под утро садиться на грудь.

И скармливать ум «долче вите», и вешать на выю ярлык...

Проклятые деньги, молчите! Вам аспиды дали язык!»

Можно задохнуться, отравиться, как ртутными парами, только читая эти строки. Какая тяжёлая жизнь у богатых!

Да ещё «свинцовые чернила» — пули от прощелыг, разговаривающих языком пистолета.

«... скажите им, верные книги! Мефодий, скажи им, Кирилл! / Скажите, небесные птицы и лилии, всё ли сбылось? / Когда-нибудь вам богатиться / иль ныть, прибедняясь, пришлось?»

Нагорная проповедь о птицах небесных и о лилиях, которых одевает Бог так, как и Соломон во всей красе не одевался. Не заботьтесь.

Христос и Пушкин — два главных учителя Олеси, даже не Гомер. Хотя часто Гомер наполняет собою творчество Олеси, дополненный тягучим мёдом былин. «Блюдо» получается потрясающим!

«Вы, лучшие люди, под взглядом / лукавого — чур меня! чур! — / скажите, — как фантиков с ядом, касались вы этих купюр, / и как за незримые нити вас дергать пытались, а вы: / «Проклятые деньги, умрите!» — / кричали неслышно, — увы!»

Не совсем понятно «увы». Недостаточно громко, чтобы противостоять искушению? Сребролюбие называют началом всех пороков, наряду с ленью. «Увы» как невозможность противостоять? Доброго, которого хочу, не делаю. А злое, которого не хочу, — делаю. Тогда получаются очень жизненные стихи, драма, как по Достоевскому. Ртуть в артериях и свинцовые чернила запоминаются. Очевидно, это

стихотворение девяностых годов, тогда пары ртути и свинца витали в воздухе. Немного давящие стихи, не порхаешь после них, как бабочка. Передали жизнь тех лет.

«Кричали неслышно – увьи!». Нет, стихотворение недавнее. А размер – регулярный амфибрахий: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои».

Церковному нищему не продали свечу, поскольку он зашёл в храм пьяным. Тогда нищий свернул трубочкой бумажные деньги, поджёг их и этот факел поставил на подсвечник вместо свечи. Широкая натура. Однако окружающие этого не оценили и выгнали нищего обратно на паперть, просить подавание.

Записки церковного сторожа

Анна с Марьей

Всё бы Анне в полях лежать,
всё бы ей в небесах валяться,
всё б соломку в зубах держать,
за соломинку б всё держаться...

Всё бы Марье бродить-гулять,
завоёвывать косогоры,
всё доказывать-умолять,
руки выпростав, пряча взоры...

Анна чуть замедляет шаг,
Марья твёрдо идёт, упруго:
только женщины могут так —
всею жизнью — взглянуть друг в друга!

Обе — гордым горят лицом,
на улыбку уста закрыты...
Да Андрюшенькой-подлецом
сшиты намертво, насмерть сбиты.

1984

Чуть возникает помышление — уж не сёстры ли? Но вряд ли Андрюшенька-подлец соблазнил бы обеих сестёр. Я так понял об Андрюшеньке.

Горячие чувства автора в защиту, сострадание за таких прямо противоположных по характеру девушек. Марфа и Мария.

Характеры разные, а подлец один. И, похоже, они за этого подлеца борются. В стихах не продолжена эта тема, он их бросил обеих или продолжается соперничество.

Хорошо показано различие девушек — одна валяется в небесах — замечательно! — другая штурмует косогоры. У одной улыбка на устах, губы сжаты у другой. А любят одного. Не очень полно очерчен Андрюшенька, сказано, что он подлец. Но в какой-то степени и Дон Жуан был подлец, а какая колоритная натура! Остаются загадки в этом стихотворении. Это скорее вступление к большому произведению, интригующее.

«...Сшиты намертво, насмерть сбиты» — это, пожалуй, самые сильные, неожиданные, драматичные строчки в этих стихах. То, что соперницы-жертвы «сшиты намертво».

Можно только ждать продолжения этих стихов, кульминации, потому что кульминации в сих строчках нет. Только сильный музыкальный удар в последних тактах.

Раздразнили читателя. (Конечно, противоположные характеры подруг отсылают к евангельским сёстрам Марфе и Марии. Они такие же разные, и у каждой по-своему проявлялась любовь к Учителю).

Филиппика

Мне от песен твоих аморрейских —
ну такая тоска! Словно нет
под луною занятья никчёмней,
чем унылые вирши слагать.

Чем так пыжиться, так пустословить
гнать пургу и пускать пузыри,
и лукавое блюдо готовить
с тараканом и мухой внутри!

И не взыщет никто за отраву
откровений гнилых и потех;
и кикимора празднует славу
всех ничтожеств, бездарностей всех!

И справляет победу всех ботов, —
свояков, закосивших в миру
под арт-дилеров, под текстоплётгов,
шоуменов и прочих гуру.

Как они средь людского базара
растворились! И не отличишь
завсегдаев клуба и бара
от шишков, шевелящих камыш.

В этих приспособленьях житейских
не приметны различья на вид,
но от песен таких — аморрейских —
правоверную душу кривит.

Оттого-то она полуночно
свой выводит закон. Решено:

всё ничтожное — тайно порочно,
всё бездарное — явно грешно.

Родилось новое изречение, фраза, которая может войти в любую пьесу Шекспира, Чехова (к которому Олеся Александровна относится достаточно сдержанно), или украсить «Горе от ума» Грибоедова: *«всё ничтожное — тайно порочно, / всё бездарное — явно грешно»*. Фраза потрясающе звучащая бы в песенном исполнении, нерв песни, если бы стихи были бы и другими, и другого автора. Это уже цитата классики.

*«В этих приспособленьях житейских
не приметны различья на вид,
но от песен таких — аморфрейских —
правоверную душу кривит»*

Очень муторно Олесе Александровне, но она эту муторность выражает интеллигентным поэтическим языком, на высоком уровне. Но песенное звучание, ритм стихов вызывают «призрак» песни Ножкина «А на кладбище всё спокойненько»:

«Вот, к примеру, захочется выпить вам,
А вам выпить нигде не дают
Все скрипят да грозят вытрезвителем
Да в нетрезвую душу плюют».

Да простит меня Олеся Александровна за испорченное восприятие, такие ассоциации. Хотя предыдущие строчки к ним подталкивают:

*«Как они средь людского базара / растворились! И не отличилась /
завсегдатаев клуба и бара / от шиликов, шевелящих камыши».*

*«И не взывает никто за отраву / откровений гнилых и потех; /
и кикимора празднует славу / всех ничтожеств, бездарностей всех!»*

Болото грехов, дурман страстей, наркотические, как от ядовитых грибов, откровения.

Почему-то грешным делом вспомнилось и нынешнее присуждение Нобелевской премии гитаристу. Недоумение.

«Чем так пыжиться, так пустословить / гнать пургу и пускать пузыри, / и лукавое блюдо готовить / с тараканом и мухой внутри!»

Плохо Олеся Александровне, никогда она так не жаловалась. А может быть, бездарные студенты её «достали» или полемика в интернете? Не выносит «бабочка» — душа поэта — тараканов и мух. После сих переживаний остаётся только напиться, но это «не наш метод», нельзя. Сочувствую и молюсь.

Пленник

Пленный солдат не глядит в упор,
косит — и ни ме, ни бе.
Но чует печёнкой, что этот спор
идёт о его судьбе.
Один охранник — белый, седой:
— Нехай валит домой!
— В расход его! — говорит молодой. —
Зароем, и с глаз долой!

За складкой ночи, сырой стеной,
за хрупкой сетчаткой глаз,
за чуткою перепонкой ушной
решается всё сейчас!
За далью неба, там, где пасут
духи — наш овчий двор,
едва ль не с рожденья наш длится суд,
выносится приговор.

Один — смотрящий — не ест, не спит:
— Ослабь, говорит, ремни!
А другой говорит, другой говорит:
— Потуже всё затяни!
Железом, жостью, ржавью, фольгой

жизнь схвачена в каждом шве...
Один говорит, говорит другой
у пленника в голове.

...Когда же откроешь ты третий глаз,
услышишь ты третий глас:
ни вправо, ни влево, — тебе тотчас
откроется тайный лаз.
Но сам себе не дай слабину,
себе не черти черту,
спускаясь в самую глубину,
летающую в высоту.

Прочитав о тайном лазе, не мог не вспомнить Танечку, которой являлся Ангел. Там шла речь о конкретном лазе. Прошу прощения, что забираю пространство, но просто иллюстрация к Вашим стихам.

Проповедуя, Танечка совершала большие переходы пешком, иногда её подвозили на машинах. К «блаженной» относились доброжелательно.

Как-то Ангел, поручив ей идти в маленький городок, предупредил её, чтобы она ни в коем случае не садилась в попутную машину. Но Танечка, то ли устав от пути, или не предав большого значения предупреждению Ангела, когда к ней подъехал на мотоцикле мужчина и дружески предложил её подвезти, поверила ему и села в коляску мотоцикла. Мужчина отвез её прямо в отделение милиции, сдав её начальнику отделения, заявил, что девочка ходит по населённым пунктам и занимается религиозной пропагандой, за ней может стоять или секта, или кто-то из священников, надо выяснить, кто.

Начальник начал составлять протокол, Танечка очень испугалась. Ангел сказал ей:

— Я же говорил тебе — «не садись ни в какую машину, — а ты не послушалась. Теперь молись, Танечка, молись».

Начался допрос, Танечка невразумительно отвечала, начальник пригрозил тюрьмой или психбольницей, требовал назвать имена тех, кто её послал, не мог поверить, что послал её Ангел, начал раздражаться.

От страха у Танечки начался сердечный приступ, она начала задыхаться, тут уже испугался сам начальник. С трудом он вытащил повисшую на нём Танечку на свежий воздух во двор отделения, посадил на скамейку у высокого забора и пошёл за водой для неё.

Танечка осталась одна. Приступ так же внезапно прекратился, как и начался.

— Ну вот, Танечка, — обратился к ней Ангел, — всегда слушай, что я говорю тебе. А теперь беги, Танечка, беги. Там в углу в заборе есть дырка, через неё ты и выйдешь на улицу.

И Танечка и Ангел благополучно покинули двор милиции.

Пленный солдат. То есть жизнь после боя. *«Нехай валит домой!»* — «в доме Отца Моего обителей много».

«Зароем, и с глаз долой!» — погребём под грехами.

«Печёнкой», интуицией человек чувствует то, что невидимо, нельзя услышать, но ощущает судьбу, промысл о себе, и судьба выстраивается оттого как он себя поведёт. «Человек не знает, что он бессмертен, а душа знает. Поэтому мы и живём спокойно среди окружающих нас смертей».

«За складкой ночи, сырой стеной,

за хрупкой сетчаткой глаз,

за чуткою перепонкой ушной

решается всё сейчас!

За далью неба, там, где пасут

духи — наш овчий двор,

едва ль не с рожденья наш длится суд,

выносится приговор».

Вообще «смотрящий» — это из преступного мира. Немного сбивает с толку: кто есть кто? Кто тогда искуситель, кто охранитель?

«Один — смотрящий — не ест, не спит:

— Ослабь, говорит, ремни!

А другой говорит, другой говорит:

— Потуже всё затяни!

Железом, жестью, ржавью, фольгой

жизнь схвачена в каждом шве...

Один говорит, говорит другой

у пленника в голове».

«...Когда же откроешь ты третий глаз,

услышишь ты третий глас:

ни вправо, ни влево, — тебе тотчас

откроется тайный лаз.

Но сам себе не дай слабину,

себе не черти черту,

спускаясь в самую глубину,

летающую в высоту».

Антоний Великий боролся с бесами и вопил к Богу о помощи. Но Бог не помогал ему. Когда бесы отступили, Антоний обратился к Немю:

— Господи! Я так звал Тебя, а Ты не приходил!

— Я хотел, чтобы ты победил! — ответил Господь.

Творчество Олеси — это то же «Добротолюбие» в миру и «Жития святых», так же как есть монашество в миру.

Строфы

I

Я полюбила сельского быта прямую речь,
разноцветного мулине двойственную судьбу.
Не с одного, не со второго полена разгорается печь:
дым вылетает в трубу.

II

Бесполезно пытаться жить, не имея в виду
обстоятельство смерти — наравне с бессмертьем души.
Неизвестно, какие плоды вызревают в твоём саду.
Гении вырастают в глуши.

III

Тот, кто — хоть мысленно — вовремя не надел
чёрную рясу и чётки не сжал в руке,
будет исхлёстан хвостами собственных дел,
маяться будет в задёрганном пиджаке.

IV

Я не могу поверить в существованье муз,
их откровения объяснив заборматывающейся судьбой.
После штормов истории наплывает много медуз:
лик Горгоны запечатлён в любой.

V

В каждом из русских — секретный пакет зашит.
Время придёт — он вскрыет его, и тогда...
Кажется, что Желябов, как Вечный Жид,
в сонной крови блуждает туда-сюда.

VI

Тот, кто хоть раз, держал себя на цепи,
был сам себе господином — твёрд, тверёз.
Уровень жизни, как горизонт в степи, —
на уровне зренья, тайных желаний, слёз...

VII

В Европе — ещё светло. В России — на два часа
темнее: пора подушки взбивать, гонять чай,
вражьи голоса слушая сквозь леса,
где нашему общему Господу хвалу поют соловьи.

VIII

Во времена, когда люди в стаи, в стада,
в кланы сбиваются и клеймят чужаков,
хочется написать: над полем взошла звезда,
медленная луна вышла из облаков.

1987

Если соединить первое и последнее четверостишие, то обнаруживается, как мне кажется, сверхзадача этого стихотворения. Люди объединяются в кланы для противоборства, звучат вражьи голоса, Европа противостоит России, кипят страсти, тысячи медуз Горгон бросают испепеляющие взгляды, люди гибнут, каменея. А жизнь, тихая, почти тайная жизнь от Бога продолжается.

*«...Над полем взошла звезда,
медленная луна вышла из облаков»*

И эту жизнь можно наблюдать, участвовать в ней, переживать, удалившись от цивилизации.

*«Я полюбила сельского быта прямую речь,
разноцветного мулине двойственную судьбу.
Не с одного, не со второго полена разгорается печь:
дым вылетает в трубу».*

Вряд ли светская дама, светская львица, появится на каком-либо приёме в цветных мулине. «Будьте как дети», и деревенские жители иногда бывают просты, как дети, рисующие яркие рисунки, и носящие яркие платки, шали из разноцветных мулине — почему и двойственная судьба.

*«Не с одного, не со второго полена разгорается печь:
дым вылетает в трубу».*

Труды. И между прочим и труды над собой, и над разгорающейся молитвой внутри сердца. Недаром потом идут строчки именно о молитве:

*«Тот, кто — хоть мысленно — вовремя не надел
чёрную рясу и чётки не сжал в руке,
будет исхлёстан хвостами собственных дел,
маяться будет в задерганном пиджаке».*

«...Будет исхлёстан хвостами собственных дел» — очень образно. «Хвостами» — последствиями грехов. «Мальчишками кровавыми».

*«Бесполезно пытаться жить, не имея в виду
обстоятельство смерти — наравне с бессмертьем души».*

Все сгорит, и что останется для бессмертия, жизни за гробом?

*«Неизвестно, какие плоды вызревают в твоём саду.
Гении вырастают в глуши».*

Получается, что в ухоженном саду цивилизации ещё неизвестно какие плоды вызревают.

А «гении вырастают в глуши», в жизни, сливающейся с природой, естественной, «не этикетной» (тот же Есенин).

*«Я не могу поверить в существование муз,
их откровения объяснив заборматывающейся судьбой.
После штормов истории наплывает много медуз:
лик Горгоны запечатлён в любой».*

И в каждой Желябов, в каждом конкретный бес проявляется. Борьба добра и зла.

«В каждом из русских — секретный пакет зашит.

Время придёт — он вскроет его, и тогда...

*Кажется, что Желябов, как Вечный Жид,
в сонной крови блуждает туда-сюда».*

Здесь и Фрейд с его подсознательным, и Достоевский с бесами.

«Тот, кто хоть раз, держал себя на цепи,

был сам себе господином — твёрд, твёрд.

*Уровень жизни, как горизонт в степи, —
на уровне зренья, тайных желаний, слёз...»*

Борьба, отказ от своего «хочу», тогда он соединяет с Богом, зрение своих и тайных желаний, страстей.

«В Европе — ещё светло. В России — на два часа

темнее: пора подушки взбивать, гонять чай,

вражьи голоса слушая сквозь леса,

где нашему общему Господу хвалу поют соловьи».

Опять вражьи голоса комфортной жизни, цивилизации от которой останутся только унитазаы, санузлы, проникают сквозь леса, где нашему общему Господу хвалу поют соловьи.

Трудное стихотворение. Сделано под концепцию, под разговоры на кухне, и споры о православии.

Почти нет детского откровения, восхищения. Концепция перевешивает, и учительство.

Но это только моё субъективное впечатление. Не претендую на истину в последней инстанции.

— О! Лихо! А мулине — потому что именно эти нитки хороши для вышивания. А вышивание ассоциируется у меня со спокойной и размеренной «сельской жизнью». Тряпочку с нарисованными квадратиками вставляешь в пяльцы и сидишь себе долгими осенними вечерами, вышиваешь крестиком. А потом переворачиваешь и там — батюшки-светы! Какие-то беспорядочные изнаночные стежки...

Это фрагмент Ваших стихов, который почему-то выпал из них и стал самостоятельным текстом, превратившись в прозу. Но какая поэзия в нём, в Вашем чувстве к пальцам, квадратикам, беспорядочным стежкам! Целая жизнь в государстве.

А мне по своей непросвещённости пришлось смотреть в Википедии, что такое мулине. Туда, в Википедию надо было бы поставить этот фрагмент. И, наверное бы, в стихи зарифмовав. Они бы ожили, заиграли.

А так мулине скупо обозначено, приходится додумывать самому, как это существует. А вот, оказывается, есть поэтический текст о жизни мулине.

Тарон Авакимянц: Чтобы анализировать настоящую поэзию, надобно, как минимум, по таланту стоять не ниже первоисточника. Простите все, кого обидел.

Сергей Федоров — Тарону Авакимянц: До уровня Олеси никогда не дотянемся. Она Херувим сероглазый.

Народная песня

Не ругай меня, жена, что я ёрш, что я ёж.
У кого внутри война, у того снаружи — нож.
На ночной наждак луна проливает чистый шёлк.
Не кори меня, жена, что я вол, что я волк.

Волчьей ягодой полна жизнь колючая — колись.
Не стыди меня, жена, что я лось, что я рысь.
В меня речка влюблена, понимает меня ель.
Не ревнуй меня, жена, что я лис, что я — лель.

То я вебрь, а то я выпь, — со своей землёю схож:
звёзды в небе — моя сыпь, зыбь на море — моя дрожь.

Как напьёшься допьяна, мир припрядешь в кулаке,
глядь — а в нём твоя страна: нос хмельной и в табаке.

Пляшет, плачет старина, шарят тени по кривой:
не качай им в лад, жена, грозной птичьей головой.
Всё, что видится извне — возникает изнутри...
Тише! О своей войне никому не говори!

Первый куплет вполне могли бы петь молодцы Пугачёва. Второй для женского хора — «В меня речка влюблена» чисто женский оборот, и «интеллигентный». (Это когда вместо крепкого слова типа «зараза» говорят «инфекция» — пионерлагерный фольклор).

Третий куплет опять мужской, средней интеллигентности.

Последний — это уже чистый поэт, и очень сильный поэт превосходящий течение народной песни. Тени по кривой, жена с птичьей головой — очень впечатляет! Грозно, с мистическими тенями, но как красиво! Раньше не встречалась такая тёмная, глубокая палитра у автора, всё смягчалось, обволакивалось теплотой душевной. А тут кристаллическая мистика, в последних строчках. Даже «убиться веником!» от чувств нельзя сказать, грубо получится, так филигранно всё отточено. Хотя...

Возникает впечатление, что, хотя я могу быть не прав, попасть мимо, поскольку не указан год написания стихов, что в этих стихах отразилась полемика о Грозном. Атрибуты его времени, настроения, колорит. А «птичья голова у женщины» подойдёт и в эпоху Грозного, и в Шумерскую. Глубоко! Наверное, это и есть «архетипы» Юнга (так умные люди по телевизору говорили).

Семейные страсти

Лариса всю жизнь говорила мужу:
— Вот уйду от тебя к Петрову — он меня любит до смерти! —
Муж сначала боялся и от ревности стискивал пальцы,
а потом успокоился, щуриться стал и стоял отвернувшись,
с таким равнодушным затылком!..

А однажды, когда пригрозила Лариса ему,
намекнув на Петрова,
неожиданно он рассмеялся и зло на неё посмотрел:
— Да кому ты нужна, бестолковая старая дура!

И Лариса вдруг вздрогнула. «А!» — закричала, к лицу
две ладони прижала и крикнула в страшном волнении:
— Он меня и такую возьмёт!
Он любую меня не разлюбит!

И у зеркала долго искала ответа она,
и глаза до висков рисовала, и чёлку взбивала,
и старалась придать выраженье свободы лицу,
и смотрела, как смотрят лишь «звёзды» картин Голливуда...

И, уткнувшись в стекло окаянное, прямо лоб в лоб,
вдруг заплакала-запричитала над долей своею,
что ведь жить невозможно, когда нет кого-нибудь, кто б
продолжал бы любить её, что бы там ни было с нею!

И уже среди ночи — у мужниной тёплой щеки —
шепчет, вдруг возмутьившись:
— Как это нечестно и гадко!
— Что с тобою, Лариса?
— Любить — так любить без остатка!
Вечно, — плачет она, — бесконечно!
И миру всему вопреки!

«Что имеем, не храним, потерявши плачем».

Так Петров любил Ларису? И почему муж ревновал? Или она не заметила, что жизнь прошла?

Лариса действительно возмущается, что муж, миру всему вопреки, пребывает в состоянии любви, и счастливее её?

Очевидно, женщине очень импонировало, что кто-то кроме мужа *«любит её до смерти»*. Жаль, что Петров никак не являет себя.

Здесь и «лучшее – враг хорошего», от Петрова остались одни черепки.

Очаровательны строки о зеркале. Итальянское кино.

Лариса плачет, что прикована к мужу, и это её судьба? А Петров – мечта, иллюзия молодости, сохранявшаяся всю жизнь? Детских мордашек нет. Куцая какая-то жизнь! А у Петрова, наверное, целая куча детей? И что думает Петров о Ларисе? И друзья ли муж и Петров?

Ваши стихи задевают некие струны души. Узнаваемая ситуация. Разворошили мысли о прошлом, потому и возникло столько вопросов о подробностях. Вы держите руку на пульсе, вот и волнует.

Женщина плачется батюшке:

– Батюшка, я живу в коммунальной квартире, у меня такие соседи...

– Коммунальная квартира! – восклицает батюшка, – да ведь это такая благодать!

Записки церковного сторожа

Пейзаж

Как после битвы всё вокруг: разорено
именье славное, прокисшее вино
не то что уксусом уже разит — мочою.
Угодья вытоптаны, сосны сожжены.
Кто жив, попрятался в свои дурные сны:
с горбатым месяцем, с его кривой свечою.

Лишь графоман хозяйствует: в трофей
вцепился намертво. Теперь ему Орфей,
что мальчик для битья иль бомж прохожий.
Он сам себе — и Зевс, и Параклет:
сам кости выроет, сам череп и скелет
обтянет жилами, задрапирует кожей.

Ах, то-то я смотрю: то голова
торчит безногая, то из ушей — трава
ползёт пожухлая, то рот в червях кривится...
А вместо глаз — в слепых щелях лица
стекло бутылочное, попки огурца,
две пуговицы иль обрезки ситца.

...С тех пор, как монстры поселились тут,
бельчата падают с ветвей и птицы мрут,
рябины чахнут, даль темна и мглиста.
И лишь шиповник мой из западни
топорщится колючками — сродни
дворецкому у князя-монархиста.

Да ветер из порушенных домов
доносит отзвуки то музыки, то слов:
душа от них не то чтоб даже грелась
или кормилась — попадала вдруг
в приволье ласточки, и — на лету упруг —
её подхватывал и нёс в пространство мелос.

В приволье ласточки, в блаженство соловья...
Душа начётчика лишь пробует, как я,
собрать потоптанное, сдать в музей под номер.
И атмосферу ту восстановить...
Но не догнать уже, не изловить
той ласточки,
и соловей тот помер!

Автор стихов продолжает жить в разорённой усадьбе, сохраняя воспоминания о том, что было в годы расцвета, годы «жизни». Автор не стахановец, не комбайнёр на целине, не поёт созидательных песен.

«Кто жив, попрятался в свои дурные сны: / с горбатым месяцем, с его кривой свечою».

«Бывшие» становятся как привидения, уходят в себя от реальности «грядущих хамов», от реальности, которая сама стала дурным сном: *«то голова / торчит безногая, то из ушей — трава / ползёт пожухлая, то рот в червях кривится... / А вместо глаз — в слепых щелях лица / стекло бутылочное, почки огурца, / две пуговицы иль обрезки ситца».*

Образы строителей нового мира, плюющих на историю и культуру всего человечества. «Долой Пушкина с корабля современности!»

Автор уподобляет себя дворецкому князя-монархиста, почти музейному хранителю, нумерующему экспонаты. Но даже если эти «экспонаты» начнут функционировать, люди наденут те платья, будут ездить в тех же каретах, вкушать из серебряных блюд, это будет карнавал, даже если в нём будут принимать участие родовые дворяне.

«Соловей тот помер». Английская королева XXI века — не английская королева XVI века.

Но сохраняется культура английской королевы, мелос. Даже в порушенных домах. Автор — хранитель прошлого, но нельзя заниматься имитацией, даже имитацией Пушкина.

«Но не догнать уже, не изловить / той ласточки, / и соловей тот помер!»

«От полноты сердца говорят уста», будет жизнь сердца, будет и жизнь в поэзии, и тогда и пушкинская культура будет нужна. Какому-то поэту Пушкин сказал, что его стихи не слишком хороши, потому что поэт ему подражает.

Проблема культуры и трафаретов, иногда очень благочестивых трафаретов. Но автору это не грозит, хотя являет себя великая культурная школа.

Псевдосмирненное отрицание культуры православными людьми типа: «Музыка Бетховена? – Чур меня. Стихи Пушкина? – Чур меня» – о. Всеволод называл «семинарским богословием». Он очень высоко ценил роман Булгакова «Мастер и Маргарита», полагая, что в годы государственного атеизма он являлся проповедью бытия Божия для мятущейся души советского интеллигента. Одну из своих Пассий о. Всеволод начал с цитаты из Булгакова, говоря на языке интеллигенции, пришедшей в храм.

Когда режиссёр Михаил обратился к о. Василию Швецу с Чудского озера с вопросом, совместима ли церковная жизнь с театром, он ответил:

– Главное, чтобы всё делалось с любовью.

Сам о. Василий был когда-то артистом цирка.

Записки церковного сторожа

Поучение

Старый монах поучал меня за аналоем:
— Сама посуди, во что в земле обратится
прекрасное тело, лицо молодое, голос...
Помни об этом — и не будет соблазна.

Мысленно стала я гроб примерять и крышку
над бездыханным телом твоим забивать гвоздями,
комья земли замёрзшей кидать в могилу,
чтоб тебе мягче спалось в ледяной постели.

И неизбежно — ещё до гвоздей и комьев —
прямо на улице я начинала плакать,
и ещё больше хотелось к тебе, живому, всем, что есть я,
прикоснуться, припасть, приникнуть...

Не помогло монаха старого средство,
ибо могила не может с тобой покончить.
Все черепа, скелеты, жёлтые кости
не опровергнут, что ты — бессмертен и есть — навеки!

И — предположим — твоя грядущая старость,
шаркая и беззубо плюясь, никогда не сможет
мне доказать, что нет тебя — вот такого,
именно этого — с этим летящим шагом...

Я утверждаю: любовь с бытием — едины.
Всякий живущий — жив, поскольку возлюблен.
Тот, кто любим, уже вознесён на небо.
В образе этом он в дне Восьмом и пребудет!

1993

*«Мысленно стала я гроб примерять и крышку
над бездыханным телом твоим забивать гвоздями,
комья земли замёрзшей кидать в могилу,
чтоб тебе мягче спалось в ледяной постели»* — строчки, образы вызывают улыбку.

Интересно, как к этому отнёсся тот, кому эти строчки посвящены? Когда это себе представляешь, улыбка ещё шире растягивается. Но все эти попытки любящего существа мысленно похоронить любимого очень трогательны. А что этот же монах сказал «любимому»? Может, и «любимый» хоронил «возлюбленную» и они одновременно хоронили друг друга? Невольно, но стихи вызывают жгучее любопытство: о каком опыте пишет автор? Это автобиография или литературный вымысел?

*«И неизбежно — ещё до гвоздей и комьев —
прямо на улице я начинала плакать,
и ещё больше хотелось к тебе, живому, всем, что есть я,
прикоснуться, припасть, прикинуть...»* — так автор в жизни может писать, имеет право писать только о суженом.

И мысль о некоем друге-монахе принимать нельзя. Но загадка: зачем автор пишет эти стихи? Всё-таки они туманны, сознательно неясны, нечётки; на какое событие явились откликом? Или автор поверила в свой вымысел, как в реальность, и говорит только от имени героини. Этого мы никогда не узнаем. Но стихи-то есть! Детектив есть. Так автор устроила.

*«Не помогло монаха старого средство,
ибо могила не может с тобой покончить.
Все черепа, скелеты, жёлтые кости
не опровергнут, что ты — бессмертен и есть — навеки!»*
Классика.

Призрак Анатоля Франса является — «хорошо усвоенный урок».

*«И — предположим — твоя грядущая старость,
шаркая и беззубо плюясь, никогда не сможет*

*мне доказать, что нет тебя — вот такого,
именно этого — с этим летящим шагом...»*

Очи любви.

*«Я утверждаю: любовь с бытием — едины.
Всякий живущий — жив, поскольку возлюблен.
Тот, кто любим, уже вознесён на небо.
В образе этом он в дне Восьмом и пребудет!»*

Можно полностью согласиться с этим утверждением
о животворящей силе любви. Истинно так.

Но тайна и детектив остаются.

Человек

Молодой человек прекрасен, как сильный лось,
напролом сквозь кусты ломаясь и ломая сучья.
Он проходит время своё насквозь,
а выходит он, как барсук, где нора барсучья.

Где ж взыгранье лимфы, кипящий сладкий дурман?
Где ж те воины в красных туниках — тельца кровяные?
Нет, он с присвистом дышит, как порванный барабан:
дребезжат мембраны, тусклы глаза слюдяные.

Ах, мне жаль твоей молодой красоты, герой!
Матереев нежная плоть, раздувает жилы, как лава,
обрастает лишнею кожей, родинками, корой,
словно пробует в землю корнями врати коряво.

Но всего прекрасней младенец — новенький, золотой!
Он в земном ничего не смыслит — его ласкает
пеньё духов небесных — там, в синеве густой:
им он машет руками да с губ пузыри пускает.

«Молодой человек прекрасен, как сильный лось», «Но всего прекрасней младенцу — новенький, золотой!»

Ему ещё предстоит жить *«напролом сквозь кусты ломая и ломая сучья»*, переживать *«взыграние лимфы, кипящий сладкий дурман»*. Неистовство *«воинов в красных туниках — тельцов кровавых»*. И конец этой битвы — порванный барабан, вместо горнов победы — свист и сипение.

Изменение плоти *«словно пробует в землю корнями врати коряво»*.

«Яко от земли изшел еси, и в землю отыдеши».

Олеся Александровна часто создаёт по существу тексты, параллельные богослужебным или библейским, но в стихах.

В данном случае получилась панихида.

Но человек — гражданин неба, и душа его этого не забывает. Ум может быть ослеплён мраком грехов. Человек, став «плотским», может забыть о небесном отечестве, о «пении духов небесных», но понимает, что живёт не так. А душа помнит это райское состояние, но под слоем грязи не может отразить божественный свет.

Иногда младенцы смотрят таким умным взглядом, что не по себе становится. И через их глаза видишь в них умное небо. «Царствие Божие внутрь вас есть».

С «золотым младенцем» получилась оптимистичная панихида.

А мастерство такое, что не замечаешь мастерства. Кажется, что так и должно быть.

Почему-то вспомнились сказки братьев Гримм, там тоже естественные чудеса, «так и должно быть».

Спасибо, Сергей!

Я себя чувствую даже неловко, поскольку пишу по подсказке своего «Сирано де Бержерака», вернее «записую».

Странная вещь, но железно работающая. Я смотрю на Ваши стихи, читаю их и... ни бельмеса не понимаю, о чём Вы

пишете. Для меня, для моего ума они некий непосильный кроссворд. Я не знаю, что писать, ничего, кроме белого пространства, в голове нет. Начинаю вопрошать, вопрошать, а мне некто из белого пространства начинает отвечать, отвечать. Потом этот некто входит во вкус, объясняя Ваши тексты, а я записую, записую. А потом готовый текст Вам посылаю, понимая, что без помощи этого «некто» я двух фраз литературно не свяжу. Вот и сейчас этот ответ продиктован.

Как бы не оставили меня за разглашение секрета, как в сказке о Чёрной курице.

Из статьи «Художница. Откровение в иконописи»

В восьмидесятые годы большой популярностью пользовалась книга чешского нейрохирурга Станислава Грофа, который по определённой методике оживлял память людей, вплоть до того, что они вспоминали своё младенчество и пребывание в утробе матери. Душа пребывала соединённой с Богом, в гармонии духовного космоса, в Боге созерцала окружающий мир, и рождение её, приход в земной мир воспринимался как катастрофа.

Однажды автор сих строк, непонятно почему, стал читать мысли ребёнка, находящегося в утробе матери. Ребёнок видел своих брата и сестру, играющих на зелёной траве. И прекрасно знал, что это его брат и сестра. Через неделю он родился, став бессмысленным младенцем, иногда пугая нас своим умным взглядом, за которым было небо.

Назвали его Даниилом в честь пророка Даниила. Его рождению предшествовали сорок акафистов Иверской Божьей Матери, мы читали их, пока копали колодец, и постоянные причащения Святых Тайн.

Гроф писал, что душа до полугода осознаёт себя и всё понимает, а в полгода она проходит барьер, который отсекает её память, и тогда это уже бессмысленный младенец

Серёжа Фёдоров

в самом начале своего развития. Сама Мария Александровна тоже приходила в замешательство и изумление от умного взгляда своего младенца, младенец видел её насквозь и это был взгляд из неба, которое было в нём самом. Но потом это небо закрывалось, и это были просто глаза-пуговицы двухмесячного ребёнка. Поневоле вспоминалась встреча Марии и Елизаветы: «...и возрадовался младенец во чреве моём».

Из цикла
«Народные песни»

Если я кого и кликну, это душеньку свою —
белую, несмелую, в жизни неумелую.
Если с кем её сведу я, это с музою моей —
властною, прекрасною да огнеопасною.

Я скажу им: будьте вместе, разлучённых две сестры, —
гаданные-жданые девы чужестранные.
Где одна, как хромоножка, там другая поводиры, —
девы странноликие да разноязыкие.

Где одна не понимает, там другая как своя,
ро́дные ли, сводные, да не земнородные.
Где одна огни погасит, там другая свет зажжёт,
местные — не местные, а как есть — чудесные.

Где одна затянет узел, там другая сеть порвёт.
Званные, избранные, а как есть желанные.
Где одна томится жаждой, там другая воду льёт,
где одна блажит и тонет, там другая проплывёт.

Сложные ли, пр́остые, обоюдоострые.
Где одна червей копает, там другую ангел ждёт.
Где одна, как свечка тает, там другая ввысь растёт.
Кру́ченые, ви́тые, да многоочитые.

И когда одна во гробе, то другая — во гробу,
и одна — как бы в утробе, а другая — как во льду.
Ночь идёт, дождями сея поцелуи Елисея,
зимняя, весенняя, аж — до Воскресения.

«Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю».

Интересно, а какие отношения у Музы с Ангелом Хранителем? И они оба с крыльями? И Муза только при избранных или при избранницах? Муза наполовину Ангел? Наверное, за душу, как Ангел, она не отвечает? Муза только вдохновляет или может опьянить, охмурить, и тогда тоже пойдёт под суд за душу? Эти вопросы к автору, как к бывалому человеку в общении с Музами, судя и по этому стихотворению.

А вот знали ли народные песни такую гостью — Муза? Всё-таки она заморская особа, и в былинах она не прописана. Есть ли имя ей в народных песнях? И у Пушкина в сказках она не упоминается, и бурлаки про неё не поют. Но Пушкин её воспевал! Ахматова жаловалась на трёпки, которые ей устраивала Муза, Олеся пишет как о подруге-спасительнице, сестре-поводыре. Но мужики о ней ничего не поют, не говорят. То есть это только для избранных, какой-то особый вид Ангела-хранителя. Все люди только с одним Ангелом, а гениев — их выходит два, и даже по полу отличаются от бесполох Ангелов. Нельзя ли поподробнее на эту тему?

Татьяна Акуловская: «Но мужики о ней ничего не поют, не говорят» — это почему же? В.С. Высоцкий мой любимый пел: «Меня сегодня муза посетила, немного посидела и ушла... представьте — муза, в доме, у мужчины? Бог весть, что люди скажут про неё».

Сергей: Песни Высоцкого — это песни автора Высоцкого, к которому Муза захаживала. Это песни, популярные у народа. Какая же она, песня, народная, когда известно имя автора? Как у Лескова — «Иностранец Иван Фёдоров» — не помню точную фамилию.

Олеся: Ну а как же Блок «Музе»? *«И такая влекущая сила, / Что готов я твердить за молвой, / Будто ангелов ты низводила, /*

Соблазняя своей красотой?» Ну вот. А я её хочу примирить с Психеей, то есть с душой.

Сергей: Я не специалист, с Музой чай не пью в обнимку, почему и хочу узнать у людей избранных.

Олеся: Ну да! Небось, каждый вечер с ней за самоваром! И кошечки вокруг...

Сергей: Вы как поэт-пророк открыли мне глаза на самого себя. Оказывается мои настоящие музы — Старушки.

Олеся: Почему же — Старушки? Музы — они бесплотны, не имеют возраста, не подвержены тлению и, если им что-то не нравится, просто покидают своего избранника, улетают...

Сергей: Вот истина! А не догадки, мифы и предположения! Опытная истина из первоисточника! Как церковное предание — истина от святых, так истина — свидетельство настоящих поэтов об отношениях с музой.

А вот у Маяковского были ли какие-то упоминания музы, или она полностью оделась в тело Лили Брик?

Олеся: Про Маяковского не знаю... Может быть, у Вас есть какие-то идеи?

Сергей: Ангелы могут принимать облик человека, — книга «Товит». Когда Пётр стучит в двери — «это Ангел его». Маяковский принципиально грубо бы обошёлся с Музой, ради провозглашённого манифеста, даже если и был поставлен перед фактором её существования, вот ей и пришлось прятаться за Лилей Брик.

А вот вопрос — наличие таланта как бы привязывает Музу к человеку?

Привратник Пафнутия-Боровского монастыря делал выписки из святых отцов, где они одобрительно отзывались о чае, — Никодим Святогорец, Игнатий Брянчанинов.

Игнатий Брянчанинов писал:

«Чувствуется приближение старости, не выпив чаю, не помолишься». Я поделился с привратником рассказом о протоиерее Владимире Богданове. Он подарил духовной дочери чай и сказал:

— Когда на тебя нападёт уныние, ты возьми эту пачку чая, брось чайники в кружку и скажи: «Чаю воскресения мертвых», — завари и пей, и уныние пройдёт.

Мы пили чай с привратником и услаждались цитатами из святых отцов.

Записки церковного сторожа

Интерпретатору

Он сказал: выведу тебя на чистую воду, чтоб — ни гу-гу:

только голый берег да чёрная заводь туч.

Всё равно одежды твоих стихов посрываю с тебя, сожгу, будто шкурку царевны-лягушки, — будет огонь мой жгуч.

Обнажу пружины твои — немощь и страх, и страсть,

роковую твою оборву ариаднову нить:

не хотела ставить меня на подсвечник, в сумочку класть, как цветок, приколоть к груди, как крепкий перстень, хранить!

Распатрону тайны твои, часики разобью, и стыд

жалким алмазом глянет подслеповато: вот —

рифмы, скрыватьницы пороков и злых обид,

анapest — наперсник злодейств, дактиль, кривящий рот...

Сверю по Фрейду ход этих звёзд, строф,
и распахнётся ящик Пандоры сей...
Видишь, уже сошлись со мною делить улов
deus ex machina, психоанализ, Змей...

— О, профессор, профессор, кто ты? Колдун? Шутник?
Что ты там разгадаешь за мглой, ослеплённой светом,
спасёшься ль сам?
В сей жестокий рудник спускаясь, отыскивая тайник
в сундучке юродивом, подвешенном к небесам?

Злясь, опершись на хвост,
вспомни-ка лучше вот что, думай же всякий час:
чем полнее пустыня, тем больше звёзд,
тем слышней «аллилуйя» — и алыт и бас...

А тем паче — с тою встречаясь на каждом взлёте,
с той самой, с ней...
Говорят, что черна она, ан — вся из пристрастных глаз.
Оттого всё белей мои рододендроны, всё острее
океаном пахнёт и олеандром. И это — раз.

Иль не боишься, строф разорвав кольцо,
распотрошив слова,
о, ничего моего: собственное лицо —
аж волоса дыбом! — увидеть?.. И это — два.

2000

*«Всё равно одежды твоих стихов посрываю с тебя, сожгу,
будто шкурку царевны-лягушки, — будет огонь мой жгуч»* —
очень образно представлено действие психоаналитика.

«...Только голый берег да чёрная заводь туч» — мрак и пусто-
та на последних глубинах души человека обратившегося
к психоаналитику. Интересно, что Олеся это художественно

передает, хотя впечатление, что сама она была свободна от этого недуга.

«В нем же бо пострада, сам искушен быв, может и искушаемым помощи».

«Распатроню тайны твои, часики разобью, и стыд жалким алмазом глянет подслеповато: вот — рифмы, скрыватьельницы пороков и злых обид, анапест — наперсник злодейств, дактиль, кривящий рот...»

Вся «химия», манипуляции психоаналитика, залезающего в подсознание, препарирующего сокровенное и святое.

Врачи-психиатры, общаясь с пациентами, сами становятся психически больными. Та же участь психоаналитиков, копающихся в комплексах и пороках людей. И им непонятно, почему священники, принимающие исповедь, не заражаются пороками своих исповедываемых, своих «пациентов».

«Бог умер» — это только защитная установка дикарей. «Бог умер», есть только тёмные животные инстинкты продолжения рода. Всё позволено, все табу «дикарей» сняты.

*«Сверю по Фрейду ход этих звёзд, строф,
и распахнётся ящик Пандоры сей...
Видишь, уже сошлись со мною делить улов
deus ex machina, психоанализ, Змей...»*

Условно «психоаналитиком» психоаналитиков был Фёдор Михайлович Достоевский с его романом «Бесы».

Олеся ставит тот же диагноз — ящик Пандоры, Змей...

*«— О, профессор, профессор, кто ты? Колдун? Шутник?
Что ты там разгадаешь за мглой, ослепленной светом,
спасёшься ль сам?»*

*В сей жестокий рудник спускаясь, отыскивая тайник
в сундучке юродивом, подвешенном к небесам?»*

«Сила Моя в немощи совершается».

Для психоаналитиков совершенно непонятна антиномичность Евангелия.

Они колдуны силы и дьявольской гордыни. Культ силы, власти, услаждения похотью. Беспросветная религия.

Замечательны все последующие строки, но гениально окончание:

*«Иль не боишься, стрóf разорвав кольцо,
распотрошив слова,
о, ничего моего: собственное лицо —
аж волоса дыбом! — увидеть?.. И это — два».*

И никаких слов не нужно.

Врубель сошёл с ума, растворяясь в своих демонах. И его картины, будучи красивыми по цвету, композиции, являются носителями очень тёмной силы, от них исходит энергия сумасшествия, дьявольская энергия.

Построения психоаналитиков тоже бывают красивыми, изошрёнными, и тоже несут в себе тёмную энергию. Мрак и смута охватывают душу от общения с ними. Бесы.

Вчера в гостях у **** была N, психоаналитик. Какое счастье сегодня прочитать эти стихи. Вы, как врач, проделываете серьёзнейшую работу, по нейтрализации действий N, направленную на раскрытие в человеке его подполья бессознательного, отвратительных комплексов, тьмы греха и пляски бесов. Всё святое разобрано, как конструкция, и умирает.

Эти стихи надо печатать миллионными тиражами. Сама N-психоаналитик очень несчастна. Стихи мощнейшие, даже не ожидал такой серьёзной битвы, от Вас. Вы всегда в благодати и радости. А здесь борьба с бесовским, не со сказочными чёртиками, а с убийцами души.

Как всё серьёзно, и Вы побеждаете поэзией и красотой.

N общается со мной уже годы и не может понять, какая сила от меня исходит, не укладывается в её Эдиповы комплексы. Не понимает, что это реальная сила благодати, для неё Бог — это фантазии человека, проекция его «я».

Я совсем не святой, и у меня своих комплексов хватает, но она сама каждый раз говорит об этой силе. И каждый раз уезжает в недоумении и даже досаде.

Нет объяснения, а реальность есть.

Спасибо Вам за стихи.

Они есть, и благодать, которая в Вас, благодаря, которой Вы пишете стихи, есть. Слава Богу!
(Пришлось скрыть, о ком идёт речь).

О, Сергей, Вы превосходите в своих толкованиях себя самого!

Ваше общество освящает!

Однажды алтарник жаловался священнику, духовному чаду о. Всеволода, на обстановку в храме и устройство священников. Тот ответил, что храм — это лечебница, духовная психиатрическая больница, и что пациентами этой лечебницы являются не только прихожане, но и сами священники.

Другой батюшка постоянно говорил, что в ад первыми идут священники.

Наместник Гавриил спросил меня, зачем я приехал в монастырь.

— Так благословил духовный отец.

— Духовный отец, духовная мать, духовная девка. А что, своей головы на плечах что ли нет?

С утра наместник был не в духе, и паломников, которых просили помогать в работах по монастырю, прогнал из трапезной. Я вернулся в гостиницу, где меня ждал профессор, тайный монах инок Никита, духовное чадо о. Иоанна Крестьянкина. Мы вместе приехали в монастырь, я как сопровождающий его. Через полчаса у Никиты Вячеславовича начался приступ, и его пришлось везти в больницу. Вечером в приёмной монастыря после расспросов наместника, зачем мы хотим видеть о. Иоанна, я рассказал ему об утреннем происшествии, всё обошлось, и добавил:

— Это просто Промысл Божий, что вы не пустили меня в трапезную!

— Это не Промысл Божий, — ответил наместник, — это я прозорливый! Сидите, ждите о. Иоанна.

Молодой человек, работающий алтарником, жалуется о. Иоанну Крестьянкину, что священники в алтаре совсем не такие, нежели когда они проповедают на амвоне. В жизни они совсем не исполняют то, что проповедают. Ему хочется уйти из храма, где служит, и перейти в другой.

— Всё, чему они вас учат, исполняйте. По делам же их не поступайте, — ответил о. Иоанн евангельскими словами, и добавил, — а из храма не уходи. Уйдёшь — будет ещё хуже.

Записки церковного сторожа

Время

— Неужели тебе не больно?

— Конечно, больно! А то...

Потому что время моё уходит, уже надело пальто...

Накрутило на шею шарф, голова внутри,
отвернулось, лица не видать, идёт к двери.

Мне б его окликнуть, позвать — а не знаю, как.

Мне б его узнать, а рука в перчатке, и сжат кулак.

Заглянуть в глазок его любопытствующий,

подмигивающий: не зря! —

слюдяной голубок, нефритовый, с каплею янтаря.

И уходит оно туда, где вещи сдают за так.

Где собака зарыта, где кот заплакал, где свистнул рак.

...Я за ним с межрёберным холодком

скатываюсь по лестнице колобком.

Народ, все Ваши читатели «с межрёберным холодком» (гениально!) последуют за Вами, как мыши и дети из Гамельна последовали за музыкантом-волшебником. Так что там, у врат, где кончается время, соберётся большая толпа Ваших

поклонников, а Вы, может быть, и замолвите словечко святому Петру: «Это со мной» (там может оказаться и толпа плачущих поклонниц Есенина, которых не пускают, за их самоуправство над собою).

Но можно Вас попросить не торопиться, уж очень хорошо Вы пишете, хочется ещё насладиться Вашими творениями, чем-то новым и великим.

Впервые образ уходящего времени — образ, надевшего пальто.

Только народу скатываться за Вами колобком будет сложновато, не все такие изящные, как Вы.

Торжище

Мы на торжище, на старом
рынке — бродим, месим грязь
и торгуем мы товаром,
прибедняясь, богатысь.

— Чем торгуешь ты, молодка?

— А солёным огурцом!

— Чем торгуешь ты, красотка?

— Хмелем, лестью и лицом.

— Чем торгуешь, повитуха?

— Знамо дело, молодой!

— Чем торгуешь ты, старуха?

— Чёрной немощью, бедой!

— Чем торгуешь ты, монашек?

— Кладом: жемчуг, бирюза.

— Дай мне от твоих стекляшек
за несчастные глаза.

За сиротство, лихолетье,
горечь, слёзы, лемеха, —
пусть меня нарядят в эти
радости — для Жениха.

Чтобы Он — узнал, заметил,
крикнул, голосом звеня:
— Кто так кроток, кто так светел,
словно праздник у Меня?..

— Чем торгуешь ты, бродяга?
— Сельским ветром из мешка.
— Чем торгуешь ты, дяляга?
— Палочкой от петушка.

Да и я за ахи-охи,
возле торжища паря,
тоже получаю крохи
от Небесного Царя.

2010

*«Мы на торжище, на старом / рынке — бродим, месим грязь
и торгуем мы товаром, / приbedняясь, богатысь»* — это наша
жизнь, временная жизнь.

Всем даны таланты, и дан капитал и чем торговать.
У кого огурцы, у кого хмель и красивое лицо, у кого горький
опыт жизни.

Но вот автор, покупательница кладёт глаз на жемчуг
и бирюзу монаха, который тоже ведёт «торговлю» в этой
временной жизни.

Жемчужине Христос уподобляет Царствие Божие, ради
которого человек продаёт всё, чтобы приобрести её.

Ну, а нитки бирюзы — чётки, молитвы.
Средство достижения Царства Божия.

*«...Сиротство, лихолетье, / горечь, слёзы, лемеха, — / пусть
меня нарядят в эти / радости — для Жениха».*

«Многими скорбями подобает войти нам в Царство Божие».

Но в перенесении этих скорбей и рождаются кротость и смирение души, что является праздником для Христа.

«Научитесь от Меня кротости и смирению».

А можно торговать и «ветром из мешка» и «палочками от петушка» (оригинальный образ!).

*«Да и я за ахи-охи, / возле торжища паря, / тоже получаю
крохи / от Небесного Царя».*

Это можно воспринимать не как ахи-охи от скорбей, а как талант псалмопевицы, который приумножает автор во время земного торжища.

Не только огурцами живёт человек, но и «ахами-охами» поэзии.

*О! Сергей! Вы отточили своё интерпретаторское перо! Куда
мне теперь без Вас?*

А я так привык к Вашим стихам, что жить без них не могу!

Из цикла «Щастье»

Не оводы, не осы, не слепни,
а мушка некая — незрима, мельче сита,
но жалит так, что алые огни
на теле вспыхивают ядовито.

Расчёсываешь до крови укус,
покуда зуд не сгложет боль тупая,
пока едва не мазохистский вкус
не ощутишь, под утро засыпая.

И ведь — незримая! Кто бы — ничто, нигде!
Ни имени, ни вида — не потрогать...
Но образ этот страшен: в пустоте
она — сама Алчба и Похоть.

И если ты для города — кинто,
для мира — инок, для Эдема — нищий,
для Господа — любовь, то для Никто —
питьё горячее и дармовая пища.

Вариант Гулливера в стране лилипутов, которые привязали его к земле тоненькими, почти невидимыми нитками. Но их было так много, что Гулливер не мог встать. Наши каждодневные грехи, почти невидимые, приводят к помрачению образа Божия в человеке:

*«А мушка некая — незрима, мельче сита, / но жалит так, что
алые огни / на теле вспыхивают ядовито».*

Последние строки очень сильные: «...для Господа — любовь,
то для Никто — / питьё горячее и дармовая пища» — неожиданный ракурс, отражающий вопросы бытия, вопросы происхождения зла.

Бог зла не создавал, откуда оно? Непосеянная трава, однако, поросшая бурным цветом. Семена зла, из которых вырастают деревья вражды и ненависти, да ещё какие! (о. Всеволод Шпиллер).

Если собрать творения автора, поэтессы, то получится «Евангелие от Олеси», или Послание Апостольское от Олеси, только в стихах. Но нет пророка в своём отечестве, и когда я говорю о будущем прославлении, люди умные и образованные, отягощённые знаниями начинают приходить в ярость. И сама поэтесса плачет, что я выставляю её на посмешище.

24 ноября 2016 г.

О реинкарнации

Церковный сторож Евгений рассказывал о международном конфликте, происшедшем в общежитии МГУ для иностранных студентов. Там проживали студенты из Индии, и, поскольку они верили в реинкарнацию, перевоплощение душ, то этаж, на котором они проживали, наполнился тараканами, мышами.

Студенты их не трогали, наоборот, подкармливали. Потом на этом этаже поселили немецких студентов, которые быстро навели порядок, уничтожив всех мышей и насекомых.

Увидев такое истребление своих «родственников», индусы пришли в исступление и в гнев устремились на немецких студентов. А те никак не могли понять, почему на них кричат индусы. «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись».

Пришлось немцев переселять на другой этаж, развести Восток и Запад.

Записки церковного сторожа

Буря

Ах, что-то случилось, наверное, что-то стряслось:
вдруг день покачнулся и вниз — понеслось, понеслось,
как будто бы спятили кони и город в огне!
Наверное, друг мой совсем позабыл обо мне!

Наверное, друг мой совсем про меня позабыл:
дорога в буряне, и вой, и биение крыл,
и чёрные хлопья лицо забивают и рот,
и мечутся тени, и падают камни с высот!

И только лишь призракам вольно и празднично тут:
они на глазах вырастают, тучнеют, растут,
цепляются, дразнят, кричат, пред глазами рябя:
— Наверное, друг твой совсем позабыл про тебя!

И вот я пытаюсь подняться из тёмных глубин,
из рыхлого снега, из мрака, из мятых рябин,
кричу, надрывая всю душу, всё горло садня:
— В вас истины нету — неправда, он помнит меня!

Конечно, он помнит, он ждёт со свечою в окне:
«Зачем же так долго она не приходит ко мне?
Спокойна луна, и надёжен у проруби лёд...»
Вот так меня ждёт он, вот так меня громко зовёт!

...И всё утопает в промозглом и липком снегу,
а я — ни ответить, ни шага ступить не могу!

1989

Всё-таки Вы родственники с Пушкиным. И Ваши стихи с пушкинскими «Бесами» из одной оперы. Только у Пушкина бесы, а у Вас призраки.

*«И только лишь призракам вольно и празднично тут:
они на глазах вырастают, тучнеют, растут,
цепляются, дразнят, кричат, пред глазами рябя:
— Наверное, друг твой совсем позабыл про тебя!»*

Но, правда, у Вас в первых строках ещё и «Последний день Помпеи»: «Ах, что-то случилось, наверное, что-то стряслось: / вдруг день покачнулся и вниз — понеслось, понеслось, / как будто бы спятели кони и город в огне!»

Вы ещё добавили апокалиптические штрихи: «...дорога в буране, и вой, и биение крыл, / и чёрные хлопья лицо забивают и фот, / и мечутся тени, и падают камни с высот!»

Падают камни с высот — почти реализм Апокалипсиса.

Но если у Пушкина бесы и буря, снег летучий вне его самого, то очевидно автор сих стихов «Буран» описывает бурю и смятение происходящие внутри её, с её душой: *«Наверное, друг мой совсем позабыл обо мне!»*

*«И вот я пытаюсь подняться из тёмных глубин,
из рыхлого снега, из мрака, из мятых рябин,
кричу, надрывая всю душу, все горло садня:
— В вас истины нету — неправда, он помнит меня!» —*
это уже вопрос веры — *«Или! Или! Лама савахани?!»*
*«Конечно, он помнит, он ждёт со свечою в окне:
„Зачем же так долго она не приходит ко мне?
Спокойна луна, и надёжен у проруби лёд... “
Вот так меня ждёт он, вот так меня громко зовёт!»*

«Он» должно было бы быть с большой буквы. Но это Он назвал нас Своими друзьями, если мы исполняем слово Его. Мы-то не можем назвать Его «Другом» своим, хотя это так и есть.

Оказалось, что эти стихи — вопль души к Богу!

И оказывается, что призраки призраками, а напитались кровью автора, сковали её волю, как тёмные силы в «Вие» Гоголя, или как в реальности вошли в службу Серафима Саровского Мотовилова после беспечно брошенного им вызова, так что сам Преподобный испугался.

«А я — ни ответить, ни шага ступить не могу!»

Очень драматичные стихи! Пушкину понравились бы. И мне понравились, я в них увидел реальный опыт.

Не молилась ли автор в это время Иоанну Богослову? Что-то здесь есть от него.

*О, Сергей! Да Вы просто стали моим личным экзегетом!
Мне самой интересно Вас читать...*

Только объясните, что это такое? По правде говоря, я пишу, и не знаю, что я напишу. Пишу, «что скажут», почти

как сомнамбула. Но использую метод, дарованный Божьей Матерью в день молитвы к Ней перед образом Иверской. Я молился о преодолении литературного слабоумия, не мог исполнить послушания, написать очерк о старицах Серафиме и Марии. Это было на самый праздник в Сокольниках. Вечером было подсказано, как надо писать.

Это было в 1987 году. Тогда даже подумать не мог, что буду писать очерки о святых. И, конечно, профессиональным писателем себя не считаю. Не я пишу!

Прочитал: «Экзегетика, экзегеза (др.-греч. «истолкование, изложение») — раздел богословия, в котором истолковываются библейские тексты; учение об истолковании текстов, преимущественно древних, первоначальный смысл которых затемнён вследствие их давности или недостаточной сохранности источников». Очень польщён!

Да? А я думала — это просто толкование (без священных) текстов.

Именно священных!

Белая гвардия

Скажи — пусть будят хорунжего, бегут к есаулу: едем!
В казачьем полку прибыло, все юнкера в засаде,
Мамонтов в оцеплении, в нетерпенье — Каледин,
Деникин же в полном порядке и при параде.

Так им скажи — выступаем — зима ли, лето.
Цвет офицерства. Грудь колесом. Первая Мировая.
Впрочем, скажи — гражданская. У всех — ремни, эполеты...
А возраст как скошен косарем — ровно трава полевая.

Вот вам и дым Отечества: рано ли поздно —
но — «Боже царя храни». Новобранцы. Герои. Точка.
Долго стояли в дозоре — ни один не опознан.
Так и скажи — мол, гибельна и напрасна отсрочка!

К тому же, глядишь, подмога архангела Михаила,
а там, глядишь, и небесная — манна ли, брашно...
Степи, говоришь, ковыльные — им могила?
Море, говоришь, Чёрное — им пашня?

Пусть из варяг в греки кровью скользит, кривые
реки загораются, лишь поднеси спичку?
Так ведь ещё не кончено, а мёртвые и живые
на первый-второй всё рассчитываются, всё ведут переключку.

Ибо — в горчайших зёрнах замешанный пафос смерти —
под древком Отечества, под крестным древом и плащаницей
разнесён ветрами по землям пахотным,
растолчён, и выпечен, и уже от тверди
не отличён, новой шумя пшеницей!

1987

«А возраст как скошен косарем — ровно трава полевая» — показалось, что это самая художественная строчка в стихах. А потом и смерть их будет косить, *«ровно траву полевую»*.

Интересно, в Новом Завете, в слове Христа сеятель приобретает очень большое значение, почти символ. У автора с сеятелем Нового Завета переключается косарь. Но этот косарь переключается и с образами Апокалипсиса — «хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; елея же и вина не повреждай».

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нём дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч».

Пшеница, мука, хлеб — жизнь тела. Но тот же хлеб по слову Божию становится плотью Христа, жизнью вечной, жизнью и тела и духа.

Так и в строчках Олеси косарь приобретает духовное, бытийное значение, это не просто деревенский, сельскохозяйственный работник.

Горящие реки крови — это тоже апокалиптично.

Пафос смерти, и новая пшеница.

И опять-таки слова Христа: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих».

Хотя здесь другой смысл — отдельно друг от друга.

Но опять — пшеница.

Как яблоко Адама и Евы, это не яблоки, растущие в современных садах.

Некий святой, которого должны были бросить на съедение львам, писал, что готов претерпеть это, чтобы стать как пшеница перемолотая в жерновах, мукой хлеба Христова.

А в строках — *«Так ведь ещё не кончено, а мёртвые и живые / на первый-второй всё рассчитываются, всё ведут переключку»* — могла на подсознании, отразится очень часто звучащая песня Владимира Высоцкого о солдатах группы «Центр», рассчитывающихся на «первый-второй».

Да и «Воздушный корабль» Лермонтова проплывал мимо.

Прошу прощения за вялость мысли, пиво не позволило хорошо слышать диктующего свыше. Вино позволяет, а пиво глушит. Тут ещё и Старушка задала вопрос: в каком месяце она умерла? Произведя сильное впечатление. Теперь у нас подобные разговоры и вопросы каждый день. На мозги это действует.

Сергей! Я Вас не узнаю! Как? Вы — пьёте — пиво? Фи! Переходите на красное вино! Оно возвеселит Вам сердце! Особенно в метельную ночь, сидя у камина, в кресле-качалке, с котиками на руках!

Я избегаю пива, надо было поддержать компанию сыновей Старушки. Получилось заговенье на пост. Меня очень серьёзно убеждал один спортсмен-алкоголик, что пиво намного вреднее, чем водка. Старушка тоже не признаёт ни пива, ни вина, — только водку. У меня третий инсульт произошёл после пива.

Игра

Кто юности своей не дописал страницу,
тот в старости бодрится, молодится,
изображает пылкость и кураж,
ломая карандаш.

Но прочитай — и, судя по отрывку,
видать, не укатали горки сивку,
в пороховницах порох цел и сух,
хотя перо повылезло и пух.

Но бойки старички, кокетливы старушки,
и после небольшой утруски и усушки —
и блеск в глазах, и шутка льнёт к устам...
И только подлый дух крадётсЯ по кустам.

Бывает даже так: вдруг посредине смеха
лицо изменится, звук превратится в эхо.
И чья-то тень мелькнёт в зрачках, но вновь
чуть-чуть лукавя, изогнётся бровь...

И вновь взиграет золотая рыбка,
плеснёт хвостом, земля качнётся зыбко.
И как бы на скрипичный ключ игры
сам Ангел Смерти заперт до поры...

В какой-то мере это «Пир во время чумы». К сожалению, начинает быть понятна психология старичков и кокетливых старушек.

Пришло время: *«Бывает даже так: вдруг посредине смеха / лицо изменится, звук превратится в эхо. / И чья-то тень мелькнёт в зрачках, но вновь / чуть-чуть лукавая, изогнётся бровь...»*

Прошлое не отпускает, и люди из прошлого время от времени *«мелькают тенью в зрачках»*. Какой глубокий образ! Является не Каменный гость или дух отца Гамлета при вспышках молний, а именно тень в зрачках. А получается не менее выразительно, чем голоса и молнии.

*«И вновь взиграет золотая рыбка,
плеснёт хвостом, земля качнётся зыбко.*

*И как бы на скрипичный ключ игры
сам Ангел Смерти заперт до поры...»*

Печально, что это слишком гениально. Тут и сказать нечего! Но дай Бог каждому такую золотую рыбку, утешение в старости. Гёте в восемьдесят лет влюбился в молоденькую девочку.

Подобную игру я наблюдаю в Крюкове, да и по себе уже знаю. Начинаешь забывать об Ангеле смерти, а с иной старушкой и помирать веселее. Прыгали же в молодости из окон ради любви, и не боялись.

В молодости ради девушек, в старости на такое уже не решишься. Нет желания встречаться с этим Ангелом раньше времени! Лучше общество очаровательных дам, неважно, какого возраста.

Бальзак был великим знатоком женского сердца и влюблён в даму несколько старше его.

Какие крайности у маститого старца Гёте и пылкого молодого Бальзака.

«Любви все возраст покорны» — констатировал Александр Сергеевич.

Истинно так!

4 декабря 2016

В храме Ильи Обыденного священник, проводя общую исповедь предупредил, что каяться надо только в тех грехах, которые совершались, исповедь не должна быть формальной.

Привёл пример, как священник на общей исповеди называл грехи, и какой грех ни назовёт, бабушки отвечали:

— Грешны, батюшка, грешны.

Тогда священник спросил их:

— А не писали ли вы соблазнительные романы?

И эти полуграмотные старушки ответили:

— Грешны, батюшка, грешны.

Записки церковного сторожа

Злая ночь

В этом ливне — плач шакала,
клич тревоги — почему?
Что-то где-то потеряла,
только что же? Не пойму!

Словно враг подкрался с тыла,
ворог загасил свечу.
Словно что-то я забыла,
только что? Не отыщу.

И болит, теснит и тянет,
ломит, ноет, тяготит,
заунывный звук пристанет,
чёрный призрак пролетит.

Я ищу — чего не знаю,
вспоминаю, что не так,

и мотив перевираю,
громко кашляя в кулак.

Ах, в такую ночь испанка
спляшет, выкурит кальян,
чтобы тайная изнанка
обнаружила изъян.

И монашка в ночь такую
перечтёт Псалтирь не раз,
чтоб темноту потайную
словом высветить для глаз.

Потому что в безымянной
этой туге и войне
можно сгинуть, как в туманной
и обманной стороне.

Не испанке, не монашке —
разве струны перебрать,
на осечке, на промашке,
как на арфе поиграть?

А когда пойдёт, польётся
музыка, плетя сюжет,
сердце тут же отзовется:
это — да, а это — нет!

Вы прямо как Пушкин с «Бесами»:
«Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...».

Ничто человеческое Вам не чуждо. Собственно, и подвижники были людьми, а не героями с картинок.

Вы:

*«И болит, теснит и тянет,
ломит, ноет, тяготит,
заунывный звук пристанет,
чёрный призрак пролетит».*

Пушкин:

*«В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня».*

Наверное, будет православно-навязчиво говорить, что в «Бесах» Пушкина отражено не только состояние природы, но и состояние его души. Так, или иначе, оба автора конкретно пишут о виновниках такого душевного состояния: тревоги, бури и мрака — бесах. И оба автора избавляются от их власти через слово. Этаким «бесовский психоанализ» на радость читателям, которые, читая подобные стихи, начинают видеть, и стало быть частично избавляться от причин своих страхов и тоски. Слово авторов, как луч света, высвечивает грех, обман, лукавство, корни помрачения. Авторы-то пишут о себе, но читающие восклицают: «И со мною это произошло! Это обо мне написано!» Потому авторы — классики.

«Словно враг подкрался с тыла, / ворог загасил свечу. / Словно что-то я забыла, / только что? Не отыщу». В этих строках отражено «Добротолубие». Святые отцы пишут, что бесы, враг не идёт в лобовую атаку, а заходит с тыла, нашёптывает человеку мысли, которые он принимает за свои, но которые оскверняют его, подталкивают к страстям, гасят светильник души.

«А когда пойдёт, полъётся / музыка, плетя сюжет, / сердце тут же отзовется: / это — да, а это — нет!»

Эта музыка от Бога — камертон для авторов. Психоанализ Фрейда не исцеляет душу, не рассеивает мрак, а только успокаивает, примиряет душу с этим состоянием жизни во

мраке. Как и произведения Набокова не окрыляют душу, что уж говорить о Чехове. Изошрённая безысходность. А оттого, что мастерски выписаны малейшие детали, знаки, от этого наступает безысходность ещё большая. Безысходность неверующего человека, каковыми и были и Фрейд, и Набоков, и Чехов.

И описание бесов и у Олеси, и у Пушкина даже как-то веселее. Это описание тьмы под светильником, таково знание авторов. Это несомненно лучше, чем описание беспросветной тьмы. Тем более автор, Олеся, ставит правильный диагноз, исцеляя себя, помогает исцеляться другим.

«Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи», — говорил «убогий» Серафим Саровский. Таково действие стихов «убогой сочинительницы» Олеси.

Сергей, Вы меня пугаете...

Вот что делают с человеком Ваши стихи!

Марина Авидзба: Почему-то параллельно пошли «Бесы» Пушкина. Хотела написать, но воздержалась. Причем, с первого куплета. Музыка та... А сейчас вижу, что неспроста — не у меня одной такие ассоциации.

О. Владимир Вигилянский: А мне кажется, что, помимо того, о чём написал Сергей Фёдоров-Мистик, здесь есть дерзновенная мысль автора.

Олеся: Ой, какая «дерзновенная», отец Владимир?

О. Владимир Вигилянский: Именно творчество может расставить всё на свои места: «это — да, а это — нет».

Сергей Фёдоров — о. Владимиру Вигилянскому: Я очень сожалел, что на вечере поэзии, уже за чашкой кофе не мог

услышать Вашу беседу о том, почему Вы считаете систему Станиславского в искусстве бесовской. Надо было общаться с людьми, с которыми мы не встречались и у которых были ко мне вопросы.

Но, очевидно, это похоже на пример «живоподобия», который я приводил в какой-то статье. Когда на стенах деревенских храмов символ евангелиста Луки — Тельца изображали в стиле народного реализма передвижников, настоящей, с лоснящейся кожей коровой, только слепни не садились и не пахло навозом. Это и есть система Станиславского?

Олеся: Да, Сергей! Молодец! Точно ухватили с пол-оборота то, о чём лишь походя намекнул отец Владимир... Но только слово «бесовский», может быть, слишком сильное... А так — тонкий Вы человек всё-таки! Правда, здорово!

Сергей Фёдоров: Олеся, а ведь это тема стихов, о Тельце и корове.

Олеся: Я-то поняла, о чём Вы, а другим не очень понятно.

Сергей Фёдоров: Я, наверное, не смогу ясно сформулировать, «о чём я», как это Вы делаете в стихах, в своём эссе о безмолвии. Что безмолвие — это не механическое отсутствие звука. Добавлю и что «Чёрный квадрат» Малевича — это не чёрный противень из кухонной плиты, а это, может быть, и «чёрный» внутренний мир слепого человека. (Это для наглядности). Голландцы, глядя на иконы, удивлялись «плохописанию русских», изображения духовных откровений на духовном языке живописи они измеряли мерками «живоподобия», техникой, выписанностью.

Та же корова и Телец. Духовный мир качественно иное бытие. Как нельзя сравнивать осязание и мысль. Людям непонятно, что каждая вещь имеет свою силу. Что-то подума-

лось о проклятии бесплодной смоковницы, получается, что и деревья имеют свою душу, своего ангела как идею. Отец Всеволод Шпиллер говорил, что всё имеет своих Ангелов: и лес, и озеро, и города. Но это какая-то бесконечная тема.

Железная логика

Во время Великого Поста болящий на голову алтарник, глядя на чёрные облачения священников, чёрные покрывала на иконах и аналоях, чёрные плащаницы и халаты служительниц, заявил:

— Если во время Великого Поста грешить, то только с негритянской. Она тоже вся чёрная, у неё только подошвы ног розовые.

Записки церковного сторожа

Слуги и господа

Покуда кутят, наслаждаются,
тусят, спуют туда-сюда,
романы крутят, обедаются,
жизнь прожигают господа,

их челядь с мыслями неровными
руками щупает испод,
интересуется любовными
интригами своих господ.

Интересуется недостатками,
убытками, мошной, ларцом,
духами, тайнами, ухватками, —
всё с важным пробует лицом!

И друг пред другом — по касательной:
— Мои — богаче и сильнее!
— Мои — прославленной, влиятельней!
— Мои — роскошнее царей!

И столько искренности, страстности
в их откровенных искони,
что ощущение причастности
семейной гордости сродни.

И правда ведь — закат пылающий,
и экзотический самшит,
и пруд, под вечер обмирающий,
к которому дворец пришит,
не челяди ли, это знающей
на ощупь, — здесь принадлежит?

...Не так же ль Смерть с артритом в голени,
как слуг, господ низвергнет с круч:
— Без отпускного вы уволены!
Верните ключ!

Получается, что пока господа кутят, наслаждаются челядь делает дело. Приказчики и слуги лучше знают дела своих господ и со временем сами становятся господами, только без титулов. А господа остаются с титулами, но только без дворцов, прудов обмирающих и ларцов. Меняются местами, становятся титулованными слугами (экономически) новых господ (новых русских), своей челяди. Это звучит уже в пьесах Чехова и на самом деле жизненно и реально.

Смерть как госпожа для слуг, господ. Оказалось, что господа-слуги не должны были прожигать жизнь, посвящать её только своим наслаждениям, страстям. Не для этого им было дано время, дана жизнь. Стихотворение об ответ-

ственности, о приумножении талантов данных от Бога. А слуги становятся господами, это может быть и о страстях и привычках. «Делающий грех, есть раб греха».

*«И правда ведь — закат пылающий,
и экзотический самшит,
и пруд, под вечер обмирающий,
к которому дворец пришит...»*

Удивительно красивые строчки. Это имение может переключаться и с виноградником и коварными виноградарями. «Наш виноградник, сделаем нашим богатством, для своего удовольствия. Убьём сына хозяина (убьём и в себе образ Божий) сами станем хозяевами». А вот госпожа Смерть отбирает время и богатства. И то же будет с разбогатевшими слугами.

«Ищите прежде Царствие Божие и правды Его, и это всё приложится вам».

«Приложится, непременно приложится, но прежде ищите Царство Божие» — о. Всеволод Шпиллер.

Ёмкое стихотворение. Даже некая образующая текст формула драматического или большого поэтического, или прозаического произведения, сфокусированная в этих строчках сверхзадача.

Фонарик

Ах, не то, что б ты постарел и потёртым мехом
седины вызываешь жалость иль дряблой кожей,
разговор прерывая внезапным смехом,
на покашливанье похожим...

Нет, но явно что-то ушло, погасло
там, внутри у тебя, левее.
Иль лампадное истощилось масло,
иль теперь водица взамен еля?

Так и в осени этой земля, боля,
немигающим смотрит прощальным глазом.
Лишь один фонарик в конце аллеи
загорается синеватым газом.

«Потёртым мехом седины» — какой штрих, образ, видение! Поэт, как медик, диагност. И диагноз хотя поэтический, но точный, почти неумолимая констатация факта. Остаётся только философствовать и ждать конца.

Погас человек, меркнут очи, немощи одолели.

А поскольку это поэтический диагноз — *«Иль лампадное истощилось масло»* — то скорбит душа ещё больше, нежели от чисто медицинского диагноза в прозе.

Здесь уже задеваются сущностные явления. Молитвы в сердце нет, сердце погасло, постоянный плач, образ в Псалтыри.

«Так и в осени этой земля, боля, / немигающим смотрит прощальным глазом. / Лишь один фонарик в конце аллеи / загорается синеватым газом» — это не свет в конце тоннеля, а свет в конце аллеи, за которым тьма.

Грустные настроения. Всему своё время. Народ теперь начнёт грустить и философствовать с матушкой Олесею и восхищаться её поэтическими образами.

Неумолимая реальность, шум праздника жизни отходит, и человек остаётся наедине сам с собою, в ожидании гостыи, шаркающей тапочками, покашливающей, и поскрипывающей костями, которая, придя, первым делом может спросить, нет ли таблеток от кашля, слишком слякотная и осенняя погода, а работать надо. И только от стакана водки раздобреет и скажет, что зайдёт позже.

Нетерпение

На исповеди ветхая старушка с двумя палочками,
просит священника, отпустившего ей грехи:
— Батюшка, благословите меня умереть.

Записки церковного сторожа

Искушение

Вдруг увидеть: среди чужих дворов
и до самых петухов четвёртых
ты идёшь, и страшен твой покров.
Не безумье ль — крикнуть: «Будь здоров!» —
мёртвому? Но ты живой среди мёртвых.

Как тебе в той ледяной стране,
где уже — ни бури, ни измены,
ни стрекоз, ни лодок на волне?..
Иль ты столько думал обо мне,
что прорвал преграды и пелены?

Иль — по маловерью моему —
обольститель христиан усталых,
по ночам не спящих и во тьму
пялящихся — послан мне?.. Ему
сказано ж — на кровлях и в подвалах:

«Мы не лепим из подённых драм,
одиночеств, сумрака и братства
призраков. Не верим их дарам.
Лазаря мы не поём ворами.
И своих усопших по дворам
не гоняем за полночь шататься!»

Считается, что Данте спускался в ледяные глубины ада, что в аду, в его глубинах не огонь, а лёд.

Само название стихов «Искушение» подсказывает, что речь идёт о двойнике от тёмных сил, принимающих обличье или Ангела, или близкого, умершего человека. И вот дан чёткий ответ, критерий :

*«Мы не лепим из подённых драм,
одиночеств, сумрака и братства
призраков. Не верим их дарам.
Лазаря мы не поём ворах.
И своих усопших по дворам
не гоняем за полночь шататься!»*

Это говорит о духовной трезвости автора стихов и отсутствии экзальтации, к чему склонны бывают поэты и поэтессы, принимая миражи и иллюзии за Истину.

У Олеси очень ясное и фундаментальное восприятие жизни, основанное на опыте православной духовности, где сказано не принимать никаких видений, дабы не впасть в прелесть.

Прелестные стихи и очень назидательные!

Всё-таки в творчестве матери Ольги-Олеси очень чётко прослеживается линия Данте, тяготение к нему, как к родственной натуре, решающей одни и те же проблемы.

Старушка Ксения Александровна Калошина очень хотела увидеть свою умершую сестру. Она увидела её во сне в раю, в прекрасном саду полном цветов. Анна выглядела, как маленькая девочка, хотя умерла глубокой старухой. После восторгов, радостных восклицаний Ксения Александровна сказала сестре:

— Аня, ты совсем, как маленькая девочка.

— А ты посмотри на себя, ты тоже, как девочка, — ответила сестра.

Она подвела к некоему зеркалу цилиндрической формы, словно из воздуха, и Ксения увидела в нём двух детей, одним ребёнком была она сама.

— Это я тебя на короткое время вымолила, чтобы ты попала сюда, — сказала Анна.

— А если бы навсегда.

— Навсегда навсегда... — стало звучать в воздухе. Анна стала удаляться, сад исчез.

Бывшая казначей Николо-Кузнецкого храма Пелагея увидела во сне настоятеля о. Всеволода Шпиллера. Тогда ещё не прошло много времени со дня его смерти.

Он предложил ей вместе помолиться. Пелагея с радостью встала на молитву.

«Какие странные молитвы, — думала про себя Пелагея. — Я таких никогда не слыхала».

О. Всеволод повернулся к ней и сказал:

— А Ксения Александровна тоже сейчас молится.

Молитвы закончились. О. Всеволод ушёл. Пелагея проснулась. На часах было половина третьего ночи.

Утром она позвонила Ксении Александровне и рассказала о посещении о. Всеволода, о молитвах и последних его словах.

Наступило глубокое молчание. Оказалось, что Ксения Александровна в это время действительно

молилась, и молилась она своему духовнику о. Всеволоду.

Священник рассказывал о советском инженере, пребывающем в томлении духа и мучительных поисках смысла жизни. Почти случайно он попал на отпевание о. Всеволода. Его потрясла заупокойная служба по о. Всеволоду, количество священников, прихожан, и сила молитвы, стон и плач.

Ночью во сне ему явился о. Всеволод с пламенеющим, как факел, архиерейским жезлом. Он коснулся им инженера и сказал

— Иди к моим духовным чадам.

Инженер стал ревностным работником Николо-Кузнецкого храма, обрёл Истину и духовного отца. Постоянно поминает в молитвах о. Всеволода.

Записки церковного сторожа

Из цикла «Маски»

Она стоит передо мной, двоясь...
У девочки, смешной и крутолобой,
у ласточки — скажи, какая связь
вот с этою напыщенной особой?

Что общего меж ними — хоть анфас,
хоть в профиль — несличимы эти лица:
в каком из этих злых безгливый глаз
скрывается, таясь, отроковица?..

И вот умрут они (умрёт она), дымком
затянет прошлое, и крышка гроба треснет,
взойдёт лопух... Так в образе каком,
в каком из образов, скажи, она воскреснет?

Не сразу, но всё же дошло до сознания, что девочек не две, а одна девочка, о чём написано в первой же строке. Автору эта девочка явно не чужая, ибо автор за напыщенной особой с брезгливыми глазами, видит в ней и ласточку, и таящуюся отроковицу. И переживает за неё: кто воскреснет после смерти — ласточка или «крокодил»? И явно пока «крокодил» начинает доминировать, заслоняет собою ласточку в девочке. Автор любящими глазами смотрит на девочку-ласточку, и, может быть, по молитвам автора осуществится особый Промысел Божий для «спасения ласточки», которую «поглотил крокодил». А вообще, перефразируя Достоевского, можно сказать, что крокодил и ласточка во всяком человеке борются, и вопрос в каком образе человек воскреснет? Жаль Ласточку, чувствуется, что автор её любит.

Кузнечик

Везде проживу! Никуда не отправишь такую,
ведь для меня вся земля, вся вселенная — дом.
Воду не пью — я целую, целую, целую
в тонком стакане сырой ледяной водоём.

Катится солнце одним колесом колесницы.
Храбрый возница, он скроется скоро во рву.
Плачу, люблю, погибаю — пускай это снится:
я и во сне — проживу!

Бедный мой враг, как мне жаль тебя! Словно простуда,
злость твоя бьёт лихорадкой, трясёт и знобит.
Дай мне пощечину — я засмеюсь и забуду,
розу куплю, на которую шмель прилетит.

Разве что к ночи, когда очевидное тает,
странный несчастник во мне оживает, навзрыд

рвётся наружу и тонкие руки ломает,
бьётся, как пульс, и стрекочет, лопочет, звенит...

Я же — играю, рискуя, гуляю, шикую,
и говорю: «Я везде проживу, погляди!»
А у меня этот странный печальник томится, тоскуя,
словно кузнечик стрекочет и бьётся в груди.

1972

Общаясь с Вами на фб, начал видеть конструкцию стихов, как они сшиты.

Замечательно: «Воду не пью — я целую, целую, целую / в тонком стакане сырой ледяной водоём» — гениально.

«Плачу, люблю, погибаю — пускай это снится: / я и во сне — проживу!»

«...Злость твоя бьёт лихорадкой, трясёт и знобит».

«...Рвётся наружу и тонкие руки ломает, / бьётся, как пульс, и стрекочет, лопочет, звенит...»

«Я же — играю, рискуя, гуляю, шикую...»

Создаётся впечатление, чтобы создать стихи, надо сделать спицы из подобранных по смыслу глаголов, каркас, скелет, и их одеть в словесную плоть. Но попробуй это сделать сам, получится пугало огородное.

Нежность и прозрачность юности — вершины которые уже матерый поэт вряд ли достигнет, есть мастерство, нет наивности, которую не сымитируешь. У мастера уже другие высоты.

«Три богатыря»

Посвящается С. Ф.

На переднем плане три пары ног лошадиных, шесть вертикалей,
и притом ни одна из кобыл не взбрыкнёт,
не ударит в землю копытом,
этакий частокол — колонны Большого театра,
однообразье деталей,
кони самодостаточны, унылы, сыты.

Да и богатыри под стать им — скучны, безъязыки.
Латами скрыты тела, головы — шлемами, всё условно,
хоть и вовсе закрась им лица — будут также безлики,
словно знаки иль манекены — все поголовно.

Пусть бы хоть Алёшка Попович махнул кудрями,
иль Добрыня Никитич врагу показал дулю,
да Илья Муромец бы изобразил бровями:
он-де слышит птицу вещую — кукующую зозулю...

Но слишком высока линия горизонта, заземляя картину...
Не хватает неба, воздуха, свинцовыми облаками
заволакивает головы, и богатырям в спину
утыкается пространство лбом и всеми руками...

Там — зеленоватые холмы затаились, скрадывая и пряча
выделку доброй кольчуги леском, дымкой увитым.
А на переднем плане — яркие разноцветные клячи
верховенствуют своим колоритом!

Никто не отбрасывает теней... Ни спереди, ни слева, ни справа
свет не бьёт наотмашь, чтоб заслонять рукой, и отныне
хрестоматийная эта банальность очевидна и величава
лишь для школьника в сочинении по картине.

Но особенно ударяет в глаза контраст оранжево-синий.
Это Поповича оранжевые порты и синеющая рубаха.
Это иссиня-чёрный корпус коня, это из вертикальных линий
жёлтый сапог — охрою бьёт с размаха.

И от этой выставки модной обуви — броской и разнопёрой,
Рембрандт ворочается в гробу, вот-вот вовсе перевернётся,
а меж тем пейзаж, подавленный монументами, шевелит хворой
травой, манит изгибом леса, на волю рвётся...

... Так мне друг-мистик растолковывал жизнеподобья
ложь и лукавство, когда оно замахнулось
на сакральность мифа... Лишь булава да копыя,
да коней копыта, да плавных холмов сутулость.

2016

Критика картины Васнецова «Три богатыря»

Что-то показное есть в этой картине. Работа на публику. Трудно представить, чтобы Карл Брюллов так статично выстроил композицию из коней. Очень статично, скучно и неинтересно. А то, что художник их «покрасил» в разные цвета, сообщает какую-то легковесность. Если бы кони по цвету были близки друг другу, картина производила бы более сильное впечатление. Разноцветье разрушает целостность образа, монолитность и серьёзность, и значимость, на которую претендует Васнецов. Человек, одетый, как попугай, в разноцветные одежды, не воспринимается всерьёз, не вызывает ощущения силы.

Передние ноги лошадей образуют шесть вертикалей и выстроены в ряд, как колонны Большого театра. Ни одна лошадь не бьёт копытом, не встаёт на дыбы. Такой тын из лошадиных ног навевает скуку. Так же фронтально в ряд изображены тела всех трёх богатырей, и три одинаковых по форме шлема, венчающие их головы. Однообразие форм. Скучно. Ведь молодого героя можно было бы изобразить и без шлема на голове, показать его золотые кудри, как символ удали молодецкой. И картина бы ожила. А так всё получается ходульно. Все три персонажа закованы в латы, на всех троих шлемы, и человека за этим железом не видать. Одни лишь знаки. Закрась у этих знаков, манекенов лица, как это делал Малевич, и по существу ничего не изменится.

Лошади какие-то «натурально деревенские», белая и рыжая просто некрасивые клячи. Очень высокая линия горизонта, большая заземлённость. Если бы точка зрения располагалась ниже, зритель бы смотрел снизу вверх, как он смотрит на памятник Петру, то и кобылы Васнецова смотрелись бы величественно.

На самом деле главные герои картины — кобылы, именно на них, на чёрном коне останавливается взгляд зрителя, а это недопустимо по смыслу. Разноцветье коней, большая

масса цвета, забивает одинаковые фигурки всадников в серых доспехах, по существу мы всадников видим только по поясу. Лошади выходят на первый план.

Не хватает неба над головами богатырей, они почти упираются шлемами в верхний край картины, соответственно и лица героев в картине располагаются слишком высоко, трудно для восприятия. Причём эти серые шлемы с голубоватыми оттенками близки по цвету к серым облакам и как бы растворяются в небе. Поэтому так и давят разноцветные лошади, всё время возвращают взгляд к центру картины, к себе. Там происходит главное действие, главные контрасты цвета. Потому что серая кольчуга центрального персонажа и серые доспехи правого от нас богатыря по цвету сливаются с серо-зелёным лесом на холме на дальнем плане.

Серо-зелёный лес хоть и на дальнем плане, но его много, и он поглощает фигуры в сером. В небе «растворились» шлемы, в лесу доспехи, и опять на нас прут кобылы. Да и чёрный конь тоже «поглощается» лесом, конь сливается с ним.

В картине нет яркого солнечного света, всадники не отбрасывают теней, солнце не слепит им в глаза, и поэтому незачем центральному богатырю, всматриваясь в даль, прикрывать глаза рукой. Жест получился надуманным, величаво-театральным, и просто банальным. Такое же впечатление от всей картины — величавая банальность.

Автор пыжится изобразить что-то великое и значительное, а не получается. В античные времена говорили: «Он не смог сделать красиво, поэтому сделал богато». В отношении Васнецова можно перефразировать: «Он не смог сделать великое произведение, поэтому сделал большое» (это применимо и к Церетели).

Если бы линия горизонта не была бы так высоко, значимость фигур намного бы увеличилась. На фоне неба, на фоне степи, бесконечной перспективы они бы смотрелись исполинами. Этот приём использовали старые мастера. Большие объёмы фигуры первого плана уравнивались

бесконечными пространствами за ней, что придавало фигуре вселенское значение. «Юдифь» Джорджоне, «Святой Себастьян» Тициана.

Богатыри находятся не на фоне бесконечных пространств, а на фоне огромной массы холмов, горы, которая распласталась по всей картине от края и до края, этот гигантский объём за их спинами визуально значительно уменьшает их размер и значимость. Большой объём на фоне ещё большего кажется меньше. Получается, что фигуры на картине здоровенные, а впечатления не производят.

Васнецов ради написания картины исследовал ландшафты среднерусской полосы и пришёл к выводу, что они характеризуются холмистой местностью, и, следуя «правде», вопреки законам композиции, помещает за спинами богатырей эти холмы, что очень вредит всей картине.

Такое следование «обязательной правде жизни» умилило автора в одном из деревенских храмов, когда вместо Тельца, знака евангелиста Луки, в медальоне на сводах под куполом он увидел реалистически выписанную голову чёрной коровы с грустными глазами, только что мухи не садились на её лоснящуюся кожу.

Казалось, Бурёнка сейчас замычит, вторя ангельскому пению. Художник «иконописец» следовал установкам, сказано было изобразить тельца, то есть корову, вот корова и изображена в лучших традициях передвижников — «обязательной правды». Корова на небе — это нечто. Кстати, и «иконы» Васнецова написаны в таком же ключе «чёрной коровы». Совершенно бездуховные.

Нельзя символ понимать буквально. Символ «серп и молот» не подразумевает преклонения перед слесарным молотком и проржавевшим крестьянским серпом. Соответственно, и изображать их натуралистически неверно. Опять можно привести анекдот о чукчах, которые на первомайской демонстрации несли транспаранты — «мир», «труд», «май», «июнь», июль», «август».

Это же касается и картины Васнецова. Если его богатыри — былинные герои, то стилистика должна быть совсем другой. Если это живые люди, то они не должны быть ходячими монументами. Это низведение символа на слесарный молоток прослеживается во всём творчестве Васнецова. (Исключение составляют «Три царевны», там есть живописные элементы).

За счёт контраста оранжевого и синего, а это дополнительные цвета, то есть цвета, соседство которых друг с другом их заставляет «кричать во всё горло», наше внимание постоянно привлекает нога центрального героя, одетая в оранжевые штаны и желтоватый сапог. Она просто вопит о себе на фоне подола синей рубахи, и иссиня-чёрного корпуса коня. Нужно ли говорить, что недопустимо, чтобы в изображении героя «главным героем» была его нога, а не лицо, или вся фигура. Оранжевая нога раз в десять смотрится интенсивнее, чем слегка розоватое лицо, обрамлённое серебристой бородой и белыми кудрями, покрытыми серебристым шлемом. Лицо тает на фоне серебристого неба, а объёмная нога прёт вперёд.

Очень мешают цельному восприятию золотые финтифлюшки, цепочки и украшения на чёрном коне.

Как-то сомнительно, чтобы центральный герой крестьянского вида имел золотую сбрую. Неестественно смотрится на нём и пояс из «золота», золотые стремяна. По закону дополнительных цветов они тоже «кричат», возникает дробность и мельтешение. Нет монументальности в образе. Золотые стремяна, цепь, украшение тщательно выписаны, как бы живут своей жизнью и смотрятся гораздо интенсивней, чем лицо героя. Что тоже недопустимо.

Совершенно дикое сочетание: оранжевый щит и зелёные сапоги, оранжевая сбруя. Оранжевое на фоне зелёного леса страшно раздражает глаз. Если бы не это разноцветье, герои бы смотрелись спокойнее и сильнее. Для силы характерен покой, а не мельтешение. Нет гениальной простоты.

Одень Джоконду в цыганские пёстрые одежды и она «умрёт». Эти дикие цвета убивают героев Васнецова. Нет характерности в лицах. Лицо левого богатыря с бутафорской бородой похоже на лицо куклы или ёлочной игрушки. Для сказки хорошо, но какую цель ставил перед собой Васнецов, какова сверхзадача? Возникает эклектика, смешение сказки, эпоса, сверхреализма.

В реальной жизни старик с седой метровой бородой не мог быть воином, скакать на коне, разить врага мечом. Ни один передвижник не стал бы изображать подобное. Значит, перед нами былинный или сказочный персонаж. Но зачем его тогда изображать в стиле передвижников, в стиле фотографического реализма? Ведь «махнул мечом — улица, отмахнулся — переулочек» — это метафора. Её нельзя понимать буквально, тем более изображать в системе «обязательной правды». Перед нами тот же слесарный молоток вместо символического молота, чёрная корова вместо Тельца. Дико было бы изобразить живую птицу с двумя головами как символ Российского государства, но по этому пути и пошёл Васнецов в своих «Богатырях» как символе Руси Великой. Перед нами смешение систем, понятий, и то же самое бессмысленное репинское кредо — «Материя как таковая», «Двуглавая птица как таковая». «Май», «июнь», «июль», «август» как таковые.

Василий Великий сказал, что если в Библии всё понимать буквально, это будут бабские сказки.

Сказано: «Бог насадил деревья (в раю)». Добавь тогда: «Взял заступ (лопату), выкопал ямы, посадил деревья» (неточная цитата). Но именно такой подход к иконописным сюжетам у Васнецова, Поленова, Нестерова, Репина.

Живая двуглавая птица.

У каждого из богатырей сапоги разного цвета: зелёные, охристые, оранжевые. Рембрандту в голову бы не пришло устраивать такую выставку модной обуви. Разноцветные лошади, разноцветные сапоги. Нет общего колорита в картине,

всё раскрашено. Детский подход, раскрасить как можно разнообразнее. Более всего глаз раздражают оранжевые пятна на зелёном фоне, одежды правого богатыря, щит. Это нечто антихудожественное, противоречит элементарному вкусу и гармонии. Женщина, одетая в оранжево-зелёные ткани, будет восприниматься как вульгарная особа. Очевидно, к картине художник должен относиться, как к женщине, одевать её в гармоничные одежды, гармоничные цвета, выдерживать общий колорит. Если бы не заявка на реалистическое изображение, это детское раскрашивание, наверное, бы очень неплохо смотрелось как абстрактное искусство. В этих пятнах цвета есть своя жизнь, свои отношения.

Но основной контраст в цвете и массе возникает между мраморно-белой с нездоровым голубым оттенком лошадьё и чёрным конём. Они напоминают новобрачных. «Чёрт во фраке» и «Белая Офелия» с распущенными волосами (гривой) и влажными завораживающими чёрными глазами. Кстати, эта красивая, пышная, распущенная, как волосы, грива, намного превосходит бороду богатыря, делая его лицо второстепенной деталью. За бородой богатыря мы не видим его лица, а за гривой лошади не видим бороду. Розовых бантиков не хватает в дивных волосах «Белой Офелии». Её объёмная морда такая красивая и выразительная, много искреннего чувства вложил Васнецов в эту морду, что по сравнению с этим объёмом, выпирающим на зрителя, голова всадника кажется фанерной, бутафорной.

Гигантский чёрный конь центрального всадника воспринимается как зверь из преисподней, как воплощение тёмных сил, и непонятно почему на этом «эфиопе с красными глазами, вышедшем из ада» восседает православный дедушка-богатырь. Низ — это ад, верх — благообразие, может быть, в этом весь человек? (Но вряд ли Васнецов знал психоаналитиков).

Рядом с этой лошадиной «супружеской парой» третья лошадь с поникшей головой кажется «сестрой-замараш-

кой». Одежды витязя и грива лошади (а её много) по цвету сливаются с пожухшей травой, и визуально получается, что молодой человек парит в воздухе, расставив ноги в оранжевых сапогах. Состояние полной неустойчивости. У лошади разъезжаются передние ноги. На такой дохлой, худой и попурой кляче не очень-то защитишь Родину. Если перевести взгляд правее от витязя к линии горизонта, и изображение лошадиной головы немного смажется, то окажется, что это сам витязь стоит на двух лошадиных ногах. Как фавн, только фавн на козлиных ногах, а юноша на лошадиных, как на ходулях. Полный сюр.

Однако ёлочки, с любовью изображённые на первом плане, задают координаты реального мира, сообщают нам, что мы находимся не в сказочном пространстве, не в духовных мирах, не в условных системах парадоксальных измерений, а на реальной земле, где пахнет пожухшей травой и хвоей.

Очень величественен пейзаж. Наверное он написан с натуры. Такие величественные просторы открываются окрестностях древнего города Дмитрова.

Пейзаж по-своему суров, как и подобает пейзажу, посвящённому воинской теме. Здесь нет яркого солнца, голубого неба. Большие массы облаков фиолетово-синих оттенков повторяют очертания гигантских холмов, составляя с ними единое целое. Эти холмы кажутся живыми и обретают планетарное значение. Земля как языческое божество. Остаётся только в трепете пасть на колени и целовать поверхность в священном ужасе перед разверзающейся мощью.

Если бы не попугайные богатыри, их присутствие, то это была бы великая картина, не уступающая пейзажам Ван Гога.

Васнецова сгубил литературный подход к сюжету картины. За литературой он не видел живописи, словно и не знал законов композиции.

Сергей Фёдоров-Мистик

Точное слово

Несколько лет назад у меня умирал муж: с каждым днём, проведённым в больнице, ему становилось всё хуже. Обессиленного болезнью я, по его просьбе, забрала домой. Отчаяние заливало меня мутным потоком тьмы.

В тот же вечер — я знала — Святейший должен был выступать в храме Христа Спасителя, куда и я была приглашена. Несмотря на очевидную нелепость — оставлять больного одного, — я поехала туда в надежде, что смогу как-то подобраться к Патриарху и попросить его молитв. Что и произошло. Стоя на сцене, у всех на глазах, я, дрожа от собственной дерзости, шёпотом обратилась к нему, умоляя помолиться за умирающего отца Владимира, которого Святейший знал. Но не успела я закончить свою мольбу, как он твёрдо сказал: — Всё будет хорошо! Отец Владимир поправится!

И я всем существом почувствовала, что — да, так и будет! И, действительно, начиная с этого вечера болезнь стала уходить, а больной постепенно встал на ноги.

Я знаю, что к нашему Патриарху часто примеряют слова об «эффективном менеджере» или что-то в этом роде. Порой видят лишь парадную сторону его жизни. Глядя на куколь, не замечают человека. Слушают речи и не узнают тайнозрителя. Повторяют слова ектеньи о «Великом Господине и Отце нашем» и не чувствуют своего сыновства. А меж тем любящему сердцу приоткрываются высоты и глубины, и хочется произнести вслух то, что ему известно прикровенно: наш Патриарх — молитвенник и подвижник, милостивый и мудрый человек. Попросту — старец.

Как надо любить Христа и Его Церковь, чтобы богатою юноше, двадцати трёх лет от роду, полному сил, идей и талантов, который хорош всем — и видом, и статью, чтобы вот так — раздать всё «своё», принять монашеский постриг и пойти за Господом, куда бы Он ни повёл. Во тьму непредсказуемости и неизвестности, в которую погрузилось атеи-

стическое государство эпохи Брежнева... В разлом тысячелетий с наваждениями глумливого постмодерна...

Человек сильного и яркого ума, красноречия, пассионарности и той свободы, которую даровал Христос, он всегда поражает меня своей способностью открыть неожиданный духовный ракурс и обнажить самую суть явления ли, проблемы, отыскать для неё верную метафору, назвать точным словом. Это можно назвать пониманием криптограмм реальности. И эта оригинальность мышления, взгляд на мир, сформировавшийся в недрах православной патристики и личного молитвенного подвига, свидетельствуют об уникальности христианской личности, о непреложности апостольских слов: «где Дух Господень — там свобода».

Такой человек наверняка мог бы найти своё высокое место и в мирском пространстве. Он мог бы дать фору любому светскому политику, социологу, журналисту, лектору, даже искусствоведу. Он мог бы стать значительной фигурой как государственного истеблишмента, так и российской интеллектуальной жизни. Но сегодня в куда большей степени мне хочется сказать о нём не столько как о церковном деятеле, положившем начало осуществлению новых идей после многих десятилетий разрушений и поруганий церковной жизни, но как о молитвеннике. Это основа его призвания и миссии.

Олеся Николаева

Выход патриарха Алексия II в метафизику

Весной 1995 года я работал в храме при патриаршей резиденции в Переделкине. Время от времени нас посылали на работы на территорию самой резиденции.

Как-то вместе с молодым лейтенантом, приехавшем на встречу с о. Кириллом и жившем при храме, нас послали на послушание сбрасывать снег с крыши патриаршего дома. На крыше было как-то благодатно. Сбрасывая снег, мы весело шутили с лейтенантом. Иногда он вдыхал дым печных труб и определял, какие пироги пекутся на патриаршей кухне: с грибами или с визигой.

Однако, когда вечером за трапезой я рассказал об этом работницам храма из числа паломниц, они страшно возмутились, говоря, что мы находились прямо над кабинетом Святейшего, патриарх всё видит и слышит, и мы мешали ему и таким образом принесли вред всей Церкви.

Такие категорические заявления, что патриарх всё видит и слышит, сама категоричность вызвали возражение. Я сказал, что не обязательно сан патриарха подразумевает святость и прозорливость. Конечно, патриархи часто были люди святые, но всё-таки сам по себе патриарший трон святости не добавляет, сан патриарха — это должность в церковной иерархии.

Женщины стали видеть во мне врага Церкви. Я вспомнил митрополита Сергия, фреску храма, где я работал раньше, на ней Константинопольский патриарх, не почтивший свт. Николая, тонет в море, протягивая руки к явившемуся и спасающему его святителю Николаю, и сказал женщинам, что и патриарх может ошибаться. Женщины окаменели от возмущения и перестали признавать моё существование как таковое.

Меня это несколько огорчило, и я шутя решил, что на следующий день возьму с собой на крышу молитвослов и прочитаю акафист о здравии патриарха, а потом сообщу

об этом ревностным жёнам, чтобы они успокоились и не видели во мне врага православия. Однако на следующий день с утра на крышу нас не посылали. Потом пришло сообщение, что святейший уехал. Я был несколько разочарован.

В середине дня нас всё-таки послали на крышу, но уже с молодым подвижником Андреем, но таким благочестивым, что с ним шутить было нельзя. На некоторое время я остался на крыше один и решил всё же выполнить своё намерение. Прочитав молитвы о здравии патриарха, зная, что его самого в резиденции нет, я возопил дьяконским гласом многая лета святейшему патриарху.

— Многая лета! Многая лета! — неслось над резиденцией.

Милиционер, дежуривший на входе, встрепенулся, послушницы, проходившие мимо, подняли головы. Я продолжал петь патриарху многая лета, а патриарх в это время находился прямо подо мной, у себя в кабинете. Пожалуй, никто на крыше его кабинета не пел ему «многая лета». Наверно, он помолился обо мне. У меня было ощущение, что я попал в жерло духовного вулкана.

Вскоре пришёл подвижник Андрей, к сумеркам мы закончили сбрасывать снег. Его надо было отбросить ещё и от дома. Когда мы спустились вниз, нам сообщили, что Святейший был у себя в кабинете, я тихо ойкнул, оценив ситуацию.

Стемнело. Мы стояли на углу дома, недалеко от кабинета Святейшего, и у нас возник оживлённый разговор, чем отличается дух от души. Я никак не мог этого понять. Если моё сознание, моё «я» — это душа, то что же мой дух?

Подвижник Андрей пытался объяснить это, но всё было как-то невразумительно. Как пример некоего раздвоения я привёл слова о. Иоанна Крестьянкина сказанные лично мне по поводу посмертных явлений о. Всеволода Шпиллера, и записанные мною сразу по выходу от о. Иоанна (21 мая 1987 года).

О. Иоанн говорил, что во время служения литургии он видит в алтаре тех живых, которых поминает на проскомидии.

— И не воображаю их себе, а вот видишь их, вот они живые стоят. Целая очередь, подталкивают друг друга — давай, не задерживай, времени мало, — и вот я вижу Никиту Вячеславовича, а за ним Сергия — вот с такой шевелюрой, — о. Иоанн посмотрел на мои волосы, во время беседы мы сидели с ним рядом на диване, — а за Сергием Ольгу Михайловну, а там иеромонах Герасим, и с каждым беседую. А когда времени мало, поминают только до херувимской, после херувимской уже не поминают, перекрестишь все синодики и скажешь: «Помяни, Господи, всех zde поминавшихся».

О. Иоанн говорил, что он никогда не пользуется синодиками, но всех помнит. (О. Иоанн дал ответ на все пять явлений, приведя аналогии каждому. Наверное, это было сделано потому, что я описал ему духовные явления, связанные с ним самим).

Запись этой беседы 1987 года о посмертных явлениях о. Всеволода Шпиллера в девяностых годах я привёз о. Иоанну на отзыв.

В то время он уже не принимал, и я передал текст, отпечатанный на машинке, его келейнице. Через несколько дней, когда я уже уезжал, келейница передала ответы о. Иоанна на другие вопросы и вернула рукопись обратно, не сказав по этому поводу ни единого слова.

Мне было непонятно: если я нахожусь в Москве и одновременно на литургии, которую служит о. Иоанн в Псково-Печерском монастыре, стою в очереди к нему в алтаре, толкаюсь с другими людьми, и о. Иоанн со мной разговаривает, но находясь в Москве я об этом ничего не знаю, то кто стоит в очереди к о. Иоанну?

О. Владимир В. на мой вопрос ответил, что он знает, о чём речь, он может объяснить, но ему некогда. Ангел ли это? Фантом? Астральное тело?

Наша беседа заинтересовала патриарха. Внутренним зрением можно было видеть, ощущать, как в потусторонности он умным облаком сопresentствовал с нами, глядя на нас

с высоты. Всё это продолжалось достаточно долго. Всё-таки я не утерпел и сказал Андрею:

— У меня сейчас такое впечатление, что патриарх слышит нас и соприсутствует с нами.

— А у меня такое ощущение с самого начала нашего разговора, — ответил Андрей.

Напрасно мы это сказали вслух, присутствие патриарха тихо растаяло, вечность закрылась. Мы закончили заниматься снегом и вернулись в Преображенский храм. Я убедился что патриарх «всё видит и слышит», но был ли такой опыт у женщин, так нападавших на меня, я не уверен. Скорее, это вера, но вера в то, что существует на самом деле.

Был ещё один эпизод прозорливости патриарха, явленный на мне, но я не хочу перегружать повествования. Просить суда у святейшего дерзко, но могу сказать, что пребывание патриарха в потусторонности, как умное облако, и явление схм. Серафимы, как умной, духовной горы, в духовном мире — это очень близкие, родственные явления.

Однажды я замешкался с исполнением послушания в саду патриаршей резиденции в Переделкине. Уже смеркалось, а у меня ещё не были побелены яблони. К парадному входу подъехал лимузин с патриархом. Свита засуетилась вокруг распахнутых настежь дверей, патриарх Алексей II вышел из машины, вошёл в ярко освещённое пространство, двери закрылись. А я остался сидеть в тени деревьев, покрывая побелкой ствол почти у земли. Я находился рядом с домом святейшего.

Внезапно я почувствовал, как на мне словно остановился умный луч взгляда святейшего. Духовным зрением он, как умным лучом прожектора, осматривал свою резиденцию. Этот взгляд остановился на скрюченной фигуре человека в темноте под деревом.

«Кто таков? И в такое время на территории резиденции?» Я был как на ладони у святейшего. Святейший видел меня, а я открывшимся в ответ духовным зрением видел его. Нужно ли говорить, что святейший не выходил на балкон, и, очевидно, даже и не подходил к окну? Он духом созерцал

свои владения на случай безопасности. Шла чеченская война. Это был 1995 год. Быстро постигнув мою сущность, он перевёл свой духовный прожектор далее, и так вокруг по всей территории. Всё было спокойно. Вскоре я докрасил свои яблони и уже при свете фонарей перешёл из резиденции на территорию Преображенского храма, где и состоял на работе.

Когда на территории резиденции встречался с патриархом, просто обдавало святостью.

— Ах, какой у нас патриарх! — восклицал я, — какой патриарх!

Однажды сподобился причаститься из его рук в Успенском соборе Кремля, так что он назвал моё имя, может быть, узнав как работника резиденции, а может, быть видя и другое. Святость патриарха Алексия II для меня была несомненной.

Сергей Фёдоров
Сентябрь 2009

Из статьи «Беседа архм. Иоанна Крестьянкина о посмертных явления прт. Всеволода Шпиллера»

Через месяц после смерти о. Всеволода Шпиллера, 7 февраля 1984 года, в празднование иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в Николо-Кузнецком храме, где находится эта икона, литургию служил патриарх Пимен.

По окончании литургии, когда духовенство вышло на середину храма для приветственного слова патриарху, иподьяконы патриарха вышли на солею и патриарх остался один в алтаре перед престолом, ему было явление о. Всеволода.

Уже во время служения литургии, во время призывания Святого Духа на дары, о. Всеволод, как духовный настоятель храма, присутствовал в алтаре, однако стал видим патриарху, когда все вышли из алтаря.

Явление о. Всеволода было с правой стороны от престола. Старец из света, как из облака, ласково обратился к патриарху:

«Ваше Святейшество!»

Патриарх вздрогнул. Увидев о. Всеволода, «всхлопотался» духом и с сокрушением сердца, со всею искренностью

просил прощения у о. Всеволода и молитв. О чём была краткая беседа, что сказал о. Всеволод, знать не дано.

Когда патриарх вышел на амвон, с приветственным словом к нему обратился о. Владимир Тимаков, он сравнивал патриарха с апостолами Петром и Павлом и с ангелом. После приветственного слова, которое патриарх выслушал, не глядя на о. Владимира, он обратился к прихожанам храма, благодаря их за то, что они пригласили его на свой храмовой праздник, говорил, как трудно послушание патриаршества, и просил молитв о себе, упомянул, что особенно Бог слышит ночные молитвы.

После литургии патриарх, не задерживаясь в храме, сразу уехал.

В эти дни решался вопрос, кто после смерти о. Всеволода будет настоятелем храма. Во время явления о. Всеволод был как бы в белоснежных одеждах, но только облечённый светом. Удивительный мир и ясность души. Созерцать о. Всеволода можно было, минуя алтарную преграду. Это явление вне измерений видимого мира. Кажется, священники были тоже в белых облачениях. Возникало ощущение единства небесной и земной Церкви.

Через некоторое время настоятелем Николо-Кузнецкого храма был назначен священник о. Владимир Рожков, бывший настоятель храма Трифона-мученика, что было полной неожиданностью как для прихожан, так и для священника, претендующего на настоятельство.

Из беседы архм. Иоанна Крестьянкина
о посмертных явлениях о. Всеволода Шпиллера
Псково-Печерский монастырь 21 мая 1988 год

О. Иоанн хорошо отзывался о лекциях о. Всеволода, о нём самом, о его духовном устройении. По поводу явления о. Всеволода Патриарху привёл пример, как в прошлом веке наместнику Троице-Сергиевой Лавры явился один умерший монах и сказал:

«Мы очень хорошо знаем, кто за нас молится».

О. Иоанн говорил, что мы земные, у нас преграда перед умом, у умерших эта преграда снимается, находясь в духовном мире, они видят тех, кто за них молится. Почему так важны молитвы за умерших.

«У вас свои, особые отношения с о. Всеволодом. Вы молитесь за о. Всеволода, и он может откликаться на ваши молитвы. Он видит вас. Ведь через молитву происходит непрерывное общение Небесной Церкви с Церковью земной».

Из письма архм. Иоанна Крестьянкина 10/11 1991

«И тебе и о. Всеволоду нужна только молитва, и твой духовный опыт даруется только тебе, и если ты окажешься неспособным хранить сокровенное, то отнимется у тебя то, что даруется».

На кончину архм. Кирилла (Павлова) 20 февраля 2017 г.

Иногда архм. Кирилл исповедовал в крестильной Преображенского храма. За стеной крестильной находились складские помещения, где хранили картофель, овощи.

Середина девяностых, время было трудное, и матушка Татьяна поддерживала работников резиденции, предлагая

взять с собой домой что-либо из овощей или с церковного канона. Однажды, когда я так в полутёмном помещении стал набирать овощи, я ощутил умное пространство и то, что

о. Кирилл всматривается в меня, он исповедовал за стеной. Духом почувствовав моё присутствие, всмотрелся: кто это? Духовно мы стали видеть друг друга. Всё это длилось мгновения, потом о. Кирилл стал продолжать исповедовать, а я набирать картошку домой.

Поразительно, дорогой Сергей! Но у моей крёстной матери Татьяны были схожие ощущения – словно старец её исповедует на расстоянии... Мы, правда, тогда этим её рассказом немного смущались...

Невероятно!

А вот о. Владимир Воробьев с амвона рассказывал об о. Павле. О. Всеволод попросил тогда молодого (за сорок лет) священника о. Владимира принять исповедь одной старушки, общей знакомой. Старушка, уже умирающая, отказалась ему исповедоваться. Только о. Павлу, который был в затворе за четыреста пятьдесят километров от Москвы.

О. Владимир спросил её об исповеди у о. Всеволода. Опять категорический отказ. А она на пороге смерти. (Я, грешным делом, подумал, не та ли это Тоня Комаревская, которая не послушалась о. Павла и привела к нему митрополита Мануила? О. Павел предсказал, что она не послушается и что он будет арестован. Так и случилось, после посещения митрополита. Потом через десятилетия в архиве НКВД, в деле о. Павла обнаружили донос митрополита. Но я не уверен, что эта та самая старушка).

О. Владимир пришёл к о. Всеволоду и рассказал о ситуации фактически безвыходной. О. Всеволод начал молиться, ушёл в себя, как бы покинув наш мир. «Вернувшись», сказал: – Сейчас о. Павел отпустил ей её грехи.

Потом пришло письмо от отца Павла, в котором он писал, что как хорошо придумал о. Всеволод передать ему исповедь этой женщины.

Выходит, старцы практикуют исповедь на расстоянии.

Я очень сочувствую Вам и отцу Владимиру. О. Кирилл был для Вас главным духовником, и его уход – потеря половины жизни.

Из воспоминаний

Некоторое время в патриаршей резиденции в Переделкине проживал духовник патриарха Алексия II старец архимандрит Кирилл (Павлов), которого считали героем Сталинградской битвы сержантом Павловым. Хотя, когда я спросил его об этом, герой ли он, о. Кирилл ответил:

– Я брал Сталинград, я сдавал Сталинград, но я не герой.

Проживая в покоях арх. Арсения, секретаря патриарха, о. Кирилл стал принимать людей. Весть об этом быстро распространилась среди православных, и народ хлынул в патриаршую резиденцию.

У главных ворот выстраивалась очередь, и дежурный милиционер пропускал людей группами. Однако духовным особам находиться на территории резиденции было запрещено. И когда у крыльца корпуса владыки среди ожидающих выхода о. Кирилла оказался епископ, моя непосредственная начальница сказала мне:

– Видишь этого епископа?

– Вижу, – ответил я.

– Гони его метлой.

– Матушка, ну как же я буду гнать православного епископа, да ещё метлой?

– Гони!

Что было делать? Послушание выше поста и молитвы. Всё-таки я отложил метлу и направился к епископу. Взяв у него благословение, я спросил:

– Владыка, а вы согласовали своё пребывание здесь с матушкой Татьяной, поставили её в известность об этом?

Владыка тревожно насупился:

— Никакой матушки Татьяны я не знаю.

— Хорошо, — ответил я и отправился за метлой.

Пока я сообщал ответ матушке, пока ходил за метлой, епископ проскочил к о. Кириллу. Оказалось, что он был духовным чадом о. Кирилла, его направляли на Украину, и перед отъездом в «горячую точку» епископ хотел побывать у своего старца.

Дополнение. Запись 2014 года

В 1980 году я посещал замечательные лекции Александра Александровича Салтыкова* по древнерусскому искусству, которые проходили в проектном институте на Соколе рядом со зданием Гидропроекта. В это время Александр Александрович боролся против осуществления проекта переброски северных рек, поворота их на юг.

Мы познакомились, я высказал своё восхищение лекциями. Пока я провожал его до метро, разговорились о духовной жизни. В детстве я был крещён, но только в 1978 году через архимандрита Тавриона Батозского осознанно пришёл к Церкви. Чудом было, что через два года обрел духовника, двоюродного брата Александра Александровича.

Александр Александрович посоветовал мне обязательно посетить старца, старец может указать путь или помолиться обо мне, и по его молитве в моей жизни могут произойти такие события, когда станет очевидным, что они произошли по молитве старца.

Александр Александрович сказал, что сейчас в Троице-Сергиевой лавре есть два старца: отец Кирилл и отец Наум,

* Александр Александрович Салтыков в восьмидесятые годы стал священником.

они принимают людей, приходящих к ним, и обязательно надо съездить к кому-нибудь из них.

Духовник, когда я обратился к нему за благословением на поездку, ответил, что сам он тоже любил ездить к старцам. Но старцы бывают разного устройства, делают одно дело, но разные школы.

Отец Кирилл Павлов является духовником Лавры, духовником Патриарха, у него исповедуются и семинаристы, священники, миряне. Он хорошо знает мирскую жизнь, и его благословения, советы основываются на этом опыте.

Отец Наум тоже старец, никогда не покидает монастырь, и его духовничество основывается исключительно на монашеском устройении, что очень часто может не подходить мирским людям.

Духовник рассказал о женщине, которая просила его благословить поехать к старцам в Лавру. Он благословил её к о. Кириллу, но к о. Кириллу она не попала, тогда решили, что о. Наум тоже старец, тоже может сказать ей волю Божию.

Попала. Выслушав её исповедь, о. Наум наложил на неё епитимью — пятьдесят земных поклонов в день. Женщине было пятьдесят лет, она сердечница и, конечно, пятьдесят поклонов в день делать не могла. Она приехала к духовнику и попросила снять с неё эту епитимью. На что духовник ответил, что он не может этого сделать, он не старец. Ведь он не случайно благословлял её обращаться именно к о. Кириллу. А теперь она должна ехать к о. Науму и просить его снять эту епитимью. Только он может отменить это благословение.

Я утром приехал в Лавру, и стал расспрашивать, как попасть к о. Кириллу. Ещё шла поздняя литургия в трапезном храме. Мне отвечали послушники, что о. Кирилл где-то здесь и скоро будет. Один из иноков попросил меня помочь донести вёдра воды «для теплоты», я с радостью согласился. Когда мы вышли из храма, инок сказал:

— А вот о. Кирилл.

Я увидел худого старца с длинной бородой, который шёл в сопровождении человек восьми мирян. Инок, обратившись к нему, сказал:

— Батюшка, а вот к вам молодой человек.

Отец Кирилл благословил меня идти вместе с ним. Приоткрыв дверь «служебного» входа в храм, остановился в благоговении, и только когда кончился евхаристический канон, вошёл. Дальше произошло немыслимое для меня.

О. Кирилл провёл нас в алтарь Серафима Саровского, где у престола в молчании и молитве стоял только один монах, служба совершалась в главном алтаре трапезного храма.

Этот монах подхватил меня, когда я по неопытности попытался пройти мимо него между престолом и Царскими вратами.

Началась исповедь. О. Кирилл, прочитав молитвы, сел в кресло. Перед ним опускались на колени и исповедовались. Нас было человека четыре, поскольку женщины не могли войти в алтарь. Исповедовались подробно, шёпотом спрашивая совета. Я же почти не знал, что мне говорить. Последним опустил на колени, лепетал о грехах свой жизни до обращения, об обращении, просил молитв. Мы были уже одни. Я видел, как о. Кирилл молился о каждом человеке сразу после его исповеди. После разрешительной молитвы, когда я поднялся с колен, и стоял неподалёку, о. Кирилл молча начал молиться обо мне, возведя ум к Богу. После молитвы, почти не поворачивая головы, старец обратил мысленный взор ко мне, видя и мои мысли, и душу, что происходит во мне. Так же молча я раскрылся навстречу его умному видению.

О. Кирилл опять стал молиться обо мне, и опять после молитвы обратил на меня свой «рентгеновский» взор, я опять раскрылся к нему. О. Кирилл прекратил молитву и сказал:

— Ну, Серёжа, приезжай к нам почаще.

Совершенно ошеломлённый, я покинул алтарь Серафима Саровского, в восхищении простоял на коленях до конца

литургии, благодаря Бога за такой дар: встречу и исповедь у старца.

Потом в Москве мнения по поводу слов старца разделились. Александр Александрович полагал, что таким образом о. Кирилл принял меня в своё общение, духовник считал, что это необязательно так. Потом я раза два пытался поговорить с о. Кириллом, но короткая исповедь-беседа продолжалась в течение того времени пока о. Кирилл шёл от храма после всенощной до братского корпуса. На самом деле и вопросы, которые мне казались серьёзными и «разрешить которые мог только старец», не были таковыми, а потом у меня был свой духовник.

Много позднее я опять мог получать благословение о. Кирилла, работая в патриаршей резиденции в Переделкине, где о. Кирилл жил в покоях архиепископа Арсения, секретаря Патриарха Алексия II, принимал людей и в храме, и в покоях. Временами в резиденции обитал другой старец, духовник Оптиной пустыни о. Илий, ныне духовник патриарха Кирилла. В Переделкине мы были, как на небе.

Митрополит Антоний Блум – выход в метафизику

Из статьи «Схимонахини Серафима и Мария»

Однажды автор стал свидетелем выхода мтр. Антония в духовный космос. Это было во время его приезда в Москву в 1988 году. Владыка опаздывал на встречу с людьми в Доме художника на Кузнецком мосту и решил взглянуть на ожидавших его людей. Открылась бездна, Владыка видел каждого человека. Через двадцать минут он приехал на встречу в Дом художника. Когда меня просят объяснить, что я имею в виду под раскрывающейся вечностью, я привожу в пример резиновый мяч. Мы живём как бы на поверхности резинового мяча. Это наш мир. Но вот этот мяч разрезается, и там

оказывается другое пространство. Лучше всего это отражено в древних иконах Успения Божьей Матери у таких масте-

ров, как Феофан Грек, это живой опыт. В поздних иконах ви­тневатость и условность, но самого опыта не видно. В одной из своих проповедей о. Всеволод говорил, что мы отделены от духовного мира тоненькой оболочкой нашего бытия.

Перед своей беседой владыка предложил некоторое вре­мя помолчать, сказав, что он не знает, как все присутству­ющие, а ему надо собрать мысли. Он встал, встали и около пятисот слушателей. (Люди заполняли и другие залы). Мол­чание стало нарастать. Владыка уходил в молчание. Стало не по себе от божественного присутствия. Все были потрясены и только через несколько минут, когда владыка «отпустил» присутствующих, прекратив молчание, пришли в себя, верну­лись на «землю» в зал. Владыка Антоний дал почувствовать, приобщил к своему духовному опыту, что молчание — это не только отсутствие звука, но проявление другой жизни, не­постижимой нашему обыденному сознанию. Есть «пустое» молчание, есть божественное молчание. Молчание влюблён­ных — это таинство. Как провода, где один «пустой», а другой наполнен колоссальной энергией электричества. Есть «мёр­твое» одиночество, есть отрешение от всего, «одиночество» для общения с Богом. Рядом со святым можно почувствовать присутствие Бога.

Владыка Антоний никак не мог понять вопрос, заданный неким суровым, сумрачного вида батюшкой. Тот спрашивал мнение владыки о профессии актёра, полагая, что она не имеет права на существование, что это лицедейство, про­тивное христианским заповедям. Владыка раза два пере­спрашивал, потом сказал:

— Вы потом подойдите ко мне, прочистите мне мозги, потому что я не понимаю сути вопроса.

Говоря, о проявлении божественного присутствия в жиз­ни человека, сказал:

— Помнится, один молодой человек шёл по ночным улицам Парижа (пустым ночью из-за оккупации немцами) и внезапно на мосту он вдруг стал ощущать присутствие

Бога. Явление, сила которого повергает человека на землю ниц. И этот молодой человек встал посередине моста на колени. Потом, когда явление Бога ему прошло, поднялся с колен и пошёл дальше.

Только потом пришло осознание, что, говоря о молодом человеке, владыка говорил о себе, о своём опыте.

Искушение

На остров, где ни дев-отроковиц,
ни женщины, ни старицы плешивой,
ни женских голосов, ни женских лиц,
ни даже курицы или овцы паршивой,
ни ласточки, ни розовой зари,
ни бабочки, — ты в раже молодецком
отплыл навеки, да сидит внутри
одна особа на седле турецком.
Хоть выветри её, хоть весь елей
пролей на голову, хоть глушани кагором,
всё хи-хи-хи ей, дерзкой, — тем верней
платочком манит с птицей и узором.
...Нет, лучше уж инкогнито, тайком
вернись в тот город и войди в ту реку:
там с палочкой она и с узелком
как раз идёт из булочной в аптеку.

Привратник Псково-Печерского не пускал в монастырь женщин-экскурсантов в брюках. Тогда женщины вернулись в автобус и поверх брюк надели ночные рубашки. И так, в ночных рубашках, прошли в ворота монастыря. Главное, не в брюках. Приличия и благочестие были соблюдены.

Записки церковного сторожа

Юрий Кабанков: Олеся, почти невероятно. Спасибо. Вот только, прошу прощения «глушани» — как «сникерсни», — хрипит, как трещинка в фарфоровой чашке, если проверить «на звук».

Сергей Фёдоров: Если страсть — это одно. А если человек любит — это неугасимая лампада тихого света в сердце. Наверное, для матери её дети всегда остаются маленькими.

Как раз «глушани кагором» передаёт всё состояние души, как коров оглушают ударом тока перед тем, как убить. Но стихотворение какое-то печально-радостное, даже немного весёлое. Если бы было написано языком драмы, серьёзным, скорее всего не производило бы такого сильного впечатления. А так оно подкупает неожиданным мягким юмором, и автор воспринимается большим другом, соучастником этого приключения. Светлое стихотворение. Вот такая «не-серьёзная серьёзная жизнь». Остаётся светлое впечатление от общения с автором.

Сейчас поэтессы чаще жалуются на жизнь, рвут на себе рубаху, сжигают письма и жизнь.

А здесь какой-то даже божественный юмор, святоотеческий анекдот. Хорошо!

Сегодня, оказывается, день писателя. Конечно, поздравляю Вас и желаю сил и здоровья, но больше поздравляю нас, что Вы у нас есть! Многая, многая лета!

Олеся Николаева: Ну, и я Вас поздравляю! Вы же тоже — писатель! Пишете теперь больше моего!

Сергей Фёдоров: Вы, как королева, посвятили меня в рыцари! Буду теперь об этом всем говорить.

Чревоугодник

Ты думаешь — просто обжора,
«жиртрест», как о нём говорят:
как щёки надует — умора!
Как брюхо набьёт — так и рад!
Не так-то всё просто! Он — житель
инога пространства, боец,
забытого культа служитель
и храма незримого жрец!
Гляди, как он мир поглощает,
жуёт его, поедом ест,
вгрызается, чревоещает,
глотает, что видит окрест.
А ты: «Барабек! Робин-бобин!» —
считалка затёрта до дыр,
в то время как смерти подобен
инстинкт перемалывать мир.
Пожрёт он любовь и обиду,
свободу и юность — равно,
хорошую девочку Лиду,
Версаль, золотое руно,
кота в сапогах, Фукусиму
и чёрную голь на бобах.
И всё это невыносимо
хрустит и хрустит на зубах.
Всё ловится прочною сетью,
трепещет, встаёт на дыбы
и тут же становится снедью,
прикормом всеядной алчбы.
Но этот толстяк, бестолково
набивший живот, корифей, —
сам жертва пространства пустого,
голодного утра трофей.

Стихи вызывают живой отклик, особенно во время поста. И как ни странно — помогают, оказывают действие. Хотя это не гневная, огненная и обличительная проповедь Савонаролы. Тогда бы не подействовало. Стихи почти для подрастающих детей, тем и привлекают. Написаны почти как наставления мамы. И их слышишь, ребёнок просыпается в душе. «Вот так и надо поступать, как мама сказала».

Вы не можете писать стихи для детей, как Вы говорили, но у Вас восприятие взрослых, как детей. Вот и получается, что Вы пишете стихи для взрослых детей, в такой плоскости Вы «детская писательница», а это очень трогает взрослых детишек. Находит отклик. Вы никогда не будете старым, пожилым человеком, даже в девяносто лет. И около Вас будут хорохориться девяностолетние петушки.

«Дух животворит; плоть не пользует нимало».

Паломники, работающие на послушании на хоздворе, недоумевали:

— Для чего в монастыре держат стаю индеек?

Когда спросили монаха-бригадира, он ответил:

— А их в рыбу благословляют.

Записки церковного сторожа

Женщина

Вот женщина: что ей до идеала
не додано — она сама взяла.

Гляди — уже у щёк свежо и ало,
и голубая тень у глаз легла.

Бровей цепочки здесь всего капризней,
в реснице каждой — тайное письмо.

Тут что ни прядь, то весть о лучшей жизни,
и знанье древнее здесь говорит само.

Взгляни на женщину — то в дымке, то в лазури,
в цветах и бабочках она ещё нежней.
И ты нуждаешься в подобной процедуре,
душа надменная, с несвежестью своей!

1980

У нас есть святоотеческая литература. А Вы уже в 1980 году начали создавать святоматеринскую литературу в стихах. Есть эпизод, когда старец засмотрелся на красавицу, вокруг которой была толпа поклонников. Ученики старца смутились такому вниманию старца. А он им ответил:

— Сколько сил и стараний эта дева потратила, чтобы понравиться земным женихам. А мы ленимся украшать свою душу для Жениха Небесного.

В 1980 году почти не издавалась духовная литература, и вот Вы явились просветительницей людей. Хороши стихи и сами по себе, трепетные, нежные. Не писали ли Вы их, глядя в зеркало?

Сергей, дорогой, нет, это не про меня! Есть такие удивительные женщины, глядя на которых хочется не просто жить дальше, но что-нибудь праздничное сотворить!

Снаружи и внутри

Маленькая женщина с сумочкой, с завитком у виска
семенит на зелёный свет, вдыхает запах весны,
а в груди у неё вроде как битва при Фермопилах, — войска
ринулись врукопашную — кровожадны, распалены...
И всё заливает мертвящий стеклянный свет,
и всё оглушает протяжный надрывный стон:
маленькая женщина чаёт больших побед,
и правоту свою снаряжает, как легион.

Вроде бы каблук у неё сломался, а это прорыв
где-то на левом фланге... Вроде бы у неё текут
батареи в доме, а это, — прорыв
ход подземный, враг уже тут как тут...
Вроде бы на работе сокращения, а это — в крови
полководец лучший рухнул, лежит ничком...
Вроде бы погода паршивая, а это — любви
что-то ни в ком, ни в ком...

Надо же, даже такие «пакости» жизни поэт воспринимает в образах! Не просто потекли батареи, а это подкоп вражеский! А погода зависит от состояния любви. Сказочная жизнь! С праздником Весны и женственности, матушка! (8 марта).

А когда Вы звонили в ДЭЗ и объясняли проблему с протекающими батареями, Вас понимали?

* * *

Что толку тебе вспоминать обо мне?
Где солнце играло с собой в вышине,
теперь только низкие тучи.
Где били ключи — там стена поднялась,
где юная рощица в поле паслась —
лес вырос, глухой и дремучий.
Что толку тебе обо мне вспоминать?
Не то ж ль, что камни со дна доставать
иль звать двойников и артистов:
«Сыграйте, чтоб так же, как было, — точь-в-точь...
Направьте прожектор: пускай всюду ночь,
а здесь будет свет аметистов.
Верните ж кураж мне! Плесните вина!
Пусть юность, и жизнь, и любовь, и страна

сойдутся, поднимут кимвалы.
Пусть главный герой из-за бархатных штор
на сцену шагнет и читает актёр
взахлёб монолог запоздалый...»
...Всё пламенем синим сгорело в огне.
Нет больше страны той, а в этой стране
ты — странник, а я — чужестранка.
Смотрю и не верю: то город чужой,
А если что есть у него за душой,
так прежних обид перебранка!
А если и вспомнить, так только о том,
что так и осталось в кармане пустом:
какое-то имя, два слога,
едва уловимый напев соловья,
да веющий ветер — в иные края...
Все это — в присутствии Бога.

Несколько перекликается с книгой Иова. Только в стихах Иов — сама поэтесса, а жена Иова — её, поэтессы, возлюбленный? Иногда богатство и полнота жизни отнимаются для стяжания Царства Божия.

Если вернуть прошлое «точь-в-точь» — не поможет. Мы уже не те. Подобно тому, как если бы вернулось «точь-в-точь» счастливое детство, но тогда надо было бы играть в куклы, а не получается, и счастья нет, хотя прошлое вернули «точь-в-точь».

Иногда в подобную ошибку впадают желающие посвятить себя духовной жизни, полагая, что если «точь-в-точь» скопировать жизнь IV века или ходить в лаптях, как Серафим Саровский, и есть сныть, то благодать снизойдёт и человек будет счастлив.

Начало к описанию могилы главного героя, надпись на могильной плите. Философский минор, ранее не свойственный поэтессе.

Только ветер кружил на могиле опавшие листья, и чьё-то имя читалось на клочке бумаги, валяющейся у прутьев ограды. И всё, от человека ничего не осталось. Ой, какая тоска! Если бы не «присутствие Бога», автор превзошла бы Чехова в описании тупой, бессмысленной жизни. Но уподобилась Марку Аврелию: «Всё проходит». Неужели у автора «чемоданные настроения»? Или это период, как у Льва Толстого? Новый этап в творчестве? Поэтически всё безукоризненно красиво. И читатели, уловляемые красотой слога, могут за компанию с автором с удовольствием предаваться размышлениям о бренности сего временного жития. Услаждаться тоской. Но это потому, что пример автора заразителен.

О! Сергей, Вы, как всегда, непредсказуемы и неподражаемы! Очень ценю Ваши внезапные интуиции, которые проникают в глубину текста и даже за текст. Даже страшновато!

Вы говорили, что начинаете писать и не знаете, о чём напишете. Со мной происходит то же самое. Конечно, я ни в коем случае не сравниваю себя с Вами. Смотрю на стихи и не знаю: а что писать-то? Обращаюсь наверх. Сверху диктуют в ответ на моё обращение. Вам нравится. А повторить, что я написал, не смогу. Задвижка закрылась. Опять стучать, беспокоить не хочется. Двойственные чувства. Вроде бы и не обманываю, но понимаю, что это как бы и не совсем «моё».

Рассказывали, когда преподаватель Богословского института спросила на экзамене некоего слушателя (в сане иеромонаха), что он может сказать о Стоглавом соборе. Тот ответил, что стоглавый собор был построен в XVII веке в деревне Кижи.

После такого ответа преподаватель сразу поставила зачёт и сказала, что батюшка может идти.

Записки церковного сторожа

Голоса

Прицерковное кладбище. Стаи галок, ворон.
Завораживающие картины собственных похорон...
Что же вы так отчаянно жестикулируете,
плачете хором, скопом?
Явно ль меня любили, тайно ли влюблены?..
— Ах, дорогая моя, вы ещё так юны, —
вот и мерещатся вам сокрушённые кудри
над вашим гробом!
Сколько заплаканных хризантем, растрёпанных фраз!
Полюбите меня за то, что смертна: любой из вас,
затаивая дыханье, к той же прислоняется дверце...
Пусть за меня попросит тот, кто ещё не просил.
— Ах, дорогая моя, у вас ещё столько сил,
что вам надгробные речи лишь и волнуют сердце!
Юродивая у оградки. Военный на костыле.
Татуированные могильщики копошатся в земле.
Рваные тучи наталкиваются друг на друга,
гонимы к востоку..
Принесите мне лютики, цветки лебеды.
— Ах, дорогая моя, вы ещё так горды,
что вам и от нищей чести не будет проку!

1989

«Юна», — думает о своих похоронах.

«Сильна», — думает о надгробных речах.

Получаются церковные, евангельские антиномии. Часто по этому же принципу строятся тексты церковных служб. Тропарь Рождеству: Дева рождает; Неприступному земля приносит вертеп; рождается Младенец — во времени — превечный Бог.

Получается в этих строках, «юность» и «сила» как бы совершают самоубийство, перечёркивают сами себя. Таковы мечтания и парения мыслей автора.

А вот как «самоубийство» совершить гордости? Почти непосильная задача, и ставится ли она? Автор совсем не мечтает об уничтожении от той же нищеты. А мечтает, любит картины, какая она красивая будет в гробу, но это уже самолюбование. Тот же вид гордости, которую именуют сатанинской твердыней. А в таком состоянии душе нельзя уходить в вечность, это вечная гибель. И правильно «голоса» говорят: «Ах, дорогая, вы такая юная ещё, ничего не понимаете, оставьте эти романтические, театральные штучки с гробом, работать надо над собой, а не любоваться собой в гробу!»

Но как это всё знакомо! Аз, пишущий сии строки, тоже не раз представлял, как Прекрасная Дама придёт попрощаться к его гробу и какие слёзы будут проливаться. Даже у самого наворачивались слёзы на глазах. Хотя не юн, не силён, но всё ещё горд.

Хорошее стихотворение, находит отклик в душе. «Это обо мне».

Замечательны «*Татуированные могильщики, копошащиеся в земле*».

Да, это какое-то юношеское занятие — играть в свои похороны! А когда придётся не играть, а по-настоящему? Каково это будет?

Вот-вот, именно об этом! Спасибо, Сергей!

Не за что! Это Вам спасибо!

Мы прямо как Чичиков с Маниловым!

А Вы уже пишете о нас? Соединяете Манилова с «героем Достоевского»? Интересно было бы посмотреть.

Серову боялись позировать, потому что он вытаскивал душу человека. У Вас тоже хирургический подход. Страшно-вато.

Прощение

Когда бы ты, тогда б я всё
могла простить, забыть могла!
Когда бы ты, тогда бы я могла бы по водам пройти
и ветвь оливы золотой из уст моих, из губ росла,
как волосы на голове, до звёзд, до бездн почти...
Свидетели моих скорбей —
о, как бы раскрывали рты!
И утешители мои — все шесть роскошных крыл!..
Но белизну своих одежд, но чувство правоты
ты, словно пёстрый шар, надул,
как чучело, набил.
Так что ж, раз это Бог судил,
раз это Бог отвёл,
так и шептать: «Избавил Бог»?
«Всё к лучшему» — шептать?
Пока с велюровым шмелём внутри
шиповник не зацвел,
пока олива, почернев, не начала роптать!..

Трудно поверить, что это автобиографическое стихотворение. Неким ключом к пониманию сих наполовину миражных причудливых образов могут быть строки: «...раз это Бог отвёл, / так и шептать: „Избавил Бог“? / „Всё к лучшему“ — шептать?»

В то же время в них свидетельство личного переживания. Не очень высокую оценку объекту своих переживаний даёт автор: «Но белизну своих одежд, но чувство правоты / ты, словно пестрый шар, надул, / как чучело, набил».

Впечатление, что автор написала эти стихи для самой себя, о только ей ведомом событии, как зарубку на память, подведение итогов, озвучивание, вынесение приговора, и совсем не хочет посвящать в это читателей.

Красиво, но скрытно, не договорено. Читателю остаётся только туман, размытое изображение.

Оливковую ветвь голубь принёс Ною как знак избавления от беды, знак надежды. А в этих стихах олива начинает чернеть и роптать. Роптать, потому что идеал порушен, разочарование в том, кто был идеалом?

Очередной сеанс фильмов Тарковского. Красиво, но ничего не понятно. Не для средних умов, не для жены Когановича, не для журнала «Работница». Но впечатляет!

Тсс!

Может быть, это стихи о бывшем духовнике автора, перешедшем в католичество?

Это «Тсс!», наверное, исполнено высшего смысла и значения, но приземлённому уму недоступно; очевидно, только избранным. Очевидно, оно не является выражением гнева. Скорее в нём мягкость, тишина и покой, которые обозначены через повторение шипящих «с-с». Какое безошибочное чувство меры, — если бы «с» было бы хоть на одну больше, то в интонации появился бы угрожающий оттенок, ассоциирующийся с шипением змеи. Но нет, короткое, тихое, мирное «Тсс!». Тишина и безмолвие, и «Тсс!» — некое предупреждение не нарушать безмолвия и покоя.

Повторюсь, в этом ювелирная точность. А если бы «с» было на две больше, это был бы вульгарный свист, или посапывание спящего человека. Красота в соблюдении меры, в пропорциях. Чувствуется рука гения даже в этом. Кто ещё мог так же ответить?!

Что ж ты, как яблочко, катишься, котишься,
 в ров упадая ничком?
 Ах, Украина, когда ж ты воротишься,
 пусть и с подгнившим бочком?
 Здесь за тебя литургии заказаны,
 спеты молебны, поверь,
 и панихидами общими связаны
 братья навеки теперь.
 Слышат теперь твои дети убитые
 Заупокойный Собор,
 смотрят, пеленами смерти увитые,
 в щель меж мирами, в зазор.
 Пробуют крикнуть в него, в полнолунную
 ночь, но не звуки, а дрожь:
 — Что же ты самоубийцей безумною
 голову в петлю суёшь?
 Выкурить эту заразу смертельную,
 эту дикарскую снить,
 и самопальную, и самодельную
 пушку возмездьем забить.
 Чтобы над адом разбуженным, вырытым
 Архистратиг Михаил
 каждого, кто здесь челомкался с Иродом,
 мёртвой водой опоил!

«...И панихидами общими связаны / братья навеки теперь».

Вековая, ещё со времён Булгакова тема Украины. Прямотаки какая-то особенность Украины, особая характерность гражданской войны. Поели галушки, попели песни после горилки и пошли убивать брат брата. Потом опять стали петь песни. Такую гротескность подметил Михаил Булгаков. В России гражданская война была жёстче и определённое.

«Слышат теперь твои дети убитые / Заупокойный Собор, / смотрят, пеленами смерти увитые, / в щель меж мирами, в зазор».

Та же тематика в «Белой гвардии» Булгакова. Суд Божий на небесах. Сон Алексея Турбина.

«Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут как надо понимать, все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные».

Два гения русской литературы — Булгаков и Олеся Николаева — с промежутком времени в сто лет, каждый по-своему, своими средствами описывает трагедию гражданской войны, переходящую, обретающую краски душевной абсурдности. Жестокость и душевность. И только при божественном измерении абсурдность получает объяснение. Только земными понятиями ничего невозможно объяснить. Булгаков прикоснулся к тайне, и поэтому его произведения вечны. Но он прикоснулся к тайне со стороны тёмных сил, Олеся прикоснулась к тайне со стороны ангельских сил.

Как-то не случайно является образ Михаила Архангела. И тоже с промежутком в сто лет. Союз Михаила Архангела в булгаковские времена и Архистратиг Божий в стихах Олеси.

Тема Государя тоже затрагивается обоими авторами: *«Чтобы над адом разбуженным, вырытым / Архистратиг Михаил / каждого, кто здесь челомкался с Иродом, / мёртвой водой опол!»*

У Бунина, в его «Окаянных днях», нет такого мистического понимания истории, нет прикосновения к тайне, какие есть у Булгакова и Олеси Николаевой. Хотя Бунин вживую описывает годы революции, и тоже гениально. Но без тайны мироздания.

Поэты — пророки. Может быть, по пророчеству Олеси и доживём до времени, увидим, как *«Украина воротится, хотя и с подгнившим бочком».*

16 марта 2017

Олеся! Мне позвонила сестра Оля и стала взахлёб пересказывать Вашу повесть «Секрет оболъщения». Я был ошеломлён, восхищён, потрясён. И кусал локти, что не приобрёл эту книгу «Себе назло» на Вашем творческом вечере.

Немного сбил анонс, что это рассказы о женских судьбах. Жажду как можно скорей прочитать её. Вы ни единым словом не обмолвились, что тихо-тихо пишете обо мне. Даже немного обижался тому, что год назад Вы высказывали такое пожелание, и потом полное молчание об этом замысле. Как будто я перестал для Вас существовать. И вот такое потрясение, явление «меня народу» и мне самому.

Профессор Клебанов поздравил меня с тем, что теперь я в вечности. Даже со слов Ольги я понял, что в книге проявилась вся Ваша аналитическая, хирургическая наблюдательность, которая меня всегда восхищала, и в книге я у Вас не елейный герой, а человек из реальной жизни. Буду срочно искать, где можно приобрести книгу.

Сбылся Ваш пророческий сон о куклах на пианино, в чёрном фраке и красном платье. Он тогда произвёл на Вас сильное впечатление, но Вам тогда он был непонятен. Я вам ответил, что этот сон к тому, что Вы напишете обо мне, о нас роман. И вот фантастическое воплощение его в жизнь. Даже не верится.

24 марта 2017

Олеся! Я пошёл в библиотеку спрашивать Вашу новую книгу «Себе назло», поскольку Вы просили меня не покупать, Вы мне подарите её. Вокруг меня водоворот переживаний. Кому-то смешно, у кого-то «вулканический взрыв эмоций» и «чувства восхищения и благодарности автору, обиды и жалости» — это надо понимать в мой адрес. Кто-то не договаривает, купив и прочитав её. Кто-то специально не говорит, чем всё кончилось. Советуют подготовиться, выпить коньяку с маком. Я перешёл через дорогу и попал в библиотеку в доме напротив своего дома. Больше всего меня порази-

ло, что библиотекарша, женщина среднего возраста, ничего о Вас не знает. Я стал заниматься просвещением, упомянул Ваш роман «Меценат», и что он через год после выхода в свет реализовался почти буквально в жизни, был убит реальный настоятель монастыря игумен Даниил. Похвастал, что ишу повесть «Секрет обольщения», потому что это обо мне. Добавил, что люди, о которых Вы пишете, быстро погибают. Так что неизвестно, какая будет теперь моя судьба.

Без тени улыбки библиотекарша посоветовала мне купить и носить с собою перцовый баллончик. Спросила: а как же оскорблённые чувства верующих, ведь это Вы навели на игумена смерть? К Церкви она относится настороженно, особенно к высшему священноначалию, не верит ни в какие голоса свыше. Не смогла читать Библию, быстро возмутилась духом и отложила Книгу. Я упомянул «Исповедь» блаженного Августина; нет, тоже не знает. Я опять был поражён, ведь это классика мировой литературы – три «Исповеди»: Блаженного Августина, Руссо и Толстого.

Меня порадовало то, что мою «Арбатскую старушку» быстро разобрали в библиотеке. Года три назад я приносил экземпляры книг.

Большинство знакомых и друзей, родственники прочитали «Себе назло», двусмысленно поздравляют меня с обретением вечности, а я, «главный герой», остаюсь в полном неведении, да ещё перцовый баллончик советуют купить, против нападения! На всякий случай, — я не буду винить Вас в своей смерти, только жаль, если повесть так и не прочитаю!

*Сергей, ну к чему это всё? Я Вас разочарую: это НЕ О ВАС!
Пожалуйста, не надо больше возвращаться к этой теме.*

Я немного перешутил, чуть утрированно изложил посещение библиотеки. Но всё так и было. Теперь буду думать: как бы мне прочитать самому?

Олеся! Я был в гостях на тройном дне рождения Володи Гоммерштадта и сестёр Баум, просил дать мне книгу «Себе назло» на несколько дней.

Марина Баум обо мне прочитала, но книгу не дала, сама читает запоем другие рассказы.

Удалившись от гостей, я прочитал о себе за двадцать пять минут. Мне очень понравилось! До этого я слышал прямо противоположные отзывы, доходящие до крайностей, от восторженных, что Вы проникаете в суть человеческих отношений, в сущность человеческой природы, до возмущения, что Вы облили меня грязью, и как мы после этого можем продолжать отношения?!

Я был под очень сильным впечатлением. И как всё узнаваемо! Хотя один эпизод, который был с моим другом, Вы приписали мне; я, правда, тоже был его участником. Это с игуменьей. Финал как в опере-буфф, но Вы и писали, думали написать водевильный роман, повесть, а копнули глубоко, как Достоевский.

Целую Вашу руку, держащую перо. Мой двойник обрёл бессмертие, частично и я с ним, как носитель образа.

Дорогой Сергей! Ещё раз: лично к Вам этот рассказ не имеет никакого отношения. Есть, возможно, сходство ситуации. Но так все ситуации, в которые мы попадаем, похожи на какие-то другие. Я Вам, кажется, уже об этом писала.

А когда будет обо мне?!

Ох, Сергей! Передо мной горы (!) студенческих дипломов, которые мне надо прочитать и на каждый написать рецензию...

Ангела в помощь Вам! Интересно, он тоже читает книги вместе с Вами, по должности? Или уже знает содержание каждого диплома? Наверное, очень начитанный Ангел. Олеся, а меня уже просят написать предисловие к какому-то необыч-

ному роману, который уже пошёл в печать. Просил один церковный археолог, преподаватель богословского института, часто по радио «Маяк» выступает.

Я не в состоянии сейчас читать роман, пришлось отказываться. Как это тягостно, ты словно виноват.

Учёного человека впечатлили мои отзывы на Ваши стихи. То, что казалось почти личным, почти не для всех, жизнью в своём панцире черепахи, домашним, вдруг оказалось общественно значимым, и теперь на тебя имеют право иногда совершенно посторонние люди, и ты обязан им отвечать, и не спрячешься. Что имеем, не храним. Какая у Вас трудная жизнь!

Сергей, перед Вами открывается новое поприще: литературного критика. Идите смело по этой стезе, она свободна! Там практически никого нет...

Ваши слова заставляют задуматься. Может быть, в следующий раз и решусь. Вы уже давали принцип построения литературного произведения, почти схему, конфликт человека с самим собою и др.

А в музее Гоголя у меня приняли на хранение книгу старше Пушкина на три года. Письмовник Николая Курганова. Старшая хранительница была очень рада. Теперь экспертно-реставрационная комиссия будет выносить решение о приобретении. Директор, когда увидела дату 1796 год, сразу подписала акт принятия на хранение. Пока занимаюсь составлением текстов. Я перемежаю рецензии и стихи «Записками церковного сторожа». Самое трудное – решать, что надо резать.

Если музей приобретёт книгу, можно спокойно издавать книгу, посвящённую Вашим стихам, не заботясь о деньгах. Но это может надолго растянуться по времени. А книга о Вас растёт и растёт!

Этюд

Он с неких пор живых сторонится,
незримых — отгоняет взмахом,
то кличет сон, а то бессонницу
своим прикармливает страхом.
То мёртвых позовёт в компанию,
как только ветры завывают,
и слуги по его желанию
на две персоны накрывают.
Лишь дверь резная закрывается,
им слышится — как бы сквозь пеньё,
как говорит он: «Всё — сбывается:
слова, желанья, помышленья!
Но дух больной не может вынести,
сведённый в ад, на небо взятый,
ни этой щедрости, ни милости,
ни воздаянья, ни расплаты!
Когда-то я как высшей почести
просил себе уединенья,
и вот теперь я, одиночество,
заложник своего хотенья...»
У двери слуги неприкаянно,
крестясь, вздыхают суеверно:
ведь кроме самого хозяина
там никого и нет, наверно?..
...Лакей наутро улыбается,
к кухарке подбираясь рыжей:
— Слыхала ли? Мечта — сбывается!
Руками тянется, бесстыжий!

Интересно, кому или о ком Вы написали сии стихи?
Ясно, что не даме — ведь: «*Он с неких пор живых сторонится, /
незримых — отгоняет взмахом.*».

Человек болящий. Пугающий прислугу тем, что покойников приглашает на трапезу и беседует с ними.

*«Лишь дверь резная закрывается,
им слышится — как бы сквозь пенье,
как говорит он: „Всё — сбывается
слова, желанья, помысленья!“».*

Немного похож на гоголевского Плюшкина.

Эк, куда Вас занесло! В мистику. Кто на Вас оказал такое сомнительное, миражно-прелестное воздействие? Булгаков не Ваш писатель. Кто-то в реальной жизни?

*«Когда-то я как высшей почести
просил себе уединенья,
и вот теперь я, одиночество,
заложник своего хотенья...»*

— кульминация всего стихотворения. И, кажется, она попадает на золотое сечение. Это высший пилотаж. У Скрябина в его музыкальных произведениях кульминация попадает на золотое сечение чуть ли не до тактов. Вы это делали сознательно или интуитивно?

Бог наказывает человека исполнением его желаний. Сколько примеров этого, особенно в духовной жизни.

Передо мной был пример, когда человек, возжелавший монашества, в болгарском монастыре заскучал. Бросил монастырь, вернулся в мир, к любимой женщине, ставшей матушкой с двумя детьми. Разбил семью будущего священника в Джорданвилле, родил ещё двоих и вроде и счастлив был в семейной жизни.

Что-то и от «Пиковой дамы» здесь есть.

Ветры завывают, сквозь пение церковно-похоронное слуги слышат *«...как говорит он: «Всё — сбывается / слова, желанья, помысленья!»*

Явление умершей графини Герману.

Что с Вами? Какие-то подозрительные сюжеты Вас стали привлекать! Или идёте вослед Пушкину? Вы не забывайте, что если Вы займётесь мистикой, то и шесть тысяч Ваших подписчиков займутся мистикой, могут быть психические

обломы, как у почитателей Кашпиоровского. Вы как бы себе и не принадлежите.

*«У двери слуги неприкаянно,
крестясь, вздыхают суеверно:*

ведь кроме самого хозяина

там никого и нет, наверно?..» — динамично переданы смя-

тение, страх людей. Опять Герман.

«...Лакей наутро улыбается,

к кухарке подбираясь рыжей:

— Слыхала ли? Мечта — сбывается!

Руками тянется, бесстыжий!»

Утро, улыбки, рыжая кухарка, как рыжее солнце. Наверное, главный герой помер. «Мечта сбывается» у прислуги. Как если бы помер Плюшкин на радость прислуге.

«Руками тянется, бесстыжий!» — жизнь продолжается. Народятся рыжие дети и будут только вспоминать сумасшедшего барина.

Какие-то странные нотки у Вас появились, матушка! Приводят в недоумение. Вспоминается, что Александр Сергеевич любил играть в карты и, наверное, гадание по картам. Нагадала же ему гадалка смерть от белого человека. Немного смутили. Или так вошли в образ? Сегодня же день театра!

Какой Вы даёте неожиданный сюжетный поворот...

А мне показалось, что это железная логика этого стихотворения

Вчера, 4 апреля, под впечатлением от Вашей книги написал рассказик-воспоминание.

Встреча

3 января 1993 года я, мой друг Александр с молодой красавицей-женой, сестрой жены и женщиной-риелтором прибыли в N-ский женский монастырь.

В монастыре были строгие порядки. Большинство послушниц составляли девушки из сиротских домов, и молодая игуменья, только недавно ставшая настоятельницей, предприняла повышенные охранительные меры.

Паломников не принимали, несмотря на то, что монастырь нуждался в рабочей силе и был совсем не богат. Однако ещё за неделю до Нового года мне удалось прожить в нём неделю.

Я обитал один в большой зале, подготовленной для проведения в ней ремонта. Ещё неделей раньше в монастыре подвизался мой друг Евгений, мечтавший о монашеской жизни. У него были золотые руки и светлая голова, которую просвещали два университетских образования, но семья не позволяла ему посвятить свою жизнь монашеству. Евгения не хотели отпускать из обители, так много и хорошо он чинил электрические приборы, занимался сантехникой, устраивал хранилища, делая короба, которые не могли прогрызть мыши.

Молоденькая келарь Лариса не могла нарадоваться на него, так всё воскресало в руках Евгения, начинало работать. Может быть, упоминание имени Евгения и благословение мне от о. Иоанна Крестьянкина ездить по монастырям, чтобы у меня развеялись иллюзии о монашеской жизни, немного поколебали решимость настоятельницы, и меня оставили на несколько дней.

Я исполнял монастырские послушания, посещал службы, но жил в полном одиночестве в пустой зале, куда мне приносили еду. Настоятельница не допускала до общения с сёстрами даже молодого священника, совершающего по воскресным дням и праздникам литургию.

Его очень тяготило одиночество, когда он приезжал в монастырь, и в конце-концов он взмолился, чтобы его допустили до трапезной, в общество насельниц, а не приносили еду в келью. Мать «София» смилостивилась над ним и позволила ему приходить.

Она была красива, статна, молода, казалась царицей. Главной помощницей у неё по монастырю была её родная сестра мать «Наталия».

Однажды настоятельница с сестрой уехали по делам монастыря, я занимался какими-то послушаниями во дворе, когда меня попросили прийти в трапезную надписать вёдра. За настоятельницу осталась молодая трапезница, похожая на художницу, пережившую искушения богемной жизни, красивая, властная, со следами борений на лице. При взгляде на меня её глаза наполнялись теплом, она увидела во мне художника, я ей кого-то напомнил. Она проявляла ко мне явное благоволение. Благоволение начали проявлять и сёстры, у которых в трапезной была спевка. Я передал келарыше Ларисе привет от Евгения, сказав что он не может забыть её. Сёстры лукаво улыбнулись, а Лариса смутилась. Но «крепостная стена» разрушилась, когда я начал рассказывать им, как понравилось Евгению в монастыре.

Надписав вёдра, я стал их расписывать, подошла трапезница и с большим участием стала наблюдать за процессом росписи. Лариса села за фортепиано, стоящее у стены, и стала играть сначала церковные мелодии, а потом Полонез Огинского. Играла с чувством, сыграв, начала снова с ещё большим чувством. Сёстры как-то свободно расположились вокруг, кто-то вспомнил стихи, начались шутки. Было душевно и тепло на сердце. Мать настоятельница, появившаяся в дверях, ужаснулась атмосфере молодёжной тусовки в трапезной. Меня сразу изгнали, с ледяной вежливостью поблагодарив за исполненную работу, не дав даже помыть кисти. Трапезница явно ожидала бури, а эконом «мать Наталия» затайно улыбалась, с пониманием поглядывая на нас.

Через день я уехал в Москву. И вот опять, после встречи Нового года, мы в монастыре. Мы были готовы к тому, что нас развернут обратно. Я пошёл на переговоры с матушкой, а друзья остались стоять на улице недалеко от сестринского корпуса. Мать «София» вышла ко мне на лестничную площадку. Я начал с очень просительных ноток, рассказывая, какие замечательные, духовные мои друзья, стоявшие недалеко, так что их было видно из окон лестницы.

Настоятельница твёрдо сказала мне, что они не принимают паломников и нам надо будет искать пристанища в соседних сёлах. Но потом её твёрдость явно поколебалась. К моему удивлению, после заметных борений и смятений она согласилась оставить нас в монастыре. Сказала, что нам вскоре всё приготовят для ночлега, еду будут приносить в залу. Когда мы всё обговорили и я готов был с радостной вестью идти к друзьям, я вдруг услышал стон женщины. Едва слышно, на вздохе, она произнесла:

— Вы с Сашей приехали?

Я замер, не поняв, что произошло. Передо мной на короткое мгновение явилась любящая женщина, увидевшая своего любимого. Мне пришлось объяснять ей, что Саша приехал в монастырь с молодой женой, а другая (красивая) женщина — её сестра. Наступила короткая пауза, вздох и сдавленное молчание. Потом настоятельница собралась с силами и любезно простилась со мной.

Когда я, ошеломлённый, сообщил друзьям, что настоятельница нас оставляет пожить в монастыре, спросил Сашу: откуда его знает настоятельница?

Саша затряс головой в ответ, словно избавляясь от наваждения, не мог понять, о чём я говорю. Напряглись женщины, сестра Татьяна со жгучим любопытством, жена с тревожным недоумением. Саша ничего не понимал, и было видно, что он «безгрешен».

Мы долго стояли на морозе, дожидаясь пока нам всё приготовят. Марина допытывалась, кто же эта настоятельница,

и как-то по-женски сникла. Я поддразнивал её, говоря, что, может быть, настоятельница лежит на каменных плитах в храме и стонет: «Саша приехал! Саша приехал!»

Марине было не до смеха.

Вечером пришли в храм на службу. Саша всматривался в лицо настоятельницы и... не узнал её!

Напряжение и недоумение усилились. Какие только предположения не высказывались о настоятельнице и Саше, одни фантазии сменяли другие. Супруги нервничали. Марина готова была простить мужу тайную связь, но сожалела, что Саша ничего не говорил ей. Я знал Сашу почти как монаха, и для меня происшедшее было неожиданностью. Он не оправдывался, ничего не понимая. И только на следующий день в храме, увидев глаза сестры настоятельницы, всё вспомнил.

Его духовник отправлял группы молодых людей, своих духовных чад, в паломничество по святым местам. Цель таких путешествий была создание новых супружеских пар. Саша с «Софией» и «Натальей» путешествовали поездом. Саша был красив и благороден, как бог. «София» без памяти влюбилась в него. Но Шашино сердце не откликнулось на её чувства. Они расстались после поездки и больше не виделись. Саша ничего не знал о сёстрах. И вот через несколько лет встретились в монастыре. Она с посохом настоятельницы, он с молодой женой.

У Александра сейчас четверо взрослых детей, а мать «София» и сейчас настоятельница. Некоторое время монастырь возглавляла её сестра мать «Наталия», но сейчас опять мать «София». Монастырь процветает.

Сюжет от «Медеи».

Смотрит «Ромео и Джульетту», спрашивает:

— А есть ли теперь такая любовь?

Вспоминает свою двоюродную сестру по Тбилиси пятидесятых-шестидесятых годов. Сестра армянка училась в Тбилисском университете на русском отделении, а её возлюбленный

азербайджанец — на азербайджанском. Они безумно любили друг друга. Но когда он объявил матери, что женится, родители запретили брать в жёны армянку. Возлюбленный страшно переживал.

Потом пригласил сестру «Медеи» на берег Куры, сказал о запрете и невозможности им соединиться в браке и бросился в водоворот, место, где гибли люди, и погиб. Она сошла с ума. А через месяц после его гибели пришли сваты от его старшего брата. У них в семье соблюдался закон, что сначала женится старший сын, только потом младший.

Это в «советские» годы.

Сергей Фёдоров

* * *

Что ж щука не всплывёт из-подо льда?
Что ж яблонька замолкла от стыда?
Напёрсточники лоха водят за нос.
Чиновник — вор, его начальник — плут,
а всех главнее — Главный Баламут,
и бес их скопом посылает в анус.
А что мужик? Он щуку сторожит,
переминаясь. Снег под ним визжит,
и яблонька молчит, как бы немая.
Но в сердце знает он наверняка,
что за него — и роща, и река,
и снег, и в небе звёздочка хромая.
И что же? На крючок попались тут
и вор, и плут, и Главный Баламут
застрял в щелях земли и запалился...
И лишь мужик своими взял в кольцо:
знать, щука с яблонькой замолвили словцо;
и заяц, выскочив из леса, заступился.
Дивясь, мужик ложится на лужок
и видит сон: как будто пастушок,

но с крыльями. Такое вот виденье.
А тот ему и говорит: «Не трусь!
Тебя к своим причла Святая Русь —
и дарит слух, и отворяет зренья!»

Не сразу понимаешь, что речь идёт о сказочной Щуке из «По щучьему велению».

Яблонька как женское начало, невеста.

Иррациональная народная сила «Иванушек-дурачков» никак не проявляет себя на фоне разгула бесов-чиновников, плутов и воров, шулеров во главе с Баламутом. И все идут в афедрон.

Очевидно, мужик сторожит щуку не с тем, чтобы съесть её, а чтобы призвать иррациональную сказочную силу, о которой он знает, о тайне народной души. Здесь вместе с щукой всплывает тютчевское «Умом Россию не понять...».

«Но в сердце знает он наверняка,

что за него — и роца, и река,

и снег, и в небе звёздочка хромая» — это уже переключка со

«Словом о полку Игореве», возвращение князя Игоря, когда вся природа за него. В «Слове» половцы захватили Русь, а в стихах Олеси проворовавшиеся бесы-чиновники. В «Слове» народ с нетерпением ждёт Игоря, чтобы возродиться, в стихах Олеси мужик, как олицетворение народа, терпеливо ждёт «Щуку», чтобы совершилось чудо воскрешения народа.

Как-то вспоминается, что символом Христа во времена гонений на христиан была рыба.

И что же? По слову Христа Спасителя: «Ищите прежде Царства Божия и правды его».

«И лишь мужик своими взят в кольцо: / знать, щука с яблонькой замолвили слово; / и заяц, выскочив из леса, заступился».

Очевидно, «оборонительное кольцо».

«Сила Моя в немощи совершается».

Всегда заяц в народных сказках — это персонаж Правды. Люди, над которыми измывались чиновники. Одни из ма-

лых сих, Ангелы которых созерцают лице Отца Небесного. Ну, в финале стихов мужику и являются Ангелы.

«Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

Экзюпери, аллегорически говоря о духовной жизни, о душе, писал о Маленьком принце. Олеся, аллегорически описывая жизнь народа, пишет о Щуке и Мужике.

Остаётся ждать, чтобы сказка стала былью.

Начитавшись святых отцов о смирении и кротости, я, как ни старался притворяться смиренным и кротким, ничего не получалось. В один из выходов о. Всеволода на ступени храма, когда его тут же окружил народ, спрашивая благословения и задавая вопросы, я тоже спросил его:

— Батюшка, скажите, а как искренне считать себя «ничем»?

— Неискренне считать себя «ничем» нельзя, — ответил о. Всеволод.

Мне показалось, что я не получил ответа.

— Я вижу, что я вас не удовлетворил, — продолжал он.

— Нет, не удовлетворили.

— Для того, чтобы считать себя «ничем», не нужно атомной бомбы с шестнадцатью расщепляющимися боеголовками. Это не вопрос масштабов, а любви. Когда человек любит, по-настоящему любит, тогда он забывает себя и не считает себя кем-то, всё обращено на любовь к Богу, к другому, и человеку не до себя, он не думает о себе; главное — Любовь, тот, кого я люблю, а я — ничто, мне не до себя.

(Можно по любви считать себя «ничем», а можно по страху перед атомной бомбой).

Опять упомянув об атомной бомбе, о. Всеволод сказал:

— Ведь сколько добра можно было сделать открытием атомной энергии. А она была направлена на зло, на разрушение. Вы знаете, когда я был в Америке, мы встречались с Оппенгеймером, и он по ходу разговора сказал мне: «А знаете, мы с вами одного духа. Одной философии». — «Почему? Я же не создавал атомную бомбу». — «А вы посмотрите, какая книга лежит у меня на письменном столе». Я посмотрел — это был Достоевский. «Да-да, — продолжал Оппенгеймер, — я такой же христианин, как и вы». Я хотел сказать ему: «Вы такой же христианин, как я — китайский император».

О. Всеволод: «Смирение и кротость хорошо, но не надо быть подоконником».

О. Всеволод рассказывал о приёме владыки (мтр. Филарета?):

— Когда я вошёл к нему, он сказал: «Отец Всеволод, я не спрашиваю вас, как ваше здоровье» — «Почему, ваше преосвященство? — спросил я, — я был бы этим тронут». — «Потому что, если я вас спрошу: «Как ваше здоровье?», — вы ответите: «Спасибо, вашими молитвами плохо».

О. Всеволод был очень болен.

— Конечно, это моими молитвами «плохо», — закончил он.

О. Всеволод говорил, что кто перед нами виноват, за тех особенно молиться надо.

Записки церковного сторожа

Лютер

Девяносто пять тезисов доктора Лютера — смута
заразительна.

Высокомерно вступает в права
незаконный наследник и бастард. И пялится люто,
шевелия волосами, отрубленная голова.

Вся Европа в бреду. Рвутся швы. Реки бьются в падучей.
В Ватикане изжога, и тянет, ему вопреки,
Ветхий Деньми Свои узловатые пальцы из тучи,
но Адам отвечает капризным изгибом руки.

И повсюду уже расползлась эта весть, эта повесть, —
говоришь «человек», а находишь надрыв и разлом:
это плоти диктат, это разума спесь, это помесь
павиана с павлином, а то и косули с козлом...

Доктор Лютер, когда б хоть во сне вы предвидеть могли бы,
ядовитые гвозди вбивая в церковный каркас,
как ползут и ползут мрачнолицые парни Магриба:
шесть веков они ждали,
и время их вышло на вас!

Встретит весь Виттенберг их с улыбкою, пивом и миром,
и в немом изумлень воззрятся на этот комплот
европейские ангелы, плотно увитые жиром:
этот — с видом рантье и с лицом бакалейщика — тот.

...Удивительно ль, что мы тут ищем подкопы, подвохи,
дыры в жизненной ткани, сучок в европейском глазу,
гвоздь в двери виттенбергской; рычаг, за который эпохи
мрут, как мухи, и тонут в тазу!

*«Встретит весь Виттенберг их с улыбкою, пивом и миром,
и в немом изумленьи воззрятся на этот комplot
европейские ангелы, плотно увитые жиром:
этот — с видом фанты и с лицом бакалейщика — тот» —*

строки, очень образно иллюстрирующие учение Лютера о призвании. Что труды «бакалейщика» — стяжателя земных благ — принимаются Богом как и молитвенные труды. Поэтому и Ангелы — не Ангелы а «жиртресты», «плотно увитые жиром». «По плодам их узнаете их». По бездуховной плоти узнаете их. «Не можете служить Богу и маммоне».

В некоторой степени такой подход применим и к сочинителям стихов. Когда стихосложение вменяется в молитву.

То же есть и в православной молитвенной практике, когда послушание, исполнение благословения ставится выше поста и молитвы.

Вопрос достаточно тонкий и обтекаемый, как и имяславие в православии. Вроде бы и объявленное ересью, но почти неотделимо и неразлично от практики исихастов призывающих То же имя Божие, что и у имяславцев.

А если стихи пишутся по благословию, то почти и вопросов нет.

Тут и притча о приумножении талантов. Получается, что поэты в некоторой степени лютеране. И даже матушка Олеся, написавшая стихи на обличение Лютера. Но православная матушка по виду Ангел и совсем не похожа «на увитых жиром» — какая фраза! — бакалейщиц и домохозяек.

Преображенная плоть, осияемая Духом Святым, и мясная, с пивом плоть — не одно и то же, хотя плоть. Разное свидетельство о разных истинах.

«Выздоровливают, как мухи, от лютеранства!»

Такая строчка приходит на ум, когда читаешь последнюю строчку в стихах — *«мрут, как мухи, и тонут в тазу!»*

«Реки бьются в падучей» — потрясающий образ. Не уступающий образу больной Невы в «Медном всаднике». Почти на равных разговариваете с Пушкиным.

Женская тихая лирика

Вся эта тихая женская лирика,
тихая лишь до поры,
чтобы наброситься вдруг, чтоб накинуться,
жахнуть, к земле придавить.
Вот она длинные ногти оттачивает
красит крамольный свой рот,
и навивает кудряшки воинственно,
ломаной линией — бровь.
Слёзы и стоны, стенания, жалобы, —
злую судьбину клянёт;
бедные рифмы — хромые и блудные
выстроены на плацу.
Вечно весна у неё — с обещанием,
осень с пожухлым листом.
Нотка победная, гордость прощальная,
и оптимизма глоток.
Эта риторика, эта истерика,
гомон гормонов: пора!
О, как опасна такая невротика
с серою тенью игра.
Эрос и тот — устранился и прячется —
вместо себя — двойника
шлёт на расправу — капризного, мелкого:
шулера и пошляка.
Спросишь — откуда же эта вселенская
скорбь в тебе, кто виноват?
Это всё — тихая лирика женская,
весь этот ад.

Парадокс, что стихи, описывающие «ад женской лирики», настолько гармоничны, так красивы, удивительно нежны и лиричны, и проникающие до сути, объясняющие водовороты женской души, что становится даже смешно и радостно. Словно ребёнку объяснили, что то, из-за чего он готов был «навечно» обидеться и расплеваться, это мелочи, и если на них взглянуть по-другому, можно продолжать радоваться и дружить.

Стихи получились материнские. И если у студенток-поэтесс есть такая мама, им должно быть ничего не страшно. Главное, они могут разобраться в самих себе и не впасть в чрезмерную «лирику».

И, конечно, добрый юмор задаёт тон:

*«...и навивает кудряшки воинственно,
ломаной линией — бровь.*

*Слёзы и стоны, стенания, жалобы, —
злую судьбину клянёт;*

*бедные рифмы — хромые и блудные
выстроены на плацу».*

Шутливо описывается подготовка к сражению, но не как у Гофмана, скорее ближе к Андерсену. И веришь, что на самом деле автор, мама студенток, это всё пережила и знает, о чём пишет.

Конечно, можно было бы вспомнить Чехова, что, описывая пошлость, он не прибегает к пошлым приёмам, он врач, описывающий болезнь.

Так и Олеся Александровна, описывая «женскую лирику», не истерит. Она и поэт, и профессор, и мама своих поэтических птенцов.

Им можно позавидовать.

Недаром один из них стал лауреатом премии «Поэт».

Из книги «Здесь»

Потому что

Потому что обои невзрачные мебель вытертая неуют
потому что погода мрачная по телевизору ничего
потому что давным-давно не приходят
давным-давно не поют
потому что горестно человеку когда не любят его
потому что ужасно болит не помогает твой аспирин
потому что можно и так и этак ну жил и жил
потому что сгорая капают горячо воск или стеарин
потому что ведь не заставишь насильно ж
не будешь мил
потому что голова уже вся седая прокурена
кофеин тонин
потому что вы все время спрашиваете
не знаю я ничего
потому что должен же хоть когда-то
побыть человек один
потому что нельзя ничего поделать
чтоб любили его...

1987

Неужели такое могло быть чтобы Вас не любили? В это невозможно поверить! Просто, наверное, был такой период, когда из-за Вас не прыгали из окон, а Вы решили, что не любят.

Но прыгающие из окон, очевидно повзрослели, обзавелись семьями и благодарили Бога, что, ослеплённые Вашими серыми глазами, не стали ласточками на короткие мгновения.

Хотя это у Вас не первое стихотворение именно этих годов, когда Вы переживаете любовную драму — *«потому что*

горестно человеку, когда не любят его» — как искренне это звучит, по-молодёжному, почти по-детски. Укор и боль. Подкупает, хватается за душу, очаровывает.

Потому всё и плохо. По телевизору ничего, погода паршивая, неуют, обои облезлые, никто не приходит. Тишина, только воспоминания о песнях под гитару. (Никто не прыгает из окон, скушно).

«Потому что горестно человеку, когда не любят его», «ведь не заставишь, насильно ж не будешь мил».

Душа сжимается от такой горестной жалобы. В молодости чувства были непосредственнее.

«Потому что можно и так, и так, ну, жил и жил» — очевидно, назревала какая-то перемена в жизни, подошли к черте, за которой не будет возврата. Тревога перед будущим.

Ну, жил, и жил. А хочет всё поменять.

(Это только мои фантазии на тему стихов. Прочтение их. Я ничего не утверждаю о личной жизни автора. Стихи утверждают).

Вопль и стон сердца.

«Нельзя ничего поделать, / чтоб любили его...» — осознание своего бессилия, осознание реальности такой ситуации.

Плачешь вместе с автором, хотя стихотворению уже тридцать лет! Какое пронзительное и ранящее сердце!

Хоть бы для успокоения дали б сноску, что потом было всё хорошо.

Читатели в возрасте от волнения начнут искать валерианку.

Хорошее стихотворение, добрые чувства пробуждает. Но уж больно волнуется.

Я спрошу у отцов Египетских, чернецов Синайских:
разве слышно ещё хоть что-то из песен райских,
глухоту одолевших злую?
Или пение это всё зыбче, глуше,
и одни прельщённые да кликуши
с небом накоротке, напрямую?
Да ещё стихотворцы, прильнув к виденью,
говорят то с бесплотным духом, то с тенью,
тайнозрители, очевидцы...
Ах, недаром Бунин язвил на взводе,
что и ангел у нас — это что-то вроде
курицы, то есть домашней птицы...
Вот и ловишь слабые отсветы, отголоски,
след стопы, колею небесной повозки,
и сиянье в глазах младенца,
и крик: «Узнала!»
умирающей бабки — туда, сквозь крышу...
Или сон, в котором спор обо мне.
И слышу:
— Искала, но не нашла!
— Нашла, чего не искала.

«Или пение это всё зыбче, глуше, / и одни прельщённые да кликуши / с небом накоротке, напрямую?» — очень сильный, производящий впечатление, убеждающий штрих.

В храмах сейчас много богословской литературы, исполненной правильными рассуждениями. Они правильные, но их скучно читать, и это не очень помогает устройению души. Даже возникают сомнения: а пребывал ли в Боге сам автор этих рассуждений?

Или это семинарское богословие? Ещё тяжелее читать елейно-умилительную литературу. (Когда святитель

Николай квасит капусту в избе, а Божья Матерь ходит огородами).

А этим строчкам Олеси веришь. Производят впечатление. Как производит впечатление житие Марии Египетской и книга пророка Ионы.

*«Ах, недаром Бунин явил на взводе,
что и ангел у нас — это что-то вроде*

курицы, то есть домашней птицы...» — живой двуглавый орёл (двуглавая курица) будет пародией на символ православного государства. И такой «живой» символ невозможно принять, как и мифы елейно-умилительной литературы.

А житие Марии Египетской принимаешь, когда она не берёт денег для переправы через море на корабле с паломниками, рассчитывая расплачиваться телом. Потому и веришь, что это иссохшее тело потом парило над землёй во время молитвы. К высотам жития Марии подбирался Достоевский с Соней Мармеладовой.

*«Вот и ловишь слабые отсветы, отголоски, / след стопы,
колею небесной повозки, / и сиянье в глазах младенца, / и крик:
«Узнала!» / умирающей бабки — туда, сквозь крышу...»* — автор приводит два ошеломляющих в реальной жизни момента проявления горнего мира в нашем «картонном» мире.

*«Или сон, в котором спор обо мне. / И слышу: / — Искала, но не
нашла! / — Нашла, чего не искала...»*

«Меня нашли не искавшие Меня».

Очень убедительные, сильные стихи.

«Святые старушки»

Елена Степановна рассказывала о своём дяде, умершем в двадцатых годах. Он был атеист. Работал врачом и был человеком такой доброты и самоотверженности, что родственники говорили, что хотя он и атеист, но за свою доброту он сразу в рай попадёт.

Дядя умирал дома. Окружающие знали, что ему оставалось жить несколько часов. Неожиданно он попросил:

— Поднимите меня.

Его приподняли на подушках.

— Ещё.

Его приподняли выше.

— Ещё выше. Ах, какой свет! — воскликнул он и умер.

Записки церковного сторожа

* * *

...Каждая неверная фраза, написанная мною,
потом,
ползая по земле не щадя брюха,
в ночном кошмаре ко мне зайвится
и ужасным ртом
будет себя нашёптывать
мне
в самое
ухо...

Какая глубина и колоссальная концентрация. Вы прямо-таки становитесь мистиком, тайновидцем, как Иоанн Богослов автор Апокалипсиса. Мысли свойственно искать и находить воплощение себя, одеваясь в материю, и жить своей

жизнью во плоти. «В начале было Слово». Неверное слово, неверная фраза, неверный поступок. И кошмары. «И мальчики кровавые в глазах!»

Ужасаете, любезная матушка! Что же нам, обыкновенным грешникам, тогда делать?! Но на то Вы и провидец, чтобы «глаголом жечь сердца людей».

Благодарение Богу, что таким сильным словом предупреждаете и отрезвляете. Оказывается какая колоссальная ответственность за мысли, ползающие брюхом по земле, как крокодилы или питоны, пожирающие людей, и в конце-концов своего родителя, породившего их. Ужас и дрожь! Какие бездны Вам открываются!

Это уже не хи-хи, ха-ха, а тонкие наблюдения молодой женщины из фильмов Тарковского. Уровень мировых классиков.

(Не думаю, что это неверная мысль).

Фото моей иконы Иоанна Богослова, которая не захотела быть проданной моим друзьям за большие деньги, после непрерывной череды искушений, болезней, смертей, ограблений близких, в итоге убийства о. Александра Меня, духовника друзей, в день, когда я должен был передать им икону.

На похоронах о. Александра я простудился и заболел. Перед моим мысленным взором выстроилась череда всех трагических событий, когда мы не могли встретиться, и понял, что Иоанну Богослову угодно, чтобы его икона оставалась у меня. Потом в жизни раскрылся весь смысл сего.

Из книги «Герой»

«Люди наелись и заговорили о своём достоинстве».

Из газет

Они наелись, говорят,
и сразу же о нём
вдруг вспомнили — и стар, и млад —
достоинстве своём.
Наелись! И обиды вслух
и в глубине сердец
пересчитали, как пастух,
утерянных овец.
И как старьёвщик-кладовщик
винит в убытках моль,
и как процентщик-ростовщик
приписывает ноль.
Они — насытились! Но спать
не тянет, снедь претит
и снова надо б нагулять
и сон, и аппетит.
Чтоб — взвихрилось! Чтобы выиграл
адреналин стократ,
чтобы сражённый наповал
жрал землю супостат.
Чтоб чернь, картуз ломая свой,
склонялась вдалеке,
хмельная, с вшивой головой
и носом в табаке.
Чтоб выставить атлантов ню,
сбивая спесь и форс,
откалывая пясть, ступню
и обдирая торс.
Чтоб снова кашу заварить
и соли навалить,

чтоб век потом не растворить
и два — не расхлебать.
А тот, кто не наел как есть
достоинства внутри,
пусть варит пар, пусть парит жечь,
пусть ловит пузыри.
Пускай играет на губе,
гуляет по Луне,
кто не наел ещё себе
достоинства вполне!
Кто не наел себе всего,
не залакировал, —
пусть заливает, как его
Господь поцеловал!

2012

Вообще-то «не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящем из уст Божиих». Если для людей, части людей Бога нет, Его место могут захотеть заполнить обожествлёнными правами человека.

«Защиты эгоизма одного человека от эгоизма другого». Идеал прав человека свойственен благополучной, «наевшейся» Европе. В благополучии Бога нет, благополучием в Царство Божие не входят. Плоть ублажена, дух голоден и томится. «Бога нет», жить скучно, стремиться не к чему.

Начинается поиск не смысла жизни, а поиск адреналина, кайфа. Всё, что вызывает адреналин, всё имеет смысл в бессмысленной благополучной жизни, до извращения и перевертышей. Бородатая женщина становится идеалом женской красоты, «атланты ню».

«Атланты ню» оказались самой образной строчкой всего стихотворения. Этот образ характеризует эпоху.

От скуки и благополучия хочется устроить «кучу-малу»:

*«Чтоб снова кашу заварить
и соли навалить,
чтоб век потом не растворить
и два — не расхлебать».*

А неудачники, служащие маммоне, но не достигшие успехов, не наевшие холёность, могут лицемерно изображать из себя праведников. Дескать, *«их поцеловал Господь»*, и они не от мира сего. Хоть так прославиться, утвердиться.

Жёсткие стихи, неумолимые оценки.

«Мене, текел, фарес» — так называется и одна из книг Олеси Николаевой.

Всё-таки канонизируют её.

Из книги «Двести лошадей небесных»

Карандашик

Ляля карандашик для глаз весь израсходовала:
стёрся французский сине-зелёный грифель.
Он рисовал на её лице всё на свете —
парадный портрет восхитительной амазонки,
хищный имидж расчётливой бизнесвумен,
чуть презрительную гримаску светской львицы,
беспечный наив простушки,
лик обиженной девочки, которая потеряла маму,
мордочку смазливой кокетки
и просто — милую Лялю.

И Ляле теперь без этого карандашика — некуда,
она — сама не своя, ей плохо,
словно Творец совершил роковую ошибку,
когда создавал её без этой млеющей синевы вокруг глаз,
без стрелочек, бегущих к вискам,
без живописных клясочек на тугих веках...

Каждому овощу своё время, каждой маске свои годы. На-

верное, человек так привыкает в жизни к ролям и маскам, что когда приходит время, когда маски уже не нужны, человек не знает, что делать. Человек привыкает к парадным, красивым маскам, к красивой праздничной жизни, к блеску. А без этих блёсток жизнь кажется прозябанием. Незачем надевать маску бабы-яги, когда и так баба-яга.

Оказалось, что вся жизнь в масках, в театральных костюмах, да и сама жизнь — восхитительный театр. И вот ни масок, ни жизни. В гробу ещё, может быть, подведут глаза, сделав последнюю маску. Получается, что человек — хамелеон всю свою жизнь. Печальная философия о бренности нашего мира. Стремление к красоте и временность этого мира.

Крюковская старушка уходит. Очень цельная натура. Ни разу в жизни не красилась. Всегда была сама собой. А порода дворянская чувствовалась.

— Этого не купишь! — вздыхал сосед-мафиози.

Записки церковного сторожа

Чудо

Тайный свет внезапно осветил
жизнь мою и куст — лицом ко мне:
нет ли брата у него в раю —
близнеца в божественном огне?

Или Властелин небес, в щепоть
взяв Луну, позолотил огнём?
Или это вдруг меня Господь
помянул во Царствии Своём?..

Я и говорю, что Олеся Александровна, подобно Моисею, выведшему избранный народ в Землю обетованную, своим словом выводит избранный народ любителей поэзии в Царство Слова Божия поэтическим путём.

И ведёт народ, любителей поэзии сорок лет. Вот и куст горящий уже ей явлен. Но поэты, литераторы — люди строптивые и упрямые. Можно только уповать на благодать Божию и доброе сердце пророчицы, что её минует искушение Пророка и она не порвёт бумажные скрижали поэтического Завета, разгневавшись на самовлюблённых поэтов и поэтесс, поклонившихся золотому божку своего «Я».

До небесного Ерусалима

Ты теперь еретик и раскольник.
Перейдя роковую черту,
рассыпаешь мой дактиль, мой дольник,
мой анапест в опальном скиту.

Это — птицам на корм, это — трели
бегства в небо, когда дотемна
лжепророками Иезавели
дух измучен, душа стеснена.

Это — близко последняя битва:
буря, клекот, биение крыл.
Это — бдение, это — молитва,
это — то же, что ты говорил:

«До небесного Ерусалима...»
Дальше — некуда. Поздно. Нельзя.

Судя по предыдущим творениям в стихах и прозе Олеся — это автобиографическое произведение. Очень скорбное.

«Перейдя роковую черту, / рассыпаешь мой дактиль, мой дольник, / мой анапест в опальном скиту» — поколеблены основы бытия поэтессы. Таким человеком мог быть только учитель, отец.

«Это — птицам на корм, это — трели / бегства в небо» / — разброс «богатств» поэтессы, то, что составляло её славу и жизнь, в одночасье разорено, обесценено.

«Лжепороками Иезавели / дух измучен, душа стеснена» — двумя, казалось бы, простыми строчками выражено всё состояние души. Не дай Бог такое пережить.

«Это — близко последняя битва:

буря, клетот, биение крыл.

Это — бдение, это — молитва,

это — то же, что ты говорил...» — очень эффектно, без театральности, сильно, хотя неуразумееваемо до конца, о какой последней битве говорит автор. Всё-таки речь идёт не о событии вселенского значения. Хотя для души так может рушиться и вселенная вместе с кумиром. Душераздирающая драма.

«Дальше — некуда. Поздно. Нельзя» — звучит как приговор.

Прямо-таки живая боль от этого стихотворения и неподдельное сочувствие автору.

Из сборника стихов «Я — израненная земля»

Баллада о Сашке Билом

Это дух Сашка Билого — неутолённый, мятежный — бешеной слюною исходит, что шелудивый пёс: жуть, злость, жаждет отмщенья, крови, рыщет по Незалежной, вгрызается в плоть, рвёт тёплое мясо, ломает кость.

Это никто как он — прелюбодейный, шало пахнувший палёною человечиною, в Одессе вдыхает дым,

роется в Мариуполе в трупах, но всё ему мало, мало,
весь измазался кровью, а — всё незрим.

«Мало ещё вы душ загубили кацапских», — за ушные мочки
дёргает, подначивает, поддаёт пенделя, чтоб уж наверняка,
долбит мозг Коломойского, печень клюёт, вырывает почки.
«Это ты, — Сашок?» — тот в ужасе спрашивает невидимого Сашка.

Так недолго сойти с ума, что со ступеньки... Лютый
озноб: серое вещество закипает, скисает, как молоко.
В ночи Коломойский спрашивает у шкафа: «Билый, чи там, чи тут ты?»
Но до поры ухмыляется, отмалчивается Сашко.

Ибо — наутро — знает: глянут все западенцы,
все коломоицы глянут в зеркальную даль и — в крик:
оттуда стервец Сашко кривляется, грызёт заусенцы,
средний палец показывает, высовывает язык.

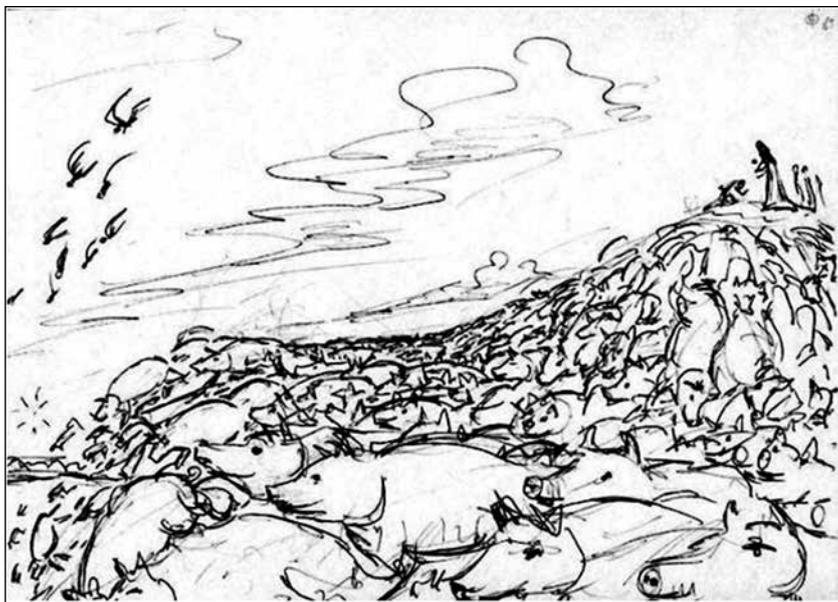
Глянут наутро бандеровцы — родичи, единоверцы —
на братанов по сектору, и в каждом из них — мертвяк
Билый Сашко сидит, застреленный ночью в сердце
и заселивший тела живые незнамо как.

Глянет и Незалежная в воды, и — отразится
бритая голова с безобразным ртом, жёлтый желвак,
бегающие жестокие глазки, жиденькие ресницы:
вылитый Сашко Билый — убивец и вурдалак.

Да это же бес в маскировке: плоть, синие жилы,
всё как у всех: комар на лице простом...
На цепь его посадить, под требник Петра Могилы
склонить, с заклинательными молитвами и крестом!..

В берцах, в военном буро-зелёном прикиде:
ишь, как всамделешный — щетинистая щека...

Да покадит на него иерей, воскликнет Господь: «Изыди!»,
и с воем из Незалежной низвергнется дух Сашка!

«И бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло»

«Вию» Гоголя не уступает. А Коломойский, спрашивающий у шкафа: «Билый, чи там, чи тут ты?» — уровень булгаковского «Бега», бред генерала Хлудова. Классиком стала Олеся Александровна.

Вбандеровцах, палачах, раскрывается сатанинский образ Сашко Билого. Воплощённого зла на украинский манер. Бесовский фюрер Украины. И это зло в сердцах обезумевших людей, в которых сидят легионы Сашко Билых, может одолеть лишь благодать Божия. Не случайно автор приводит в конце стихов образ иерея Божия, изгоняющего словом Божиим бесов, Сашков Билых. Теперь благодаря провидице Олесе Николаевой будем знать имя украинской нечистой силы.

В ряду образов Вечный Жид, Летучий Голландец, Синяя Борода появился новый — «Сашко Билый». Так и будут говорить: «В него вселился Сашко Билый».

Жуть нападает ещё и из-за живописности образа *«плоть, синие жилы», «бритая голова с безобразным ртом, жёлтый желвак, бегающие жестокие глазки, жиденькие ресницы»*.

Мастерство в описании, технику которого не замечаешь, как воздух. Словно так и должно было быть само собой.

Тяжкое, почти апокалиптическое стихотворение. Ужасно действующее своей реалистичностью украинского Апокалипсиса. Вся надежда только на обращённость к Богу, да *«с воем из Незалежной низвергнется дух Сашка!»*

(Сталин в годы войны открыл храмы, семинарию, академию как последнюю надежду, и наступление немцев на Москву было остановлено).

Уж очень серьёзным классиком оказалась Олеся Александровна. Не только женским лириком. Масштабное дарование. Избранница Божия.

После юбилея

Невозможно Мандельштама хлестать, как воду, или даже, как водку, — напропалую:
«Пошло то, что пошло» — вспоминаешь сходу остроумца известного шпильку злую.

Разве скрипку слышно в базарном гаме?
Разве пустишь перстень от глаз ревнивых по рукам?
На радужной амальгаме
жирный блеск, отпечатки пальцев потливых.

Для того и цербер у сердца ночью и днём сторожит границу его владений...

Ибо всё сокровенное — драгоценно
и чурается лишних прикосновений!

... Хорошо, что кончился юбилей! Болея
и забившись в себя, будем с каждой строчки
слой за слоем счищать желтизну елеса
и сжигать пластмассовые веночки.

Какое трепетное отношение поэта к поэту, к его строкам! Поэт видит какая сокровенная жизнь стоит за строчками мастера. Муки и страдания. Трагедия и любовь. Поэтическое дыхание. И, конечно, это не для пышных похорон или пышных юбилеев, не для торжественных застолий с водкой и селедкой.

*«Невозможно Мандельштама хлестать, как воду,
или даже, как водку, — напропалую:*

*«Пошло то, что пошло» — вспоминаешь сходу
остроумца известного шпильку злую».*

Это равносильно, как если бы необыкновенно тонкие, нежные и лирические картины Модильяни несли бы на первомайской демонстрации. Такое славословие превратилось бы в глумление, и убило бы картины, и людей, которые на них изображены.

*«Разве скрипку слышно в базарном гаме?
Развепустишь перстень от глаз ревенных
по рукам?»*

*На радужной амальгаме
жирный блеск, отпечатки пальцев потливых».*

Гениально, и швов не видно. На одном вздохе сделаны строки. На одном вздохе воплощен образ.

*«Для того и цербер у сердца ночью и днём
сторожит границу его владений...*

*Ибо всё сокровенное — драгоценно
и чурается лишних прикосновений!»*

Это уже из жизни самого автора. С таким устройением на «первомайскую демонстрацию» не пойдёшь. Сердце, как храм Божий, где живёт Бог. Тайственная жизнь сердца, глубина. Один поэт прозревает тайственную жизнь сердца в другом поэте.

И отношение к юбилеям

*«... Хорошо, что кончился юбилей! Болея
и забившись в себя, будем с каждой строчки
слой за слоем счищать желтизну еля
и сжигать пластмассовые веночки».*

Громогласные хвалы пению соловья убивают его пение. Соловья надо слушать в ночи и в одиночестве, у сиреневого куста. Только тогда сердца коснётся любовь и поэзия. И поэт сам будет петь, как соловей, завораживая своих читателей.

Приходит поневоле такая мысль, что эти стихи Олеси Александровны – своеобразный завет, как надо будет правильно отмечать её юбилей. Дай Бог, чтобы это время как можно дольше не наступало. Но «инструкция» уже есть.

Почти то, о чём писал духовный прародитель Олеси Александровны.

– Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдёт, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь...

Дай Бог, чтобы это было очень и очень нескоро, через несколько десятилетий.

Шесть букв

...Есть взгляд гордеца, самурая,
лакея, халдея, ханжи.
И если я правильно всё понимаю,
всё в мороке здесь и во лжи.
Есть взгляд скорпиона, шалтая-
болтая, завистника, — соль
здесь в том, если правильно я понимаю:
езде — обречённость и боль.
Посмотрит цыган, не мигая,
жиган подмигнёт ли — видна
одна, если правильно я понимаю,
тревога, гибель одна.
Взглянет ли красотка немая,
змея ль прошипит из песка, —
в глазах, если правильно я понимаю,
лишь бездна, да зной, да тоска.
И эта равнина сырая,
и эта осенняя твердь
шесть букв, если правильно я понимаю,
развесили в воздухе: смерть.
Все смотрят от края до края
и знаменье видят конца.
Но есть, если правильно я понимаю,
Создателя взгляд и Отца.
И в нём я не та, а иная:
в божественно-хладном огне,
и, если я правильно всё понимаю,
таинственна мысль обо мне.
Но полуслепая, кривая
хрусталик мой линза кривит,
чтоб я, ничего уже не понимая,
шесть букв зазубрила навзрыд...

...В то время, как взор поднимая,
прекрасен, как юный пиит,
во славе Сиона, Фавора, Синая,
сияя, Архангел стоит!

Считается, что Страшный Суд будет и в том, что человек увидит, каким его задумывал Бог и каким он не был. Каким прекрасным он должен бы быть, раскрывая в себе образ Божий, и каким не стал.

И автор стихов и жиганы, и «красотка немая и змея» (надо же, какое соседство, это что – синонимы?) и скорпионы, и самураи, гордецы и завистники, все под властью греха.

Но у одних взгляд устремлён к небу, и они стремятся вопреки морю греха, мировому потоку, уподобиться Ангелу (святых преподобных так и называли: Ангел во плоти), другие, напротив, через исполнение своих похотей устремлены к смерти, к дьявольскому зраку.

Очень сильное противопоставление смятения автора:

*«Но полуслепая, кривая
хрусталик мой линза кривит,
чтоб я, ничего уже не понимая,
шесть букв зазубрила навзрыд...».*

И видение Архангела. Почти пушкинский «Медный всадник».

Потоп и «В неколебимой вышине, / Над возмущённую Невою / Стоит с простёртою рукою / Кумир на бронзовом коне».

*«...В то время, как взор поднимая,
прекрасен, как юный пиит,
во славе Сиона, Фавора, Синая,
сияя, Архангел стоит!»*

Радственники Олеся Александровна и Александр Сергеевич!

Из цикла «Маски»

На нищего, на замордованного
взгляну — и вспомню ненароком:
есть слух про принца заколдованного,
не он ли — в рубище широко?
А то — хмельная баба с улицы...
Но мне как будто это снится —
под видом пьяницы, кощунницы,
бывало, постница таится.
То гость придёт лукавый, ряженный:
там всё — там рожки под беретом...
А он — любезен, напомажен и
с гостинцем сахарным, с букетом!
...Пожрёт кладбище ненасытное
того и этого — любому
сей навык ценен: очевидное
не принимать за аксиому!

«Нет, мне приятней система намёков старикашки Ха-Эм.
Он, похоже, что-то вроде агента по продаже вин».

О'Генри. «Справочник Гименя»

Ха-Эм — Омар Хайям.
(Эпиграф к первому отзыву).

Сразу хочу предупредить, что я написал два отзыва. Один сам по себе. А второй под диктовку Диктующего.

И для чего нужно было писать это стихотворение? Что все помрут? Но это и так всем известно. Это аксиома. Конечно, мужик с рожками *«любезен, напомажен и / с гостинцем сахарным, с букетом!»* — интересен. Такой хмырь.

Пьяные бабы — это повседневность нашей жизни, чё о них писать? Вечером выйдешь на улицу, этого добра сколько

хочешь. Лучше бы Олеся писала про лебедей. А пьяных морд я и так посмотрелся, уже тошно от перегара. И что она в них нашла?

Пишет, что вроде бы кто-то из этих бомжей принц. Не знаю, такое зловоние от них, что любой принц сдохнет, как мотылёк от дихлофоса. Сказки всё это и иллюзии девочки, мечтающей о принце. А эти пьяные бабы такие толстые, что только люди с приветом в них могут видеть тонких и изящных постниц. Как Дон Кихот был с приветом, смотрел на грязную половую тряпку, которую ему Дульсинея — девка из кабака — подарила как свой платок, и вместо тряпки видел легчайший газ.

Мечты и иллюзии у Олеси, даже странно, что она от юности сохранила их. И ведь найдутся дуры, тоже с мечтами и иллюзиями, которые будут поддакивать ей и говорить, что она гений.

Одно верно — кладбище всех пожрёт — это она хорошо написала, образно. Но от таких стихов только напиток самогонок хочется и забыть обо всём! Жизнь и так паскудная, а тут ещё Олеся добавляет! Но выпить с ней можно и поговорить по душам.

Диктующий ужаснулся отзыву, который я написал без него, начал диктовать, но мои строки очень сильно сбили его.

*«То гость придет лукавый, ряженный:
там всё — там рожки под беретом...
А он — любезен, напомажен и
с гостинцем сахарным, с букетом!»*

Сразу вспоминается евангельское «берегитесь лжепророков, которые приходят в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»

*«А то — хмельная баба с улицы...
Но мне как будто это снится —
под видом пьяницы, кошунницы,
бывало, постница таится».*

«Если я сам Себя славлю, то Моя слава ничто».

Подлинные святые тщательно скрывали дары святости, полученные от Бога. Иногда это принимало форму юродства. И очень сильное подозрение, предположение, что Олеся пишет это с самой себя. В житиях святых полным-полно сюжетов, где всеми презираемые, завшивленные бродяги, оказывались великими святыми. Обычно это становилось известным после их смерти или когда Ангел открывал это кому-то из людей, и те отправлялись искать святого и находили нищего в лохмотьях. Но кому-то духовным зрением давалось прозревать в нём человека Божия.

Опять подозрения об Олесе.

*«...Пожрёт кладбище ненасытное
того и этого — любому
сей навък ценен: очевидное
не принимать за аксиому!»*

«Помни о смерти, и никогда не согрешишь».

Это лейтмотив в жизни святых, память смертная.

Что-то в последнее время поэтесса всё чаще обращается к образу кладбища, к осмыслению прошедшей жизни. Другие оценки, другое восприятие жизни. Конечно, невозможно постоянно пребывать в струях фонтана радости и юношеской беззаботности. Но стихи Олеси Александровны обретают большую строгость и силу. Приходит надмирная мудрость, и эта надмирная мудрость передаётся и читателям стихов Олеси Николаевой.

Что они будут делать, когда Олеся Александровна завершит свой земной путь? Постараются последовать за ней в вечность?

Из книги «На корабле зимы»

Написано было для старенькой инокини Пелагии — верной послушницы убогого монаха Леонида, героя моей повести «Инвалид детства».

Пелагия

Ты юна и прекрасна, о Тарса надменная дочь!
Пред тобою сегодня расступится хищная ночь,
по которой идёшь ты, покуда девицы другие
в глубине своей спальни мечтают о новых балах,
женихах и нарядах, а ты, как раба в кандалах,
в чёрных скалах бредёшь потайною тропой, Пелагия!
Как созвездье меж звёзд или розовый куст меж кустов,
знатен славный твой род, с императорским домом готов
породниться, поскольку наследник тобой очарован.
То-то было бы дело: знай, царствуй на славу и всласть,
только идолов помни, твою охраняющих власть!
Что же ты отвернулась и скрылась под чёрным покровом?
Ты в видении сонном всё это увидела днесь:
сам епископ, гонимый языческим городом, здесь
укрывается, выйдет тебе он навстречу, суровый, —
по молитвам его из-под камня источник забьёт,
и откроется небо, и голос тебе запоёт:
возвращайся домой, ты вернёшься невестой Христовой!
Да, ты завтра вернёшься, и завтра тебя предадут,
поведут мимо капищ, притянут к ответу, на суд.
Императорский сын, уязвлённый напрасной мечтою,
на себя от отчаянья руки наложит, глупец!
Что же делать с тобою, раз сам император-отец
позовёт тебя в жёны, пленяясь твоей красотой?
Завтра этот безумец, не зная владенья твои,
горсти пыли и праха, сокровища, полные тли,
пред тобою разложит и глянет с улыбкою змия.

Ты с великим презрением швырнёшь ему славу, и власть,
и земные богатства, и всякую похоть и страсть,
чтоб сгореть, как свеча,
и восстать в третий день, Пелагия!
...Так пойдём же средь тьмы,
средь неведомых поприщ и скал
там, где ухает филин и рыщет голодный шакал,
и летучие мыши так близко шуршат о напрасном,
и срывается камень, и долго летит он до дна,
чтобы мы не забыли, как пропасть под нами страшна,
и чтоб день наступающий нам не явился соблазном!

1979

Странно, что эти стихи не поют женщины, которым мало церковной службы, и они остаются и поют нечто вроде православных баллад. Может быть, и пели бы, если бы стихи были положены на музыку. Я не в уничижение говорю.

Так акафист в стихах, написанный митрополитом Сергием Страгородским, по рифмам, по ритму, по структуре вызывал в памяти «Конька-Горбунка» Ершова. Такая же простоватость. Но если она у Ершова оправданна, то в акафисте показалась просто неумением автора, род благочестивого графоманства.

У Олеси роскошные, профессиональные стихи. Даже немного по-юношески роскошные и проникновенные. Так словно святая Пелагия её подруга и современница.

А сии строки:

*«Так пойдём же средь тьмы,
средь неведомых поприщ и скал
там, где ухает филин и рыщет голодный шакал,
и летучие мыши так близко шуршат о напрасном,
и срывается камень, и долго летит он до дна,
чтобы мы не забыли, как пропасть под нами страшна,
и чтоб день наступающий нам не явился соблазном!»* —

И нас переносят во времена Пелагии. Как бы происходит прорыв от изображения, символа на иконе, в нашу реальность. Пелагия становится живой, без излишнего жизнеподобия.

Почему-то приходит на ум «Песнь о Роланде», хотя я не читал её, а бегло просмотрел. Очевидно, тогда, в те годы Олеся прочитала её.

Благодаря стихам Олеси я впервые узнал житие Пелагии, хотя годы проработал в храмах. Но жития святых такие елейные и трафаретные, и так схожи по изложению, своими «ахами» и уничижительным языком, что их невозможно читать в больших количествах. И они как кукольные представления.

У Олеси же живое слово и прорыв во времени.

Разумеется я нисколько не умаляю подвиг святых, пострадавших за Христа. Я говорю об изложении их житий. Подобно тому, как совершенно божественны иконы Владимирской и Донской Богоматери, и совершенно приторны их повторы в XX веке с розовыми лицами и ангельски-синими глазами. Обычно бабушки очень любят такие картинки.

У Олеси настоящая поэзия. Она выполняет свою миссию просветительницы языков!

У меня ощущение, словно мы с Вами вдвоём, на два голоса пишем стихи.

Я уже стал Вашим эхом.

Из переписки с издателем

Володя, очевидно произошло расхождение по времени между началом редакторской работы и завершением события, которое я описываю в предисловии.

На Рождество 2017 года я попросил блаженную жену, молитвенницу и чудотворицу Марину помолиться в Елоховском соборе на могиле патриарха Алексия II, чтобы он послал мне восемьдесят тысяч на издание книги «Слово об Олесе». С патриархом Алексием II я пересекался, работая в храме при патриаршей резиденции в Переделкине, принимал причастие из его рук. И каждый раз поражался силе и благодати, исходящей от него. Он был знатоком музыки и литературы, и я совершенно осознанно просил его о помощи. Но мне далеко до молитвенницы Марины, жены моего друга Александра.

В книге я пишу и о патриархе, и о Марине и её детях. Марина помолилась Святейшему о ниспослании мне средств. Патриарх послал мне сто тысяч рублей. Музей Гоголя купил у меня книгу Николая Курганова «Письмовник» 1796 года, по которому Гоголь мог учиться. Но процедура приобретения растянулась на полгода. И когда Рая начинала делать книгу, денег я ещё не получил. Потом Вы приступили к работе над основным текстом книги, а сделанное Раей вступление «осталось без денег», которые я получил только в декабре месяце. Вы всю «перелопачивали» текст, и Вам было не до вступления, уже сделанного Раей.

Но мне кажется, что этот эпизод свидетельствует о Промысле Божьем, святости патриарха и молитвенной силе Марины. (Как-то ей захотелось быть ограбленной, чтобы избавиться от грехов. И понеслось! Такое! Я это описываю в книге). И штрих значительный. Стоило бы его поставить в предисловии об истории издания книги.

С праздником Рождества!

Ничто

Скажи про то, что ты «Ничто» назвал.
Скажи, Ничто — безмыслие, безволие:
дыра без ткани, без пути — провал,
и без самой иглы — ушко иголье.
Оно готово жизнь пожрать, украсть
подсказки Промысла, скрыть музыку от слуха
и всунуть тайно головешку в пясть —
всю черноту несбывшегося духа.
Оно тебя предаст пустым словам,
мотивчику, сверлящему до свиста,
иронии с начинкой: пополам
смесь зависти с издёвкой мазохиста.
Оно поставит наблюдать воды
из крана капанье, и, добавляя перца,
все бытия приметы и следы
затаптывать, вымарывать из сердца...
Похлеще кришнаита обернёт
материей, размножит средь репринтов:
ты двойников хоть задом наперёд
считай в огнях зеркальных лабиринтов.
Пока идёшь на этот лживый свет,
на зов, неважно чей: звезда то? меч то? —
Ничто тебя совсем сведёт на нет,
сведёт на нет, чтоб превратиться в Нечто.

Что послужило написанию сего творения? Неужели знакомство с Ничто? Непосеянная трава. «Ничто» оно «он» или «оно»? Веет Азией, нирваной.

Не случайны строчки:

*«Похлеще кришнаита обернёт
материей, размножит средь репринтов».*

Всё-таки кришнаиты фигурируют.

И Алиса вспоминается — бегущий «никто».

Почему автора взволновала эта тема? Автор ничего не пишет без личного участия, без переживания темы.

Неужели медитацией попробовала заниматься? Или внуки выросли, птенцы разлетелись после Нового года и Рождества?

«Скажи, Ничто — безмыслие, безволие:

дыра без ткани, без пути — провал,

и без самой иглы — ушко иголье».

Неужели автор переживал такое? Мтр. Антоний Блюм писал, что у подвижников наступает период, когда им даже быть с бесом бывает легче, чем оставаться в неопределённом состоянии одиночества.

Это «ничто» даже имеет свою некоторую жизнь.

«Оно готово жизнь пожрать, украсть

подсказки Промысла, скрыть музыку от слуха

и всунуть тайно головешку в пясть —

всю черноту несбывшегося духа».

Похоже на наркоз, но индуистский наркоз.

Или у автора появился знакомый индус или китаец?

Откуда ветер дует?

Или «ничто» — это обыкновенное, но сильное уныние?

Что совершенно не свойственно автору.

Или бесы подкрались? Или автор устала от бездарных стихов?

«Пока идёшь на этот лживый свет,

на зов, неважно чей: звезда то? меч то? —

Ничто тебя совсем сведёт на нет,

сведёт на нет, чтоб превратиться в Нечто».

Всё-таки функция «ничто» — напитаться жизнью, стать «Нечто».

Вряд ли речь об учениках.

«Оно тебя предаст пустым словам,

мотивчику, сверлящему до свиста,

*иронии с начинкой: пополам
смесь зависти с издёвкой мазохиста».*

Это бесы, или бесовские люди.

Действие Мефистофеля на Маргариту, Грехтен.

*«Оно поставит наблюдать воды
из крана капанье, и, добавляя перца,
все бытия приметы и следы
затаптывать, вымарывать из сердца...»*

У «ничто» воля, напор усиливается. У автора ослабевает.

Пугающее и непонятное стихотворение.

Нисколько не свойственно автору.

Но автор начинает жить этим «ничто».

Но у настоящих подвижников такой период обязателен.

Перед взятием новой высоты.

Но то, что может понести автор, могут не понести читатели и почитатели. Останется горстка мух от читателей и...

Ничто.

В молодости в одном стихотворении возопила автор, что человека кто-то должен любить. И вот опять вопль. Беспокойно и тревожно.

Нет, Сергей, Ваши догадки в данном случае неверны. Ничто – это идол, тренд постмодернистского мира. Это, – если угодно, «чёрный квадрат» Малевича. Мои студенты (не все, конечно) тащатся от Ничто.

А! Есть конкретная причина – студенты и «Чёрный квадрат». Но Вы так вжились в образ, что напугали. Хоть бы в скобках указали: «Чёрный квадрат». Легче стало. Я подумал: пошли психические проблемы. Простите.

Вы создали свой «Чёрный квадрат». Теперь народ будет ломать голову – что это? И почему гениально? И какой высший смысл? А может быть, это туфта, «Чёрный пузырь»? И будут дискуссии и споры. На века. И рядом с «Чёрным квадратом» Малевича повесят Ваши стихи «Чёрный пузырь».

...Это очень серьёзно: за этим стоит отрицание Истины, на месте которой водворяется это ничто. Ничто – «не есть», не существует, не имеет сущности, поэтому для того, чтобы проникнуть в бытие, оно должно паразитировать на существующем. В современной культуре это можно проследить по тому, как из текстов, претендующих на то, чтобы называться поэзией, изымается личность. Она разлагается на множество масок, голосов, «ников»... За этим стоит убеждение, что Истина, Личность, традиция являются репрессивными орудиями, сковывающими человеческую свободу. Поэтому «ничто» – это ещё и обратная сторона тотальной «свободы от...» и нежелание «свободы для...». Не знаю, понятно ли я написала. Но сейчас уже появляются даже манифесты, в которых это провозглашается. Отсюда – разрушение формы в поэзии, ломка синтаксиса, отсутствие в иных стихотворных текстах как заглавных букв после точки, так и пунктуации. Юные люди часто этим соблазняются: ведь такое ни к чему не обязывает: пиши всё, что взбредёт в голову, не заморачиваясь поисками точного слова, архитектоникой, звукописью и созданием гармонии.

Сновидение

Проснулась сегодня в пять утра – в муке и тревоге. Мне приснился такой реалистический и трагичный сон, что я не могла дальше спать. Привиделось мне, что идет Гражданская война, а я и мои дочери в городе, который переходит то к красным, то к белым. Мы же участвуем в Белом сопротивлении, но когда приходят большевики, действуем подпольно. При красных здесь уже расстреляли молодую женщину, мать троих детей, которую приняли за мою дочь Настю, потому что они и правда были очень схожи. Потом пришли белые, и мы составляем какие-то схемы военных действий. Но красные уже пробиваются сюда с боями, с минуты на минуту войдут в город. И я умоляю моих дочерей покинуть это место и бежать,

потому что велик риск, что их схватят и расстреляют, как молодую женщину с детьми...

Вот на этом месте я и проснулась. Ужас и горе, которые я пережила во сне, показались мне такими явными, словно волна времени послала их из тех окаянных дней: чьё-то страдание сгустило свои черты и запечатлело их, сделав почти вещественными и осязаемыми.

Воздух наш полон вот таких застывших криков, замерших фигур боли и судорог отчаянья. Иногда ветер подхватывает их и приносит кому-нибудь из нас, и они обретают голос, движение, лицо, оживают в нас и делают соучастниками своей судьбы.

Живое семейство, и переживания очень сильные, зашкаливают в метафизику, особенно у матушки-пророчицы. Можно писать роман, в духе «Белой гвардии». Да матушка, наверное, и пишет. Здоровья всем и помощи Божией.

6 февраля 1985 года, накануне праздника иконы Божьей Матери «Утоли моя печали», Николо-Кузнецкий храм. Через год после кончины о. Всеволода Шпилера он как духовный настоятель храма встречал Богородицу в алтаре Никольского придела во время акафиста перед чудотворной иконой.

Содержание

Олеся Николаева

Осенний псалом	11
Перед зеркалом	13
Сценарий	14
Немошь	20
Бах и Глюк	22
«Когда со стихами на сцену...»	25
Вечная память!	27
«Помяните эту Божию рабу...»	32
Переписка Грозного с Курбским	34
От себя	38
Из цикла «Маленький человек»	40
Три дня	42
Сложный глагол «быть»	49
Песнопения	51
Испанские письма	53
Сновиденье	56
Меж сном и явью	58
Радоница	61
Испанские письма (продолжение)	63
Испанские письма (продолжение)	65
Так жили поэты	67
Против злопамятности	68
Март	70
Забвенье	73
Слово и безмолвие	75
Метель	83
Католическое Рождеств	85
Рождество	91
Праздник Рождества	95

Рождество	99
Мемуаристка	102
Превращения	106
Путешествие	109
Воздаяние	111
Лермонтов	113
Рустаму Хамдамову	114
Урия	116
Саул и Давид	120
Иосиф	121
Исход	123
Магдалина	126
Первое стихотворение	128
Лестницы	129
Последний человек	132
Портрет	133
Боль	136
В пути	138
Удивление	139
Монсеррат	141
Простая история	143
«Что-то мёртвые стали ко мне захаживать...»	146
Берёзы и сосны	150
«Театр»	152
Отрок	155
Ошибка	158
У камина	159
Сон	161
Быль	164
В доме Герцена	167
Три вещи на свете	169
Утро	170
Уроки писательского мастерства	171

Баллада	172
Равелло	175
Вспять	180
Отповедь	183
Литературное	185
Вечером	186
Пространство и время	188
Вера	191
Христианские парадигмы русской литературы	194
Подруги	196
Оборотень	199
Последний блинок	202
Наследственность	219
Баронесса Корф	222
Неподъёмный камень	225
Деньги	234
Анна с Марьей	236
Филиппика	238
Пленник	240
Строфы	244
Народная песня	248
Семейные страсти	250
Пейзаж	252
Поучение	255
Человек	257
Из цикла «Народные песни»	261
Интерпретатору	264
Время	269
Торжище	270
Из цикла «Щастье»	272
Буря	274
Белая гвардия	277
Игра	280
Злая ночь	282
Слуги и господа	287

Фонарик	289
Искушение	291
Из цикла «Маски»	294
Кузнечик	295
«Три богатыря»	297
Точное слово	306
Искушение	326
Чревоугодник	328
Женщина	329
Снаружи и внутри	330
«Что толку тебе вспоминать обо мне...»	331
Голоса	334
Прощение	336
«Что ж ты, как яблочко, катишься, котишься...»	338
Этюд	344
«Что ж щука не всплывёт из-под льда...»	351
Лютер	355
Женская тихая лирика	357
Из книги «Здесь». Потому что	359
«Я спрошу у отцов Египетских, чернецов Синайских:...»	361
«...Каждая неверная фраза, написанная мною...»	363
Из книги «Герой». «Они наелись, говорят...»	366
Из книги «Двести лошадей небесных». Карандашик	368
Чудо	369
До небесного Ерусалима	370
Баллада о Сашке Билом	371
После юбилея	374
Шесть букв	377
Из цикла «Маски». «На нищего, на замордованного...»	379
Пелагия	382
Ничто	388
Сновидение	391

Сергей Фёдоров

Предисловие к книге «Слово об Олесе»	6
Искусство	18
Улыбка Натальи на её отпевании	30
Записки церковного сторожа...	39
О. Всеволод Шпиллер накануне своего отпевания	44
Записки церковного сторожа	46
Записки церковного сторожа	60
Записки церковного сторожа	70
Записки церковного сторожа	75
Из очерка «Схимонахини Серафима и Мария».	79
Записки церковного сторожа	84
Беседа архм. Иоанна Крестьянкина о посмертных явлениях прт. Всеволода Шпиллера.	92
Ангел маленькой Лизы	100
Записки церковного сторожа	108
Записки церковного сторожа	111
Записки церковного сторожа	119
Записки церковного сторожа	127
Записки церковного сторожа	131
Записки церковного сторожа	137
Записки церковного сторожа	142
Записки церковного сторожа	145
Записки церковного сторожа	148
Записки церковного сторожа	154
Записки церковного сторожа	158
Из «Беседы архм. Иоанна Крестьянкина о посмертных явлениях прт. Всеволода Шпиллера»	165
Богословское мнение Записки церковного сторожа	174
Записки церковного сторожа	184
Записки церковного сторожа	187
Благочестивое желание Записки церковного сторожа	193
Неосторожное желание Записки церковного сторожа	194
Из статьи «Крюковские посиделки»	209

<i>Записки церковного сторожа</i>	217
<i>Записки церковного сторожа</i>	233
<i>Записки церковного сторожа</i>	236
<i>Записки церковного сторожа</i>	251
<i>Записки церковного сторожа</i>	254
Из статьи «Художница. Откровение в иконописи»	259
<i>Записки церковного сторожа</i>	264
О реинкарнации. <i>Записки церковного сторожа</i>	274
<i>Записки церковного сторожа</i>	282
Железная логика. <i>Записки церковного сторожа</i>	287
Нетерпение <i>Записки церковного сторожа</i>	291
<i>Записки церковного сторожа</i>	293
Критика картины Васнецова «Три богатыря»	299
Выход патриарха Алексия II в метафизику	308
Из статьи «Беседа архм. Иоанна Крестьянкина о посмертных явлениях прт. Всеволода Шпиллера»	313
<i>Записки церковного сторожа</i>	333
Встреча	347
<i>Записки церковного сторожа</i>	353
«Святые старушки» <i>Записки церковного сторожа</i>	363
<i>Записки церковного сторожа</i>	369
Из переписки с издателем	386

УДК 882-1
ББК 84Р7
Ф33

Сергей Фёдоров

Слово об Олесе. —

М.: Волшебный фонарь, 2018. 400 с., ил.

Дизайнер Р.Б. Гершзон

Редактор В.П. Ерохин

ISBN 978-5-903505-25-8

ISBN 978-5-903505-09-8

© С.В. Фёдоров, текст, иллюстрации, 2018

© О.А. Николаева, текст, 2018

© «Волшебный фонарь», макет, 2018

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Формат 60×84/16

Объём 25 п.л.